ЗЕНТА ЭРГЛЕ

Между нами, девочками, говоря...

ЗЕНТА ЭРГЛЕ

МЕЖДУ НАМИ, ДЕВОЧКАМИ, ГОВОРЯ...

Зента Эргле

Между нами, девочками, говоря…

Повесть

Издание второе

РИГА «ЛИЕСМА» 1987

84L 7-44
Э 747

ПЕРЕВЕЛА С ЛАТЫШСКОГО ЖАННА ЭЗИТ

ХУДОЖНИК ЭДГАР ОЗОЛИНЬШ

Э $\frac{4803010200-44}{М 801 (11)-87}$ 231-87

Глава первая

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ВОЛШЕБНИКОМ

— Между нами, девочками, говоря, новенький — самый красивый мальчик в классе, — заявила Санита Самтыня. — Видели, какие у него глаза? Прямо как блюдца. И ресницы длиннющие, и загибаются, как у девчонки.

— Мне бы такие вьющиеся волосы! Ничего б не пожалела! — вздохнула Рита Озола.

— А вдруг это завивка?

— Тогда кудряшки мелкие были бы, как у барана.

— С мальчишками нам точно не повезло, все какие-то малахольные. Аллегро помешался на своей музыке, мы для него что прошлогодний снег, Арнитис в общем-то ничего, даже «шейк» и «диск» танцует, так ростом не вышел. Петерис как на девочек глянет, сразу краснеет и бледнеет, — перечисляла Анна Лиепа, загибая при этом пальцы.

— Краснеет и бледнеет он только перед Даце, — уточнила Санита. — К тому же заикается.

— Гирт Лея — тот часами может глазеть на обыкновенного воробья, для него мы тоже пустое место. Имант Янсон, этот злюка и ворчун, хоть внешне и ничего, и ростом подходящий, так на своих камнях чокнулся, — продолжала Анна.

— И на географе, на Антоне Антоновиче, не забудь, — добавила Даце Эгле.

Занятия шли уже целую неделю, а восьмой «б» еще лихорадило. Все вместе заново переживали события минувшего лета. Напрасно классный руководитель Рейнис Карлович Кадикис, который вел у них латышский язык, говорил о том, как важно взяться за дело с самого

начала учебного года, о том, что для многих этот год последний в школе, о том, что все вместе должны достичь первой в своей жизни вершины. Правильные слова и наставления повисали в воздухе, так и не дойдя до ушей тех, кому были предназначены.

Лето выдалось дождливое, а сейчас, в сентябре, словно пытаясь наверстать упущенное, солнце светило вовсю, поэтому никто не думал о занятиях.

В понедельник утром класс, разделившись на группы, гудел и звенел словно улей.

— Мы с братом такой номер отмочили, просто класс, — Гирт Лея, по прозвищу Галка, не мог пожаловаться на отсутствие слушателей. — Пока предки по Карпатам, мы на плоту по Гауе. Поездочка получилась что надо, это я вам говорю.

— А правда, что Гирт Яковлев и в жизни такой же красивый, как в кино? — допытывались девочки у кинозвезды класса Арниса Лициса.

— Говорят, вокруг глаз у него уже морщинки и он больше не сможет играть молодых, — щебетала Санита.

— Чушь! Есть такая мазь, гримом называется, ею все морщинки шпаклюют.

— Давай-давай, рассказывай! — Анна толкнула в бок Арниса. — Язык проглотил, что ли?

— Он, вероятно, Гирта только издали видел, — подначила Рита Озола.

— Что я, девчонка, что ли, чтобы морщинки его считать? — обиделся Арнис. — А вообще-то Гирт — суперпарень. В новом фильме он мне вроде приемного отца. А теперь отвалите, пресс-конференция закончилась! — И Арнис демонстративно повернулся к девочкам спиной. — Профессор, дай, пожалуйста, списать алгебру!

Марга Кална влетела в класс красная, как помидор.

— Уф! — вздохнула облегченно она. — Думала, опоздаю. Рита, иди сюда, чего расскажу! Жуткая тайна.

Девочки устроились за партой и, прижавшись друг к дружке, стали шептаться.

— Только поклянись, никому ни словечка!

— Как не стыдно!

— Ну так вот. Начну с самого начала. Вчера утром забралась я к маме в кровать, как обычно по воскресеньям. Мы тогда говорим обо всем на свете — о школе, о платьях. А папа в это время готовит

завтрак на кухне и приносит его нам прямо в постель, ты же знаешь. Но вчера утром все было совсем по другому. «Ты уже большая девочка», — говорит мне вдруг мама. Я жду, что же дальше? А вдруг снова едут за границу и оставляют меня одну, как в прошлом году? Так вот, нет...

— Ну и ну! — Клав Клявинь подошел к девочкам и покачал головой. — Вот так феномен природы — Сиамские близнецы. Одно тело, две головы. Если учитель вызовет, обе отвечать пойдете.

— Смени пластинку, надоело! — оборвала его Рита и повернулась к Марге. — Рассказывай дальше! Только смотри, все по порядку.

У дверей раздался громкий свист.

— Шеф! — сообщил Юрис Кирсис, по прозвищу Аллегро. — Несется как на пожар.

Класс притих. Восьмиклассники давно уже решили, что с Рейнисом Карловичем им повезло. Пятерки он ставил редко, но старался быть справедливым, и это его качество класс ценил особенно высоко. Соседи, восьмой «а», совершенно измучились со своей вечно брюзжащей и придирчивой англичанкой.

Поздоровавшись, учитель подошел к столу и открыл классный журнал.

— Надеюсь, вчера все успели приготовить уроки. Что же было задано на сегодня? Анализ сложносочиненного предложения. Добровольцы есть?

В классе воцарилась напряженная тишина.

— Давай, Зайга! — толкнула Санита сидящую впереди лучшую ученицу класса.

— Мы вчера за грибами ходили. И вообще, меня в пятницу вызывали, — прошептала, отказываясь, Зайга.

Над склоненными головами поднялась одинокая рука.

— Янис? Похвально. Оказывается, ты, кроме своей химии, признаешь и столь скромный предмет, как грамматика латышского языка.

— Я не признаю, то есть, в принципе, я признаю, — смутился Янис. — Рейнис Карлович, я прошу от имени класса — перенесите грамматику на завтра, а сегодня, пожалуйста, расскажите о чем-нибудь. Например, как вы партизанили.

Учитель прикрыл глаза. Вокруг глаз и рта появились мелкие лучики смеха — нашли его слабое место.

— О том, как я партизанил, поговорим как-нибудь в лесу у костра. А сейчас, если все настроены против грамматики, напишем сочинение.

Учитель подошел к доске, взял мел, подумал мгновение и написал: «Если бы я был волшебником...»

С минуту в классе царило смятение, похожее на испуг. Затем поднялся шум.

— Но ведь волшебники давно уже вымерли.

— Ничего не вымерли, просто переселились в капиталистические страны. В Англии, например, официально зарегистрировано 11 507 колдунов, которые колдовством зарабатывают себе на хлеб. А в Америке и того больше.

— Старики, кто читал «Свидетель колдовства» Райта?

— Где ты ее достанешь? Она давно распродана.

— У моей мамы в книжном магазине блат.

— Дай почитать!

Учитель постучал по столу. Шум затих.

— Рейнис Карлович, у нас нет тетрадей. — Аллегро пошел с главного козыря. Перспектива писать сочинение его ничуть не вдохновляла.

Класс облегченно вздохнул.

Учитель порылся в своем пухлом портфеле и вытащил стопку белых листов.

— Юрис, раздай, пожалуйста!

Аллегро, кисло улыбаясь, стал обходить парты.

— Что, Байба?

— А на другую тему нельзя? Например, «Образ комсомольца в латышской советской литературе», или «Как я провел лето».

— Нет, на сей раз я хочу посмотреть, как работает ваша фантазия.

— Можно писать о чем угодно? О выдуманной сказочной стране, например, или о космосе? — спросил Петерис Лиепинь, сочинения которого были лучшими в классе. Он уже два года посылал в школьную стенгазету стихи под незатейливым псевдонимом «Ученик». Класс деликатно хранил его тайну, делая вид, что ничего не подозревает.

— Я же сказал — тема свободная. В порядке исключения отметки за сочинения ставить не буду.

С последних парт донесся облегченный вздох.

— Но это не значит, что вы можете сдать пустой листок.

Разговоры постепенно затихли. В классе воцарилась рабочая тишина.

Рейнис Карлович неторопливо подошел к раскрытому окну. В груди тупо болело, словно чья-то рука схватила сердце и не отпускала. Нащупав в кармане пробирку с нитроглицерином, он привычным движением положил в рот маленькую таблетку. Боль отступила почти мгновенно.

Стоял теплый сентябрьский день. Воробьи барахтались в лужах и чирикали по-весеннему громко. Бабушки, усевшись в ряд на скамейке перед школой, поджидали своих первоклассников.

— Вчера мой пришел с разбитым носом. Юрис подножку подставил.

— Без отца растет, хорошего ждать нечего!

— Учительница жалуется: не слушается, говорит. По классу бродит во время уроков.

— А у моей внучки одни пятерки.

Из зала через открытое окно донеслась песня:

Ты куда летишь, соколик,
Крылышки твои из воска, —

И тут же оборвалась. Малыши поют. Вероятно, Иева Александровна уловила неверно взятый тон. Молодая и удивительно энергичная, эта Иева Александровна. Да она и сама словно радостная песня. «Ты куда летишь, соколик...» Куда уж тут полетишь?! Дотянуть бы эти восьмые до весны и — на пенсию, засесть за рукопись. Это мой долг перед погибшими товарищами.

Рейнис Карлович обернулся к классу. Марга и Рита отпрянули друг от друга и нехотя стали писать. Неразлучны с первого класса, гордятся прозвищем «Сиамские близнецы», стараются одинаково одеваться. Вот и сейчас у обеих одинаковые белые кружевные воротнички.

Зайга Зиле, лучшая ученица класса, исписала уже третий лист. У нее все в порядке, и запятые на своих местах, и цитаты. А будут ли собственные мысли? Класс не любит Зайгу, дразнит зубрилой.

Анна Лиепа, прошлогодняя «Мисс-7 б», мечтательно уставилась на доску, словно надеясь что-нибудь списать. За лето она еще больше похорошела, светлые волосы вьются, носик мило вздернут. Только характер ершистый и язычок острый.

Санита влюбленным взглядом рассматривает свои туфли на платформе.

— Наши предки в таких навоз месили. — Это, конечно же, Клав, первый остряк в классе.

Кто-то хихикнул.

— Дурак! — громко, на весь класс прошептала Санита.

Янис Круминь пишет взахлеб, вот уж удивительно. Санита задумчиво грызет ручку и посматривает на часы. Ее соседка по парте Байба Балтыня прикрыла написанное рукой, чтобы не видела Санита. Стесняется. Все эти годы Байба была средней ученицей, особыми способностями не выделялась, но и особых хлопот не доставляла. Кажется, и ни с кем не дружила. На одной парте с Санитой сидит случайно — живут в одном доме. Вот, пожалуй, и все, что их объединяет. За лето Байба изменилась. Исчезла угловатость, тонкое личико обрамляет волна рыжеватых волос, заплетенных в длинную толстую косу. Гадкий утенок превращается в белого лебедя.

Размышления учителя прервал резкий звонок.

Рейнис Карлович обошел парты, собрал листки. Кто-то еще торопился дописать последнее предложение, большинство же бросилось из класса во двор.

Марга и Рита уселись на своей любимой скамейке, скрытой от чужих глаз пышными кустами сирени.

— Рассказывай же, не тяни!

— У нас в доме скоро будет маленький ребеночек, — на одном дыхании произнесла Марга. — Под Новый год! Мы долго решали, кто лучше — мальчик или девочка. Мама считает, что девочка, чтобы у меня была подруга на всю жизнь. Но ведь у меня есть ты, правда? Мы с папой хотим мальчика. Даже взяли календарь, чтобы имя выбрать. Папа, так тот просто помешался на Клаве, а мне, как вспомню нашего Клоуна, плохо делается. Теперь же такие имена есть! Ритварис, Анрис, Дросмис, Айгар, Арвил. А папе больше нравятся старомодные — Каспар, Мартынь, Кристап, Янис. У меня теперь совсем не будет времени. Мы с папой решили маму беречь. Я каждый день мою посуду и готовлю обед, а папа — покупает продукты и убирает квартиру. Просто ужас, что будет! Я умею только жарить картошку и яичницу, но не будешь же каждый день есть картошку и яичницу, опротивеет.

— Мы с бабушкой тебя научим. Она у нас знаешь как вкусно готовит!

Прозвенел звонок на урок.

— Завидую я тебе, Марга! Мне так нравятся совсем маленькие детишки, — тихо произнесла Рита. — Если бы моя мамочка не умерла во время родов, братику было бы уже семь лет.

Марга сжала Ритину руку, и обе, все так же в обнимку, помчались в класс.

* * *

Над городом бушевала гроза. Уличные фонари, словно маленькие яркие планеты, раскачивались на ветру. Небольшой квадрат неба над темнеющими корпусами домов вспыхивал белыми огнями. В стекла барабанили тяжелые капли дождя. При каждом раскате грома рамы жалобно звякали. Люди проснулись, кое-где зажегся свет. Улица бурлила, словно река в половодье. Разбрызгивая грязь, направлялись в депо последние троллейбусы. Ветер перебирал лежащие на столе Рейниса Карловича листки, и они тихо шуршали.

Где это было? В Латгалии, [illegible] Лубаны — так же раскалывалось небо, дождь [illegible] Мартынем должны были взорвать фашистский склад. [illegible] и потерял левую руку. Тридцать лет прошло, [illegible] А эти четыре года, словно тень, преследуют везде [illegible] каждый день напоминает то пуля, застрявшая около [illegible] встреча с бывшим боевым товарищем или траурное [illegible]: «После тяжелой и продолжительной болезни скончался участник Великой Отечественной войны, командир партизанского отряда...»

Рейнис Карлович провел ладонью по лицу, словно отгоняя воспоминания, и вернулся в настоящее.

«Если бы я был волшебником...»

Учитель заглянул в души своих восьмиклассников, узнал самое сокровенное.

Большинство мечтало о космосе, о полетах на Луну, на другие планеты и еще дальше — в другие галактики, откуда уже не возвращаются. Их фантазию пробудили романы Лема и Михайлова, кинофильмы.

Анна, своенравная красавица, написала: «Мне очень хочется встретить своего отца. Мама ничего о нем не рассказывает, я даже не знаю, жив он или умер. Раньше, когда я была еще маленькая и мама оставляла меня дома одну, я всегда представляла — сейчас откроется дверь и войдет мой папа, такой большой и сильный, и поднимет меня до

самого неба. Но приходила с работы усталая мама с тяжелой продуктовой сумкой.

Я знаю, это плохо, что я завидую тем, у кого есть и мама, и папа. Если бы у меня был отец, мы бы вместе ходили на лыжах, слушали музыку, он был бы моим лучшим другом». И в конце: «Рейнис Карлович, пожалуйста, не показывайте никому мое сочинение».

В работе Саниты, как в зеркале, отразился узкий мирок ее семьи: «Если бы я была волшебником, я бы вместо нашей трехкомнатной заимела большую, роскошную квартиру, а еще лучше — собственный дом в саду. В шкафах чтоб полно было модной одежды и обуви, в комнатах — мягкие ковры и полированная мебель, а в саду чтоб цвели розы. Тот, кто ходит в стоптанных туфлях и в одной и той же одежде и говорит, что ему все равно, тысячу раз лжет. Всем нравится хорошо одеваться и жить с удобствами, и кто это отрицает, тот самый настоящий лицемер».

С такими взглядами дети не рождаются, это взгляды родителей, плохих друзей и знакомых. Мать Саниты работает продавцом в цветочном магазине, отец — директор комиссионного магазина. У дочери импортные туфли, импортная одежда, импортные мысли. Что делать? Разве задача учителя — перевоспитывать родителей? Через год Санита собирается в торговый техникум. Хорошо, если выдержит конкурс.

Учитель записал в блокноте — [illegible] и поставил рядом большой вопросительный знак.

«Если бы я был волшебником, я бы сделал так, чтобы мои товарищи полюбили музыку так же, как я. Музыка — это волшебная страна, куда могут входить только хорошие, чуткие, честные люди. Всяким карьеристам, лгунам, клеветникам, хулиганам и прочей дряни доступ туда был бы закрыт. Мне жаль, что в эту страну пришло так мало товарищей из моего класса. А может быть, они ищут настоящий путь к ней и никак не могут его найти? Если бы я был волшебником, я бы приобрел для нашей школы много музыкальных инструментов — электрогитар, ударных, тромбонов, саксофонов, контрабасов, чтобы кто только захочет мог научиться играть. И тогда мы в классе организовали бы свой ансамбль. Я бы писал для него музыку, а Петерис — тексты песен...»

Это, конечно, Юрис, мальчик музыкально одаренный, с абсолютным слухом. Отец Юриса — известный хоровой дирижер, мать — солистка оперы. По вечерам мальчик учится в музыкальной школе...

блокноте учителя появилась вторая запись: «Музыкальные инструменты. Оркестр. И. А. Лице».

Зайга Зиле вообразила школу двадцать первого столетия, когда на всей земле победит коммунизм. Как он и предполагал, здесь все на месте — цитаты из Маркса и Ленина, стихи Ояра Вациетиса и Иманта Зиедониса. Жаль только, что за этими правильными строками не чувствуется мысли самого пишущего. Лишь в конце Зайга откровенна: «В этой стране будущего родители и дети будут жить дружно, доверять друг другу. Родители не станут навязывать свою волю, не будут силой заставлять отлично учиться, не будут копаться в вещах детей и вырывать из рук книги, в которых пишется о любви. Матери не станут подслушивать телефонные разговоры, никто не будет запрещать девочкам и мальчикам дружить и никто не будет обзывать их женихом и невестой.

Будь я волшебницей, я бы сделала так, чтобы это будущее началось уже завтра...»

У Рейниса Карловича все не выдавалось времени зайти к родителям Зайги. Отец, главный бухгалтер большого предприятия, аккуратно посещал все собрания. Ее младший брат Янис, тихий, словно запуганный

мальчик, учился в четвертом классе. Что заставило Зайгу так написать? Может быть, это она о себе? Учитель вспомнил, как переживала девочка, когда в прошлом году по латышскому языку ей грозила четверка, как она просила, чтобы разрешили исправить отметку. Как-то, получив тройку по английскому, Зайга упала в обморок.

Да, что-то здесь неладно.

Самой большой неожиданностью для учителя оказалось сочинение Байбы Балтыни — сказка о современной Золушке.

«Жила в одной семье Золушка. Была она очень некрасивая. Слабая, худая, с рыжими волосами и грубыми натруженными руками. Дома ее звали Золушкой. Девочка вставала раньше всех, чтобы успеть приготовить завтрак матери, злому отчиму и их настоящему сыночку — грубому, избалованному мальчишке. В школе девочке часто хотелось спать — дома у нее было столько дел, что приходилось трудиться и по ночам. Однажды в школе устраивали бал. Всем девочкам шили новые платья, покупали туфельки для танцев. А у Золушки было только одно единственное заштопанное платье и старые стоптанные туфли. Мать и отчим со своим настоящим сыном ушли в гости, а Золушке наказали сидеть дома и вязать свитер. Вяжет она и плачет, плачет и вяжет. Вдруг смотрит — перед нею старушка. И говорит старушка: «Возьми это колечко, покрути, и все твои желания исполнятся». — «Мне бы очень хотелось пойти на школьный бал». — «Только вернись домой до полуночи», — предупредила старушка, которая на самом деле была доброй Лаймой[1].

Золушка даже спасибо сказать не успела, как старушка исчезла, словно сквозь землю провалилась. Девочка покрутила колечко и сказала: «Хочу красивое платье!» И — о, чудо! — на ней сказочно красивое платье. Покрутила девочка колечко еще раз — вместо стоптанных туфель на ногах бальные туфельки на высоких каблуках. В школе все дивятся — откуда взялась такая красивая девочка? Мальчики хотят танцевать только с ней. А девочки не узнали свою одноклассницу и от зависти не разговаривают с ней и на нее не смотрят.

Натанцевавшись и навеселившись, Золушка через черный ход покинула школу и быстренько домой. Покрутила колечко — вместо роскошного платья на ней старое, штопаное, покрутила еще раз — на ногах стоптанные туфли. Пришла домой мать, пришел отчим, а Золушка

[1] Лайма — в латышской мифологии богиня судьбы и покровительница сирот

сидит и старательно вяжет. И тут произошло чудо — отчим похвалил падчерицу.

С этого дня жизнь девочки изменилась. Работа так и спорилась у нее в руках. Трудится девочка и поет. Идут мимо люди, остановятся, послушают и делается им веселее. Мать тайком гордится своей дочерью, даже злой отчим...»

Сочинение осталось недописанным.

«Прошли те времена, когда я верил в волшебников и всякую другую нечисть. Вот если бы изобрели невидимое оружие, я, как капитан Немо, сражался бы со всякими подлецами и лицемерами, с бюрократами и всякими другими негодяями. Даумант Петерсон».

Учитель подошел к полке, где стояли тридцать две папки, для каждого ученика своя. С четвертого класса отмечает он перемены в характерах ребят, их успехи, интересы, наклонности. В младших классах жили они с открытым сердцем, а сейчас словно в сейф его заперли. Не легко разгадать шифр каждого и посмотреть, кто чего стоит.

Тот же Даумант. Сколько ему? Шестнадцать. Мартыню, его отцу, было семнадцать, когда он потерял руку. Они знали, за что сражаются, во имя чего рискуют жизнью, ни минуты не сомневались. А Дауманту из-за троек и плохой отметки по поведению пришлось уйти из старой школы. Что же мешает ему учиться? Может быть, какие-то особые обстоятельства?

Что знает он, классный руководитель, о духовном мире Байбы, о ее доме? А что если за сказкой стоит горькая правда? И что кроется за сочинением Зайги?

Рейнис Карлович подошел к распахнутому окну. Гроза, словно заботливый дворник, смыла всю грязь, всю пыль. Пахло хвоей и грибами. Город спал. Только изредка промчится машина или нарушат тишину торопливые шаги прохожего. В небе сверкают чистые, умытые звезды. В доме напротив темно, только на втором этаже два окна светятся нежным зеленоватым светом. Учительница английского языка Марджория Робертовна Шип тоже ночная птица.

* * *

Байба Балтыня закрыла учебник латышского языка и сладко зевнула — что бы ни говорил Рейнис Карлович, а разбор предложения в столь поздний час не самое увлекательное занятие.

«Некоторые девочки восхищаются новичком Даумантом Петерсоном, — записала она в своем дневнике. — А по-моему, он просто кривляется, хочет, чтобы на него обратили внимание. А сказку о Золушке я зря написала. Р. К. невесть что подумает; придет еще к нам домой».

* * *

— Вашими сочинениями я доволен, — сообщил на другой день учитель латышского языка. — Некоторые написали просто блестяще.

Восьмиклассники удивленно переглянулись — на уроках латышского языка их обычно не хвалили.

— Жаль, что мы договорились не ставить оценки, — продолжал учитель. — Не было бы ни одной двойки. А Зайга, Юрис, Петерис, Анна и еще некоторые получили бы пятерку. И Байба. Ее сочинение я хотел бы вам прочитать.

— Ой, пожалуйста, не надо! — воскликнула Байба и от смущения закрыла лицо руками.

— Что ты психуешь! — толкнула ее в бок Санита. — Пусть бы прочел. Пожалуйста, Рейнис Карлович, прочитайте другое! — попыталась она спасти положение — Зайги или Петера.

На сей раз не помогли никакие трюки, от ненавистной грамматики восьмому «б» избавиться не удалось.

Глава вторая

ДАУМАНТ «СПАСАЕТ» КЛАСС

— Сегодня или никогда, — решительно произнесла Марга, надкусывая яблоко с такой силой, что сок потек по подбородку.

— Я боюсь, — призналась Рита. — Что скажут бабушка и папа?

— Думаешь, я не боюсь? Но когда-то надо решиться!

Девочки сидели на траве под яблоней, ветви которой гнулись под тяжестью спелых плодов.

Рита жила на одной из главных улиц города в небольшом домике. Он уже лет сто принадлежал семье Озол. От прохожих домик был укрыт пышной живой изгородью и небольшим садом, в котором вперемешку росли сирень и жасмин, яблони, вишни, кусты красной и черной

смородины. У самого входа все лето цвел невиданный куст, усыпанный золотисто-палевыми душистыми розами. Его привез из Франции еще Ритин дедушка. Вокруг поднимались многоэтажные дома, а здесь все напоминало деревню.

— Дедушка рассказывал, что, когда он был молодым, там, где теперь высотные здания, паслись коровы. А еще раньше, в шестнадцатом веке, здесь протекала Даугава. С тех времен сохранился Ведьмин ров. Туда бросали людей, обвиненных в колдовстве или в связях с нечистым духом. Если несчастный тонул, значит был виновен, если всплывал — значит ему помогала нечистая сила, и тогда его сжигали на костре.

Домик доживал свои последние дни. Отец Риты уже получил извещение о том, что их будут сносить. Бабушка, когда никто не видел, плакала.

— Не расстраивайся, бабушка, зато в новом доме горячая и холодная вода, ванная, — успокаивала ее Рита.

Но для бабушки здесь каждый уголок, каждая вещичка напоминали о любви, о рождении детей, о радостных и счастливых днях.

— Сколько у нас денег? — спросила Марга.

Рита дотянулась до портфеля и вытащила кошелек.

— Рубль и еще шестьдесят копеек. А вдруг не хватит? Отложим на завтра, я у папы еще попрошу.

— Хватит! — Марга вскочила, стряхнула прилипшие к платью травинки и схватила подругу за руку. — Пошли!

Как обычно в середине дня, народу в парикмахерской не было. Кассирша, положив голову на руки, дремала. Два мастера, один постарше, другой совсем еще мальчишка, сидели за столиком и играли в домино.

— Дамская парикмахерская налево, — заметив девочек, сказал тот, что помоложе, и продолжал играть.

— Вы... нам... — заикаясь, произнесла Рита и попятилась к дверям.

— Нам постричься! — Марга подтолкнула Риту к креслу, а сама устроилась в другом. Мастера неохотно поднялись и повязали девочкам белые накидки.

— Какой длины? — хмуро спросил старший у Риты.

— На ладонь ниже ушей, — за себя и за подругу ответила Марга.
Два взмаха ножницами — и светлые Ритины косы оказались на полу.

— Прощай, детство! — засмеялся мастер.

Рита смотрела в зеркало на чужую испуганную девочку с гладко прилизанными волосами, и ей ужасно захотелось плакать.

— Ничего, — подравнивая волосы, успокаивал ее мастер. — Сделаешь завивку или просто закрутишь, будешь красивее, чем с этими старомодными мышиными хвостиками.

От расчески летели искры, когда второй мастер расчесывал густые каштановые волосы Марги. Волнами они рассыпались по спинке кресла.

— Не жалко? — спросил мастер.

— Нисколько.

— Чудачки эти девчонки, — рассуждал мастер. — Это ж самая красота для такой курносой.

Волосы, тщательно отращиваемые с первого школьного дня, прядь за прядью падали на пол.

Щедро политые мужским одеколоном «Шипр», девочки вышли из парикмахерской.

— Как голове легко! — радовалась Марга

— А за что я теперь держаться буду? — расстроилась Рита.

— Как — держаться? — не поняла Марга.

— Я, когда теряюсь, всегда за косы держусь.

Марга громко засмеялась.

— Держись за палец. Теперь в классе только у Байбы будут косы. А сейчас мне срочно надо купить бюстгалтер. Ты еще можешь потерпеть, а я уже нет. Как ты думаешь — третий мне покупать или четвертый?

А Рита время от времени трогала волосы. Ей казалось, что она что-то потеряла.

— Идем, накрутим на бигуди. Ты мне, я тебе... — тараторила Марга. — Что в классе скажут, когда нас увидят?!

Проскользнув мимо кухни, где бабушка готовила обед, девочки юркнули в Ритину комнату и для верности подперли дверь стулом. Марга достала из сумки совершенно новые бигуди, налила в стакан воду и принялась за дело.

— За меня можешь не беспокоиться, — не умолкала она, закручивая мокрые Ритины волосы. — Я своей мамочке всегда прическу делаю. Я и сушильный аппарат захватила, феном называется.

Рита, вся пунцовая, сушила мокрые волосы, а Марга возилась со своими, когда в саду раздался бабушкин голос.

— Девочки, куда это вы запропастились? Обед готов.

Марга приложила палец к губам.

— Сделаем ей сюрприз.

Сюрприз и в самом деле удался на славу. С минуту бабушка изучала девочек, не говоря ни слова. Тонкое личико Риты с золотистыми веснушками на носу и голубыми глазами, обрамленное пышными прядями, выглядело мило. Марга же напоминала стриженую овцу. Но девочки были так счастливы, так довольны собой, что бабушка проглотила упрек, вертевшийся у нее на языке.

— Ах, девочки, девочки, рановато вы хотите стать взрослыми, — вздохнула она.

У Марги дрожали коленки, когда она открывала двери своей квартиры. Родители смотрели телевизор и вначале на дочь не обратили внимания. А потом началось! Марга впервые видела отца в таком гневе.

— На кого ты похожа? На стриженую овцу! — кричал он. — Раньше люди смотрели и радовались, глядя на твои прекрасные косы.

— А я их давно уже ненавижу, — всхлипывала Марга. — Мальчишки в школе дразнят длиннохвостой коровой. Каждое утро вставай

раньше и заплетай. На кого я была похожа — на деревенщину какую-то.

— Сделанного не воротишь, — примирительно произнесла мама. — Сунь голову под кран, прополощи эти ужасные кудряшки.

— Зачем? — снова захныкала Марга.

— Затем, что эта прическа тебе не идет. Отец прав. Ты похожа на завитую овцу.

Мать и дочь в спальне перед зеркалом долго изучали разные прически, пока не выбрали подходящую — гладко зачесанные назад волосы, схваченные заколкой.

* * *

— Близнецы что-то потеряли! — во всеуслышание объявил Клав на следующее утро.

— Что? — удивилась Зайга.

— Шиньоны.

Для остальных девочек это уже был пройденный этап, а мальчиков тоже не интересовало, с косами Марга и Рита или без. Эпоха дерганья за косы давно миновала.

— Мара в учительской пишет задания на листках, — сообщил, влетая в класс, Имант. Восьмой «б» заволновался. Химия была первым уроком, спасти не могло ничто.

Когда молодая химичка Мара Петровна Цируле два года назад села за длинный учительский стол, Рейнис Карлович вежливо ей указал:

— Девочка, здесь учительская.

Позже, вспоминая этот случай, оба смеялись от души.

Пророчество заместителя директора по хозяйственной части Валентина Яновича Рушко, что, мол, такое хрупкое существо под тяжестью учительской ноши переломится, как тростинка, не сбылось. Мара Петровна оказалась женщиной с твердым характером. Через полгода химия стала предметом не менее любимым, чем география. Ребята взвешивали, измеряли, смешивали и подогревали, с интересом наблюдая, что из всего этого получается. Кое-кто готов был за Мару Петровну пойти в огонь и в воду. Старшеклассницы, которых уже стала интересовать собственная внешность, с любопытством приглядывались к элегантным джемперам и юбкам химички. Мара Петровна это заметила и охотно объясняла какой-нибудь сложный узор для вязанья или

фасон. О другом увлечении своей учительницы восьмой «б» узнал совершенно случайно. Из передачи по телевидению. В конкурсе современных бальных танцев Мара Цируле вместе со своим партнером завоевала второе место.

Очень скоро в школе открылся кружок современных бальных танцев. Девочек записалось великое множество, а вот мальчишек приходилось тащить силой. Мара Петровна привела в школу пожилого, но еще очень энергичного учителя танцев, и тот трудился в поте лица, пытаясь сделать из неловких, деревянных мальчишек грациозных танцоров и галантных кавалеров. С девочками было легче, казалось, искусство танца они постигли еще в колыбели.

Мара Петровна придерживалась собственной методики обучения. Раз в месяц экспромтом она проводила контрольную работу, чтобы проверить, как ученики усвоили пройденный материал. На шпаргалки нечего было и рассчитывать — каждому давалось индивидуальное задание, написанное на отдельном листке.

В восьмом «б» [illegible] на понедельник. Что бы ни [illegible] этого класса. Один только Янис [illegible] ветно.

— Он, бедняжка, не понимает, что у него запрограммировано в генах. — Остальные относились к увлечению Яниса снисходительно.

Мать Яниса была профессором химии, отец работал в Институте органического синтеза. В классе шутили, что родители по вечерам вместо сказки расшифровывали Янису химические формулы. В шестом классе Янис чуть не сгорел. Тайком он взял в кабинете химии бертолетову соль, сунул ее в карман и забыл об этом. Реактив согрелся и неожиданно вспыхнул, в кармане прожгло дыру, опалило руку и бок. Но когда в результате одного неудачного эксперимента в родительском гараже обвалилась стена и чуть не погиб сам наследник, родители отвели Яниса во Дворец пионеров, в кружок юного химика, в надежде, что теперь дома все будет в полной сохранности.

— Послушай, Профессор, спаси класс! — в отчаянии прошептал Имант. — Ведь половина двойки схватит. Какой нормальный станет в такой день, как вчера, сидеть дома и зубрить химию?

— А что я могу сделать? — пожал плечами Янис. Лично его эта контрольная не волновала ничуть.

— Что, что — взрыв, вот что.

— Что ты упрашиваешь этого индюка? — презрительно прошипел сидевший рядом с Имантом Даумант.

Медлить было нельзя. Зайга уже раздавала листки с заданиями. Мара Петровна просматривала туго набитую бумагами папку.

— Разрешите вымыть руки, — попросил Даумант.

— Пожалуйста, Петерсон, если вам это так необходимо.

Мара Петровна ко всем своим ученикам обращалась только на «вы» и по-фамилии. Исключений не было.

Раковина находилась в кабинете химии, в углу за шкафом, где в банках и бутылках с этикетками хранились химикаты.

Не успел Даумант вернуться на свое место, как по классу пополз нестерпимый запах. Поднялся гам.

— Кто-то газ пустил!

— Тухлыми яйцами воняет!

— Тухлым мясом!

— Можно выйти, мне плохо.

— И мне! И мне!

— Зиле, откройте, пожалуйста, окна и [illegible]. Быстро соберите свои вещи, контрольную продолж[illegible].

— Змея подколодная! — сплюнул Имант.

Даумант развел руками.

— Я сделал все, что мог.

Через двери и окна коварный запах, словно обретя тысячу ног, быстро распространился по школе.

В это время в кабинете директора шел пренеприятнейший разговор с инспектором школ из отдела народного образования, сердитой пожилой женщиной. Незаметно потянув носом, инспектор подозрительно посмотрела на директора. Он уже давно чувствовал этот неприятный запах.

— Извините, — сказал он и прикрыл окно. — У нас здесь по соседству небольшая механическая мастерская. Иногда все вокруг отравляет карбидом. Вероятно, снова испортился сварочный аппарат.

— А мне кажется, пахнет отсюда. — Инспектор открыла дверь, мгновенно отпрянула и закрыла нос платком. — Ужас! Что здесь происходит?

В этот момент восьмой «б», зажав носы пальцами, выскакивал из кабинета химии.

— Мара Петровна, что это значит? — недовольно спросил директор.

— Неудачный эксперимент. Через несколько минут последствия будут ликвидированы.

— Петерсон, что произойдет с сульфитом натрия, если его бросить в кислоту? — спросила учительница, когда все вошли в класс.

— Он растворится, — невинно ответил Даумант.

— А еще?

— Выделится газ — сероводород, по запаху напоминающий тухлое яйцо.

— Вам придется выполнить домашнее задание — написать доклад о сульфитах не менее, чем на десяти страницах. В следующий понедельник будем вас слушать. Литературу можете получить у меня.

Класс грохнул.

— Мы задержались на пятнадцать минут. В вашем распоряжении осталось тридцать. Контрольная не отменяется.

Смех оборвался мгновенно.

* * *

— Ты зачем это [illegible]? — [illegible] на переменке. — Из-за тебя многие не [illegible] теперь получат плохую отметку.

— Ах, вот вы как! — вскипел Даумант. — Перед контрольной готовы были хоть атомную бомбу взорвать, а теперь я же и виноват!

— Да не слушай ты эту зубрилу! — Имант потянул за собой друга. — Не знаешь разве, она ж за каждую пятерку удавиться готова. Ты поступил как настоящий герой.

«Если бы контрольная сорвалась, все бы кричали «ура!» и поздравляли Даумапта, а теперь... — думала Байба, собирая портфель. — А у Мары Петровны руки от волнения дрожали...»

Укоризненного взгляда Байбы Даумант не вынес.

— Чего эта рыжая вытаращилась, — бушевал он. — Думает, небось, пришел в наш расчудесный класс этакий наглец, мешает хорошим деткам учиться. Ради себя не стал бы я связываться. Мне лично на вашу химию начхать!

Неделя промчалась незаметно.

В субботу утром Даумант подсел к Профессору.

— Послушай, гений химии! Тебе раз плюнуть накатать этот доклад, я в долгу не останусь.

— А сколько дашь? — насмешливо спросил Янис.

— Да не про деньги я. Если есть на кого зуб, только скажи, я его под орех разделаю!

— Времена, когда кулак решал дело, старик, давно миновали. Ты опоздал, по крайней мере, лет на триста.

— Ну уж в ножки тебе кланяться не стану! — разозлился Даумант.

* * *

— Наши устраивают поход «Прощание с летом». Не хочешь присоединиться? — пригласил в воскресенье утром старший брат Кристап. — Будет костер, печеная картошка, песни.

— Отстань! — прорычал из-за стола Даумант, обложенный книгами.

— Ну и чудеса! Малыш за учебу взялся! — Брат пожал плечами, взял рюкзак и ушел.

После завтрака родители с младшей сестренкой стали собираться на огород.

— Даумант тоже мог бы помочь, пока погода хорошая, — ворчливо заметил отец.

— Да уж мы как-нибудь сами, видишь, ребенок учится, — остановила его мать. — Мы пошли, сынок, котлеты и картошка в холодильнике, захочешь есть, согреешь.

А Даумант, словно детектив, гонялся по страницам толстенных томов за злосчастными соединениями серы и тщательно выписывал все, что о них говорилось. Выяснились интереснейшие вещи.

В понедельник Мара Петровна нашла на своем столе аккуратно подшитую папку с надписью «Сульфиты». В ней было ровно десять страниц, и ни строчки меньше.

Глава третья

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Географ Антон Антонович Цауне, по кличке Колумб, снискал славу строгого, но справедливого учителя. Пятерку по его предмету получал только тот, кто мог рассказать больше, чем было написано в учебнике.

Первой пятерки в восьмом «б» удостоился Имант за свою тщательно подобранную коллекцию полезных ископаемых Латвии. Имант дорожил ею больше, чем скряга деньгами, и долго ломался, прежде чем принести в школу.

— На мир надо смотреть пытливо и зорко, — повторял обычно Антон Антонович. — Сидишь на большом валуне — узнай, как он сюда попал; переходишь вброд речку — выясни, откуда она берет начало и куда впадает.

Мастер спорта по горному туризму, он [illegible] участвовал в интересных экспедициях. Школьный географический кабинет славился в городе уникальными коллекциями минералов, отличными описаниями маршрутов, картотекой со сведениями о всех континентах, которую постоянно пополняли сами ребята. Книги о путешествиях в школьной библиотеке были дефицитом — [illegible] в очередь. Ребята увлекались фотографией, [illegible].

Ученики Антона Антоновича [illegible] ориентировались в незнакомой [illegible] лым деревьям и [illegible] регулярно участвовали в [illegible] занимали обычно одно из первых мест.

На глухой станции, где большинство электричек даже не останавливалось, октябрьским утром из вагона высыпала ватага хохочущих, гомонящих ребят. Антон Антонович, похлопав в ладоши, быстро собрал своих. В толпе ребят, одетых в обычные тренировочные костюмы, они выделялись светло-зелеными вельветовыми жилетами с эмблемой школы.

— Шагом марш! — скомандовал Цауне и первым ступил на хорошо утоптанную тропку, пересекающую луг.

Ночью был мороз. Трава покрылась серебристым инеем, превратившим стебли мятлика, конского щавеля и головки клевера в хрупкие, словно сделанные из стекла произведения искусства.

— Поспорим, пойдет дождь, — ворчал Имант, — хотя бы потому, что я забыл дома плащ.

— С ясного неба? — подтрунивал Гирт. — Денек будет что надо.

Петерис и Даце молча шли за ними.

Даце, участница республиканской команды школьников, имела немалый опыт в соревнованиях по ориентированию на местности. Прогулка по лесу всегда доставляла ей радость. Но сегодня она с трудом

встала с постели. Голова была тяжелая, в висках стучало, при каждом вздохе в груди что-то скрипело, как несмазанное колесо. Однако на свежем воздухе голова болеть перестала, и Даце повеселела.

На опушке леса уже чувствовалось обычное предстартовое оживление. Сандружинницы поставили палатку и прикрепили к ней красный крест. Антон Антонович построил ребят и обратился к представителю районного отдела народного образования, знаменитой когда-то альпинистке Регине Сале с просьбой открыть соревнования. К счастью, она не принадлежала к любителям поговорить — сказала несколько слов о значении ориентирования как вида спорта и пожелала всем удачи на дистанции.

Каждому участнику выдали номер и карту маршрута. Шестикилометровую дистанцию надо было преодолеть максимум за два часа, отмечая при этом на карте контрольные пункты.

— А что, старики, рванем за час! — предложил Иманг. — А потом посидим у костра, испечем охотничьи колбаски, я захватил с собой.

— Можно́, — ребята не возражали.

Через каждые пятнадцать секунд один из участников исчезал в лесу. Вскоре на старте остались только санитарки и Регина Сала, которая после соревнований должна была вручать победителям награды.

— Девочки, если я через полтора часа не вернусь, покричите, — попросила она и отправилась в лес за грибами.

* * *

Кеды у Даце быстро промокли, и по спине время от времени пробегали мурашки. У контрольного пункта с цифрой «91» ее ждал Петерис.

— Есть у тебя попить? В горле совсем пересохло.

Петерис предложил леденцы.

— Ты что, больна? — он озабоченно пощупал лоб Даце. — Глаза такие усталые и лоб горячий.

— Просто бежала, — солгала Даце. — Пошли вместе, дорога покажется короче.

Перевалив через песчаный холм, густо поросший молодыми соснами, они спустились в топкую низину, по которой змеилась речка. С берез облетали последние золотистые листья и опускались на землю, словно маленькие планеры, в голых ветвях осины зябли капли росы. Могучий

дуб, укутанный, словно шубой, желто-ржавыми листьями, гляделся в речную заводь.

— Это зимний дуб, — сказала Даце. — На нем и зимой листья. Они защищают почки от холода. А весной, после первого теплого дождя, дуб за одну ночь сбрасывает листья, покрывается зеленью, и тогда кажется, будто он накинул на себя кружевной платок.

На ветке дуба и был устроен тщательно замаскированный следующий контрольный пункт.

Даце первая заметила сваленные на берегу стволы осины. Они напоминали аккуратно отточенные карандаши. Чуть ниже слышалось журчание воды. Бобры искусно перегородили речку стволами осины и корнями деревьев, отверстия [illegible] мелкими веточками, обмазав их землей и грязью. Вода, пенясь, пере[illegible] через двухметровую плотину.

Излучина реки, где на карт[illegible], [illegible]ратилась в бобровый пруд с [illegible]

Согласно марш[illegible]ся через речку. Тропинк[illegible] мосткам. После нескольких [illegible]. А минувшей ночью подморо[illegible], [illegible] на осколки стекла, в омуте они вертелись каруселью.

Петерис не успел опомниться, как Даце оказалась на мостках. Дальнейшие события напоминали ускоренную киносъемку. Когда Даце дошла до середины, мостки перевернулись, и она оказалась под водой. Петерис бросился на помощь. На противоположный берег оба выбрались гораздо ниже по течению.

— Надо обсушиться. Спички есть? — Даце выжимала мокрые, похожие на водоросли волосы.

Вытащив из планшета намокшую маршрутную карту, Петерис стал ее изучать.

— До финиша еще порядочный кусок, а у тебя температура, это яснее ясного. Где-то здесь поблизости должен быть хутор «Невуличи». В конце концов, это нам по дороге. Бежим!

Петерис первым бросился через убранное картофельное поле. Даце, падая и спотыкаясь, поплелась за ним.

— Подожди минутку, — попросила она, — дышать нечем.

— Потерпи! Уже недалеко. За яблоневым садом.

Петерис схватил девочку за руку и потащил за собой. На раскидистых замшелых яблонях, словно золотые и красные цветы, висели поздние яблоки. В ветвях щебетали синицы и поползни.

Постройки прятались за кустами сирени и казались заброшенными. Прогнувшаяся крыша жилого дома поросла зеленым бархатным мхом, сквозь который местами пробивались пучки серой соломы. У хлева один край крыши обвалился. Словно поломанные ребра, глядели в небо концы балок. Рыжая кошка, задрав хвост, выбежала навстречу и тотчас стала тереться о ноги. Над дверьми дома висели похожие на раскинутые руки большие ветвистые оленьи рога.

Петерис постучал. Раздался лай.

— Кто там? Заходи! — произнес за дверью неприветливый голос.

На вымокших до нитки ребят пахнуло приятным теплом и духом деревенского дома — запахами дыма, лука, яблок и копченого мяса.

На кровати, спустив вниз ноги в длинных белых подштанниках, сидел лохматый дед и неприветливо смотрел на вошедших. На негнущихся лапах к ним подковыляла такая же лохматая собака, обнюхала их со всех сторон, громко втягивая воздух, лениво махнула хвостом и залезла под кровать.

Даце почудилось, что они попали к волшебнику. На стенах висели рогатые и клыкастые головы зверей, причудливо изогнутые корни и ветки. Черный ворон с карканьем уселся на плечо хозяина и блестящими глазами уставился на непрошеных гостей.

— Нельзя ли у вас в кухне немного обсушиться? — спросил Петерис. — Мы упали в воду.

— Ну как есть оглашенные, — ворчал старик. — Где глаза-то ваши были? Чтоб при свете дня в реку бухнуться!

Вскоре в плите уже потрескивал огонь, уютно пел чайник.

— Переоденьтесь, а мокрую одежду развесьте над плитой! — приказал хозяин. Даце он дал длинную льняную рубашку, юбку, вылинявшую от частой стирки, и большой платок.

— Мини-юбок в этом доме нет. Моя покойница признавала только макси, — добавил старик, усмехаясь в бороду.

Петерису он вручил домотканые суконные штаны и шерстяной свитер.

— Ты, Даце, точь-в-точь Кристина, — засмеялся Петерис.

— А ты Эдгар.

Даце вспомнила о том, как герои Блаумана любили друг друга, и зарделась.

— Хотел бы я быть... — медленно произнес Петерис и внезапно замолчал.

— Кем бы ты хотел быть?

— Никем.

Даце, прижавшись к теплой печке, дрожала.

— А ну-ка, выпейте горячего липового чаю с медом, — распорядился хозяин. — Сразу полегчает.

— Поспи немного, пока одежда сохнет, — Петерис попытался придать голосу строгость. — А я у плиты посижу.

Даце тотчас забылась тяжелым сном.

— Так и живу здесь один. Работа моя — за колхозными лесами смотреть, — рассказывал старик. — Бывает, целыми днями людей не вижу. А звери меня не боятся, подходят и прямо из рук едят. Оставил для кабанов целое поле картошки, пусть лучше здесь роют, чем колхозную. Минувшей ночью луна светила, так все было видно. Кабаниха целый выводок полосатых поросят привела, подсвинков. Вот уж рылись в картошке, хрюкали да чавкали.

Голос старого лесника доходил до Петериса словно издали. Пламя освещало лицо старика, и он казался сказочным лесовиком. А потом уже не было ничего.

* *

В лесу Гирту скучать было некогда. Летом он заводил долгие беседы с птицами. Подражать птичьим голосам научил его рабочий из Зоологического сада. Птицы были самой большой любовью Гирта. Прочитав книгу Конрада Лоренца «Он говорил со зверями, птицами, рыбами», Гирт купил в зоомагазине серую ворону и каждый день обучал ее говорить.

— Вы только подумайте — обыкновенная австрийская ворона, никем не обученная, умеет говорить: «Эй, ты, пойди сюда, вон она сидит, слышь, Фреди, иди сюда, вон она сидит!» А когда она вырвалась из рук мальчика, то сказала своему хозяину: «Мы поймали ее в капкан». А моя только таращит один глаз и ничего, кроме обычного «кра-кра» произнести не может.

— Ну и заливаешь, что-то не слышно было, чтоб вороны разговаривали, — не верили в классе. — Попугай, [illegible]

— Не верите? — горячился Гирт. — Пожалуйста, вот здесь написано, на восьмидесятой странице. — Гирт открыл свою любимую книгу. — Профессор Конрад Лоренц не станет обманывать. Он мог с галками разговаривать по-галочьи, с гусями — по-гусиному, и с дикими утками говорил, и с другими птицами. Я заставлю своего Ансиса говорить, — поклялся он, — тогда вы рты пораскрываете от удивления.

Ворона Гирта отлично воспроизводила шуршанье колес проезжавшего троллейбуса, шум машины, скрип открывающейся двери. Как-то птица открыла клювом дверцу клетки и вылетела в окно. Напрасно Гирт разыскивал ее в окрестном парке, напрасно звал: «Ансис, Ансис, сюда! Ансис, сюда!»

Нынешней осенью у Гирта появилось новое увлечение — галки. Он вбил себе в голову, что выведет в своем районе целую династию галок, как профессор Лоренц в Альтенберге. Стоило только задать ему вопрос о галках, как Гирт расцветал и принимался долго и пространно рассказывать об образе жизни и привычках этой удивительной птицы.

— Ты только представь себе, — удерживая собеседника за рукав, начинал он, — мои Чик и Чака влюблены друг в друга по уши. Он вы-

тянет шею, надуется и красуется перед ней, зовет «чик, чик, чик», что по-галочьи значит «ты мне нравишься». Она терпеливо чистит мягкие перышки Чика. Весной они выведут в среднем шесть птенцов, каждая пара через год еще шесть, это уже двадцать четыре галки, а еще через год...

— Через десять лет — 262 144, — быстро подсчитал Янис. — Вся Рига будет кишмя кишеть галками. Ну и фантазер ты, Гирт!

И вот Гирт, размышляя о своих птицах, вышагивал по лесу. Его острый взгляд замечал во мху и поздний боровик, и подосиновик, и необычного вида трутовик на стволе засохшего дерева. Сорока при виде мальчика громко застрекотала. Он ответил. Любопытная птица подлетела поближе. Почти километр дразнил ее Гирт, треща по-сорочьи.

Когда он добрался до цели, Имант, воюя с дымом, возился у костра. В котелке кипел чай из брусничных листьев.

— Если в ближайшие пять минут П[illegible]рис или Даце не явятся, победы нам не видать, как св[illegible] ушей, — злился Имант. — Какого черта я мчался как по[illegible] [illegible]олову! Не надо было эту парочку отпускать вмест[illegible]

Гирт тоже [illegible] — [illegible].

Через два часа [illegible], не было лишь Даце и Петериса.

С минуту посовещавшись, судьи объявили победителей. Регина Са[illegible] поздравила их и вручила небольшие памятные призы

Зарядил мелкий и нудный осенний дождь. Пропавшие все не появлялись.

— Долго мы здесь мокнуть будем? Пора идти искать, — решили, наконец, судьи.

— Только бы беды не случилось, — волновалась бывшая альпинистка.

— Я возьму десять добровольцев, — предложил Антон Антонович. — Остальные пусть отправляются домой.

Вызвались все, никто не хотел оставлять товарищей в беде.

Развернувшись в цепочку, ребята шаг за шагом стали прочесывать лес и окрестности, пока не дошли до хутора «Невулничи». Имант зашел в дом узнать о пропавших. На улицу он вышел злой

— Мы из-за них первое место упустили, а эти забрались в кровать и сладко похрапывают. Тоже мне, Ромео и Джульетта! В ухо им дать мало!

— Заткнись! — появившийся на крыльце Петерис произнес это так внушительно, что Имант сразу же замолчал.

Даце не в состоянии была сделать ни шагу. Старый лесник запряг лошадь, настелил в телегу соломы и положил больную.

— Скорее, скорее! Вон контрольный пункт, на дереве! Мне холодно! — Всю дорогу до станции девочка бредила.

Пришла в себя Даце только в поезде.

— Ой, как я вас подвела, Антон Антонович! — Она виновато улыбнулась.

— Ты — ладно, — Имант все еще не мог смириться с поражением. — Но Петерис-то мог прибежать на финиш. Победа почти в руках была. Ромео нашелся!

— Ты соображаешь, что говоришь! — возмутился Петерис. — Бросить больную Даце в лесу одну! Я еще не сошел с ума!

Глава четвертая

ДУЭЛЬ, ИЛИ МОНТЕККИ ПРОТИВ КАПУЛЕТТИ

Даце проболе́ла весь октябрь. Петерис и остальные ребята навещали ее каждый день, объясняли заданный материал, и от класса она не отстала.

Как-то утром восьмой «б» увидел на доске карикатуру: Ромео плюс Джульетта равняется малыш. В мальчике без труда можно было узнать Петериса, в девочке — Даце. Так похоже нарисовать мог только Даумант.

— Тютелька в тютельку, как живые, — злорадно произнес Имант. — Есть у тебя, старик, хватка.

— Если он считает, что это сверхостроумно, то здорово ошибается, — произнесла Анна.

Близнецы свою точку зрения выразили одним-единственным словом:

— Кретин!

Даце, еще бледная после болезни, сидела, закрыв лицо руками.

— Не обращай внимания, Даце! — проходя мимо, успокоил ее Юрис. — Даумант об этом здорово пожалеет.

Петерис влетел в класс вместе со звонком.

— Что стряслось? — всполошился он, увидев плачущую Даце. Девочка кивком головы указала на доску. Петерис подошел к доске, вытащил из кармана платок, протер запотевшие очки и, надев их, целую минуту молча смотрел на доску. Класс притих.

— Ну и гад ты, — повернувшись к Дауманту, медленно произнес он. — Все красивое на свете ты стараешься запачкать. Я горжусь дружбой с Даце. И никому не позволю ее порочить.

Петерис подошел к Дауманту и, сжав слабый кулак, изо всех сил ударил Дауманта в лицо

— Получай что заслужил!

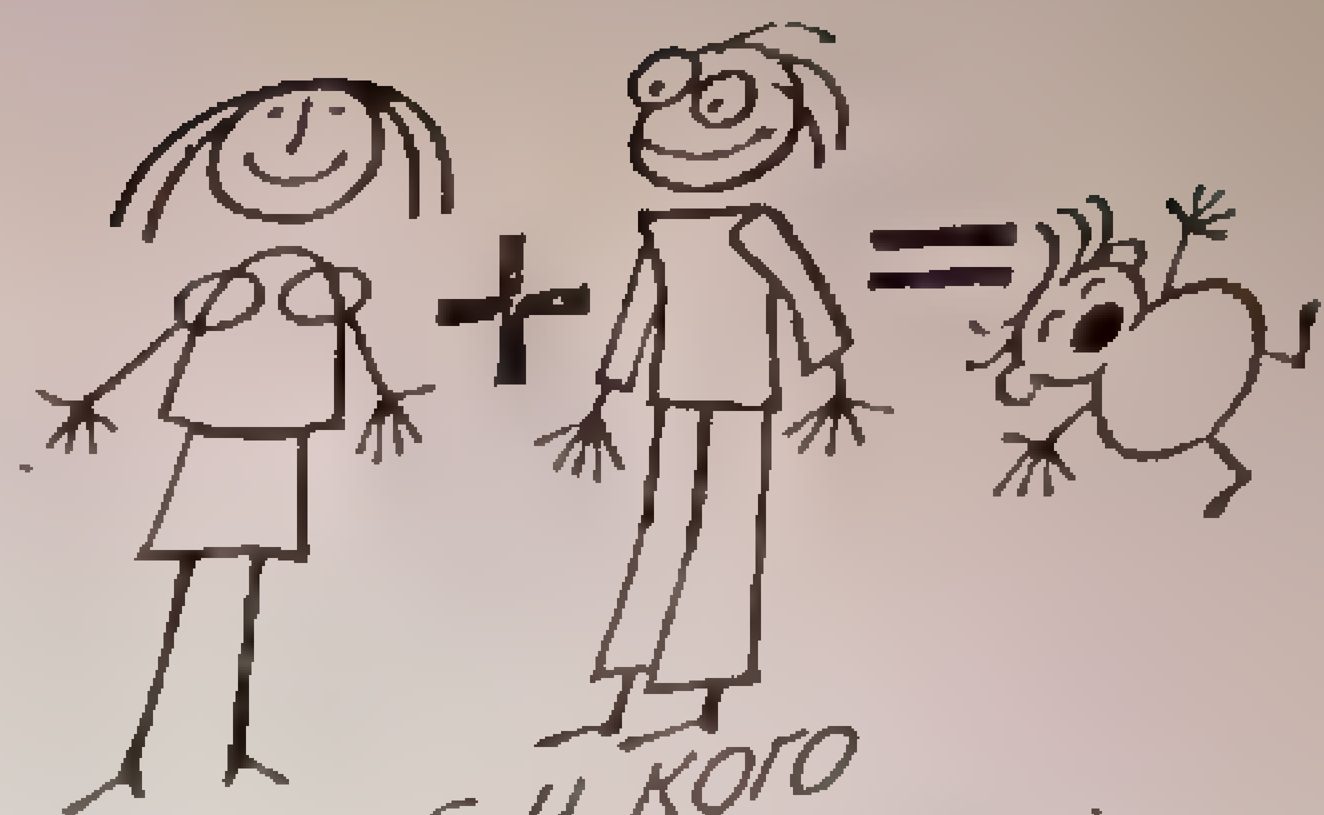
Показалась кровь. Даумант взвыл от боли и бросился на Петериса.

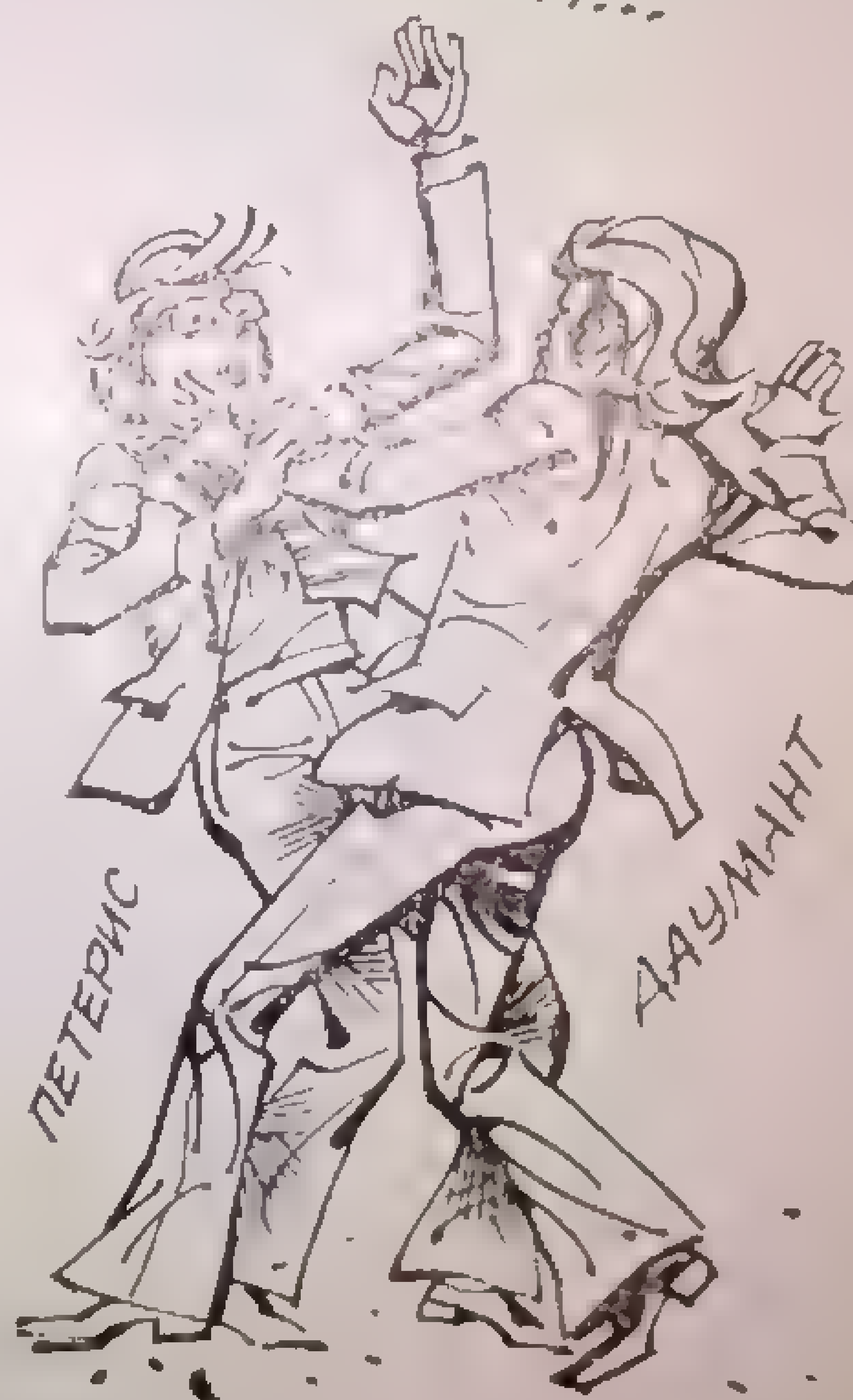
— Я из тебя котлету сделаю! — Кулаки Дауманта, как тяжелые молоты, опускались на плечи и голову противника. Очки упали, стекла разлетелись на мелкие осколки. Сощурив близорукие глаза, Петерис отчаянно защищался.

— Дуэль из-за любви! Как романтично! — в восторге верещала Санита. — Ну точно как у Шекспира — Монтекки против Капулетти.

— Они убьют друг друга! — плакала Даце. — Мальчики, что вы смотрите? Сделайте же что-нибудь!

Никто не заметил, как в класс вошел учитель.

— Даумант! Петерис! Кто начал драку?

— Петерис! — тотчас отозвался Имант.

— Виноват Даумант! — старались перекричать его девочки.

— Я не знал, что кое у кого в нашем классе отсутствует чувство юмора, — ощупывая нос, неловко оправдывался Даумант.

— Хитренький, вывернуться хочет!

— Он уже не в первый раз хамит.

— Не будем сейчас отвлекаться. После шестого урока все останьтесь, выясним, — решил Рейнис Карлович.

— Я не могу, — заявил Даумант.

— Почему?

— У меня тренировка.

— Заливает.

— Сам ты заливаешь! Через две недели решающие соревнования, тренер не разрешает пропускать ни одного занятия.

— Ничего, с твоим тренером мы поговорим особо, — пригрозила Зайга.

— Пусть только кто-нибудь попробует, таких фонарей наставлю...

— А ну, драчуны, марш в кабинет врача! Отвечать пойдет... — Рейнис Карлович несколько минут изучал классный журнал. Настал самый страшный миг. Класс постепенно затихал. Стало слышно, как о стекло бьется муха. — ... Зайга Зиле.

Раздался общий облегченный вздох. На время остальные были спасены.

— Тяни, сколько можешь, — прошептала Санита.

* * *

— Классное собрание и одновременно собрание комсомольской группы объявляю открытым, — Зайга напрасно старалась перекричать класс.

— Разрешите выйти, я не комсомолец, — Даумант встал и направился к двери.

— Почему ты не комсомолец?

Даумант пожал плечами:

— Глупый вопрос. В старой школе сказали, что характер не соответствует. Да и заслуг никаких нет.

— Правильно сделали. Подойди сюда и сядь на стул!

— Нижайше благодарю за оказанную честь. Мне и на парте неплохо.

— Иди, иди, детка, дай посмотреть на тебя, на Леонардо Недовинченного, — Клав вытащил Дауманта из-за парты. — Пойдем я тебя под ручку поведу, словно невесту!

— А чего это Даумант должен один отвечать? — возмутился Имант. — Несправедливо. Из-за Петериса школа упустила первое место. Кто же не знает, что стихоплеты — безнадежные слюнтяи. Только и умеют, что стишки сочинять да вздыхать печально. Забыл о своих товарищах, и на честь школы ему наплевать. Тоже мне Ромео, улегся себе и знай спит. Я понимаю Даце, она действительно была больна, а что помешало Петерису? Теперь ни с того ни с сего подрался. Пусть объяснит!

— Ради себя я не стал бы об него пачкаться. — Петерис нехотя поднялся. Подбитый глаз, перевязанный и заклеенный лейкопластырем, сильно болел. С Даумантом было еще хуже — врач высказал подозрение, что у него сломан нос.

— На повестке дня вопрос о чести класса, — [illegible] еще старалась перекричать остальных. — Имел ли Петерис право ударить Дауманта?

— Имел, — так в основном считали девочки. — Петерис защищал своего товарища. Он поступил, как настоящий джентльмен. В старые времена такого негодяя, как Даумант, пригвоздили бы шпагой к земле.

— Чего привязались? Ну, ладно, нарисовал я карикатуру. Ну и что? В журнале «Дадзис» полно карикатур, но никого же это не волнует. Тогда уж всех известных карикатуристов — Бидструпа, Эффеля, наших Виндедзиса, Осиса — надо было бы сажать в тюрьму или разбивать им носы.

— Дурачком прикидывается.

— Зубы заговаривает.

— Не стоит с ним говорить, — заметила Даце. — Может быть, он просто не знает, что такое настоящая дружба?

— Не знаю и знать не хочу.

— Почему?

— Потому что не верю в дружбу между мальчиком и девочкой. Рано или поздно она кончается любовью.

Класс затаил дыхание. Рейнис Карлович встал — хотел прервать Дауманта, но передумал — не маленькие уже, пусть сами разбираются.

— Знаю я такую дружбу, — продолжал Даумант. — Сестра моя целый год в облаках витала, целыми днями своим принцем восхищалась, а теперь малыша сама воспитывает. А дружок ее с другими спелся.

— Не верьте ему. Несколько негодяев еще ничего не значат. Есть на свете любовь, которая сильнее даже смерти. Она и спустя столетия приносит людям радость. Например, Ромео и Джульетта, над которыми тут некоторые невежды издевались.

— Авторский вымысел! Литература!

— Пожалуйста, могу назвать примеры из жизни — Карл Маркс и его жена Женни.

— Ленин и Крупская.

На улице шумел ветер, тяжелые капли дождя стучали в окно. В классе царила полутьма, но никто не вставал, чтобы зажечь свет

— А вы, Рейнис Карлович, верите, что в наше время может быть такая же сильная любовь, как у Ромео и Джульетты?

Учитель мгновение молчал. Для большинства сидящих здесь слово любовь было еще бесплотным, сами они еще не изведали красоты первой любви. Многим она казалась прекрасной, заманчивой тайной, и раскрыть ее хотелось как можно скорее А кое-кто, наслушавшись от парней постарше гнусностей, издевался над девочками. Но что происходит с Даумантом?

Рейнис Карлович молчал. Класс ждал ответа.

— Любовь — это счастье, — задумчиво произнес Рейнис Карлович. — Любовь делает человека лучше, сильнее, честнее. И в наше время есть любовь, которая сильнее смерти, я это знаю по себе.

— Ой, Рейнис Карлович, расскажите, пожалуйста!

— Нет, друзья, это принадлежит только мне и той женщине, которая давно уже покоится в земле.

— Ты, Даумант, не веришь в любовь, потому что сам ее не пережил. — Это, кажется, Рита. — В такие чувства, как товарищество, честность, дружба, ты тоже не веришь?

— Где она, эта честность? Красивые слова, которыми нас, словно манной кашей, пичкают в школе. А на самом деле что? Пьяный муж бьет жену, терроризирует всю семью, и все делают вид, что не замечают, — честно, да? В магазине обманывают покупателей на копейку, на пять, а окажись тетка поглупее, то и на больше. Это честно, по-вашему? — На красивом лице Дауманта появилась презрительная гримаса... — Как там говорил поэт, тот, что умер от чахотки:

Нет правды на свете,
Царит лишь кулак.

Я отправляюсь упражнять кулаки, чао!

И прежде чем его попытались задержать, Даумант с силой захлопнул за собой дверь. Шаги его гулко разносились в пустом коридоре.

— Дурак! Думает, Америку открыл! — на весь класс презрительно произнесла Санита.

«И моя мама с каждого цветка по копейке, по две? — Эта мысль пришла Саните в голову впервые. — Денег в нашем доме хоть отбавляй. А зарплата у матери маленькая. У отца больше, он директор магазина. Мама говорит, что только последний дурак пускает в продажу импортные вещи, не позаботившись прежде о семье, о друзьях и знакомых, от которых может что-то перепасть. Все девочки завидуют моим платформам, да и учителя, видно, тоже. Жаль, что в школу приходится ходить в форме. Увидели бы девочки мой английский брючный костюм, позеленели бы... А Даумант просто-напросто кретин, о таких вещах вслух не говорят».

В классе вновь воцарилась тишина.

— Человеку глаза даны, чтобы видеть, ум — чтобы думать. Вы уже не маленькие, — заговорил учитель. — Сотни, тысячи семей работают, живут спокойно, и никто их не замечает, но стоит только одному забулдыге распустить руки, как узнают все вокруг. А все потому, что нечестность глаза колет. Продавец-жулик, хулиган, пристающий на улицах к прохожим, вор — никто из них не избежит наказания. А Даумант смотрит на мир сквозь узкую дверную щелку.

— Выгнать Дауманта из нашего класса, — предложила Зайга. — Это из-за него у нас все пошло вкривь и вкось.

— Вероятно, виноват во всем я один, — признался классный руководитель. — Его отец — мой бывший боевой товарищ. Даумянту пришлось уйти из старой школы. Я надеялся, я даже был убежден, что мой класс, особенно комсомольцы, справятся сами.

— Некоторые мальчики смотрят на него, как верующие на икону.

— Ну, уж это ты, Зайга, загнула! — оборвал Зайгу Янис. — Кто смотрит?

— Имант, например.

— А что я, — оправдывался Имант. — Даумант обещал научить меня боксировать. Он в своем районе чемпион среди юношей. Все пардаугавские хулиганы уступают ему дорогу.

«Поздно уже, — забеспокоилась Байба. — Мама велела почистить овощи и сварить суп. Отчим придет, опять начнутся допросы. И почему это Даумант такой упрямый и злой? Может быть, его, как и меня, дома не понимают? Может быть, он одинок, у него нет друга и не с кем поговорить? А мы, ничего не узнав, уже готовы осудить, выгнать...»

— Подожди, Зайга, сначала надо выяснить, почему он такой злой, — заметила Байба. — А вдруг у него дома плохо? Надо поговорить с его родителями.

— Завтра вечером я зайду к ним, может быть, из вас кто-нибудь пойдет со мной? — предложил Рейнис Карлович.

— Пусть Байба идет.

— Почему я, — смутилась Байба. — Лучше кто-нибудь из мальчиков. Ведь у нас равноправие.

— Считай, что это твое комсомольское поручение. — Зайга торопилась все запротоколировать.

— Может быть, в школе можно организовать секцию бокса? Желающих будет хоть отбавляй. И пусть Даумант с ними занимается, — предложила Даце, физорг класса.

— И пусть рисует карикатуры в школьную стенгазету, а не на доске. Надо рассказать учительнице рисования, что у нас появился новый Леонардо да Винчи. Держу пари, Майга Эдуардовна будет в диком восторге, — предложила Анна.

— Ну вот, это уже нечто конкретное, — похвалил ребят учитель. — А сейчас пора по домам. Уже поздно.

— Как, разве Даумант за свои выходки не будет наказан? — возмутилась Зайга. — Публично оскорбить товарища, избить Петериса, который слабее его, — разве это можно допустить? Если бы решать надо было лично мне...

— Вообще ты права, но причины и обстоятельства преступления, уважаемый товарищ прокурор, надо еще тщательно расследовать, поэтому вынесение приговора откладывается, — прервал Зайгу Клав.

* * *

— Даце сегодня плакала, — сообщил за ужином младший братишка. Всполошилась вся большая семья Эрглисов: отец, мать и пятеро братьев — кто посмел обидеть их любимую Даце?

Девочке пришлось все рассказать.

— Чего они к нам пристают? — у нее на глазах снова показались слезы. — Разве дружить — стыдно?

— Не обращай внимания, — успокаивал старший брат. — Петерис, правда, несколько жидковат, а так парень ничего.

— Летом возьмем его с собой в поход, пусть закаляется, — добавил маленький Марис.

Поздно вечером, когда все уже улеглись, Даце забралась к матери в кровать.

— А вдруг это любовь? — спросила она. — Мне с Петерисом хорошо. Он не похож на других, не кривляется и не смеется каждой глупой шутке. А какие стихи он пишет! Никому не показывает, только мне и своей маме. Что мне теперь делать — прогнать его?

«Выросла дочка». Мать улыбнулась в темноте.

— Дружба — это нежный цветок, за которым надо постоянно ухаживать, который надо беречь. А тот, кто над нею смеется, сам, очевидно, никогда не имел настоящих друзей.

— Петерис тоже так считал, — успокоилась Даце. — Как хорошо, мамочка, что ты такая...

— Какая?

— Добрая и все понимаешь. Другая мать не знаю что бы подумала.

— Ты у меня умная девочка, сама знаешь, что можно, а что нельзя. Мы с папой тебе верим. А теперь марш в свою кровать!

Даце поцеловала мать и, успокоенная, отправилась спать.

* * *

На тренировку Даумант пришел злой. Распухший нос чертовски болел. О том, чтобы заниматься, не могло быть и речи. Хорошо, если заживет до соревнований.

— Что это с тобой? — спросил Хроникер, мальчик, напичканный именами спортсменов и рекордами.

— Было дело!

— Дома или в школе?

— В школе. Дома будет завтра. Боюсь, тренер из группы отчислит.

Этого допустить нельзя было ни в коем случае. Без Дауманта, самого ловкого среди них, им грозит полный провал.

— А ты тренеру ничего не рассказывай.

— Есть у нас в классе одна — «борец за правду». Пригрозила притащиться и выложить все мои грехи, начиная с рождения.

— Как она выглядит? Организуем у входа в клуб дежурство и не пустим ее.

— Могу нарисовать.

Несколько штрихов — и портрет Зайги был готов. Хроникер положил вырванный из блокнота листок в нагрудный карман.

— Все будет в порядке, старик, не видать этой Фелиците нашего тренера, как своих ушей.

— Ее зовут Зайга.

— Один черт.

Из-за какой-то ерундовской карикатуры поднять такой шум! Даумант чувствовал себя незаслуженно оскорбленным.

Дверь открыла мать. Глаза ее были заплаканы.

— Что с твоим носом? — заволновалась она

— Пустяки. Кое-кто переборщил. Положу компресс, к утру пройдет.

— Поешь и сразу же иди в свою комнату. С отцом не спорь, — попросила мать.

Даумант до тонкостей знал все степени отцовского опьянения.

— Я одной рукой делаю больше, чем они двумя! До войны я был лучшим столяром в Задвинье!

Хвастается — значит первая стадия. На второй любое возражение вело к битью посуды и к драке. Старшего сына отец не трогал, даже когда бывал сильно пьян. Терпеть все приходилось матери, сестре и младшему — Дауманту.

Отец сидел за столом — глаза злые, нос покраснел, правая рука сжата в кулак, пустой левый рукав висит.

— Завтра к нам придет мой классный руководитель Рейнис Карлович. Постарайся быть трезвым, — сказал Даумант.

— Слышишь, Мартынь, учитель Кадикис придет в гости.

— Ну и черт с ним... Я знаю только одного Кадикиса, того, с кем сражался в партизанах, — нашего комиссара. Он, правда, был из интти... интеллигентов, книжки в вещмешке таскал, но покладистый был мужик... Золотой человек.

— Так это он и есть.

— Ну, комиссара Кадикиса надо принять с честью. Чтоб закуска и выпивка была, слышь, мать! А что ему надо? — Старый Петерсон подозрительно посмотрел на сына. — Опять что-то натворил? Убью, если

меня перед комиссаром опозоришь! Слышишь? С тобой говорят! — Отец стукнул кулаком по столу с такой силой, что звякнули чашки.

— Успокойся, Мартынь! — остановила его мать. — Иди лучше спать.

— Всех, как мух, перебью! — бушевал Петерсон.

— Если ты еще хоть раз притронешься к матери или к сестре, будешь иметь дело вот с этим! — Даумант показал отцу боксерскую перчатку и захлопнул за собой дверь комнаты.

Кристап, зажав уши обеими руками, занимался.

— Ну, скажи, почему он пьет? Почему?

— Успокойся. Многие пьют.

— Мне от этого не легче. Помнишь, как хорошо было лет пять назад. Мать все время пела, сестра на аккордеоне играла. Когда ты последний раз слышал, чтобы мать пела или сестра играла? Из хора мать давно ушла. А как она постарела, волосы совсем седые.

Даумант повесил на стенку перчатки и, как был, в одежде, бросился на диван.

— Закончу восьмой класс, получу паспорт и исчезну из этого дома.

— Куда? На надувном матраце по Гауе?

— Поеду в Сибирь, БАМ строить.

— Думаешь, таких маменькиных сынков без знаний, без профессии с распростертыми объятиями принимают? Наивняк. Почитай газеты. Десятки тысяч со всего Союза ждут вызова. Причем строители и вообще специалисты.

— Чтобы пилить в тайге деревья и махать топором, и восьми классов хватит. Зато деньги какие! Не понимают меня ни дома, ни в школе! Только и отведешь душу среди ребят в клубе. Ну, да ладно, пора за уроки. — Даумант тяжело вздохнул.

Что завтра? Английский. Тут поможет магнитофон Кристапа — с грехом пополам выучит, выкрутится, если вызовут. По грамматике тройка — не вызовут. Историю можно перед уроком прочесть. Химия — это обязательно посмотреть надо. Вторично вступать в конфликт с Марой Петровной Даумант не желал. В душе он был благодарен учительнице за то, что она не нажаловалась директору и не снизила оценки по поведению.

— Приглуши свой ящик, другим тоже заниматься надо!

Еще три минуты, и наступит первозданная тишина.

За стеной жалобно плакал маленький Андритис. У него резались зубы.

* * *

Рейнис Карлович и Байба долго блуждали по темным улочкам Пардаугавы, пока не нашли дом, в котором родители Даумапта снимали квартиру.

Рейниса Карловича приняли как дорогого гостя. На столе поблескивала бутылка лучшего коньяка, вокруг — тарелки со щедрой закуской.

— Не стоило так беспокоиться, Мария, — выговаривал Рейнис Карлович. — На сей раз наша встреча будет не из радостных.

— За стаканчиком и разговор вести проще, — приглашал к столу хозяин.

— Спасибо, я уже ела, — отказалась Байба.

— Даумант, пригласи девочку к себе, — посоветовала мать.

В небольшой комнате всего-то и хватало места для двух диванов и стола. Одну стену украшали почетные грамоты, вторую — фотографии боксеров.

— Пожалуйста, мисс, присаживайтесь, чувствуйте себя как дома! Правда, апартаментами похвастаться не могу, но что делать — таковы обстоятельства. Бедность не порок. Может быть и мы опорожним по стаканчику, чтобы разговор пошел легче?

— На стене твои дипломы? — поинтересовалась Байба.

— Куда мне! Это все Кристапа, старшего брата, он у нас гордость семьи, комсомольский стипендиат, мастер спорта, будущий корифей науки и так далее и тому подобное. Родители гордятся им, как своими боевыми наградами.

— И я бы гордилась таким братом.

— А я вот не горжусь. Отец каждый день пилит и пилит: Кристап такой, Кристап сякой, а я, мол, в могилу его сведу, а мать только и делает, что плачет. Ну, что я говорил, послушай сама. — Даумант открыл дверь.

— ...С детства в него словно бес вселился...

— Это про меня.

— Ни забора для него высокого нет, ни канавы — широкой. Выбьют, бывало, у соседа окно или сломают яблоню, виноватого и не ищут, прямо ко мне. Пока мал был, выпорю, бывало, до синяков, а с большим что сделаешь? — жаловался отец. — Как-то свалился с дерева и так разбился, что врачи полгода штопали. Думали, присмиреет, да куда там...

Тут Даумант включил магнитофон на полную мощность.

— Ты чего ко мне притащилась? Кто тебя звал? — закричал он девочке прямо в лицо.

Байба не ответила.

— Ну что вытаращилась и молчишь? Ругай меня, стыди, ведь для этого ты и явилась. Терпеть не могу, когда на меня смотрят телячьими глазами.

— Я лучше пойду. До свидания! — Байба протянула руку. Даумант почувствовал шершавую ладонь и удивленно взглянул на девочку.

— Ты что, дрова пилишь, что ли, руки у тебя какие? — спросил он, разглядывая узкую Байбину ладонь.

— Убираю, стираю, варю, и дров могу напилить, — улыбка, словно лучик солнца, осветила на мгновение лицо девочки и тотчас погасла.

— А я думал, ты такая же маменькина дочка, как остальные в нашем классе.

— Не понимаю я тебя, Даумант. И чего ты кипятишься? У тебя есть родители, которые тебя любят, у тебя замечательный брат, хорошая сестра.

— Замечательного брата я вижу по воскресеньям, и то через раз. Сестра, которая раньше веселой была, молчит, отец все чаще приходит домой пьяным, кричит, ругается. А маму жалко. Ей здорово достается, переживает она. Только в классе об этом ни слова, договорились? Идем, я тебя провожу.

— Не надо. Не такая уж я трусиха.

— Ты нашей окраины не знаешь.

Родители Дауманта и Рейнис Карлович были так заняты обсуждением педагогических проблем, что ухода молодых людей не заметили.

Домишки прятались в промозглом ноябрьском тумане. Словно кошачьи глаза, мерцали среди голых деревьев освещенные окна. Потревоженная шагами прохожих, нехотя взлаивала где-то собака.

Когда из переулка неожиданно вынырнула группа ребят и окружила их, Байба вздрогнула.

— Дай прикурить!

Даумант посветил карманным фонариком.

— Ах, это вы? А где Кучерявый? — насмешливо спросил он.

— Какой там кучерявый! На сутки посадили, и вся красота — тю-тю. Мальчик страшно переживает.

— Скажите, пусть в комиссионке парик купит. И от нас пламенный привет.

— Пардон, Боксер! Сматываемся, ребята!

Так же внезапно, как появились, парни исчезли во тьме.

— Зачем тебе такие товарищи? Это же настоящие хулиганы! — удивилась Байба.

— А что в них особенного? — Даумант пожал плечами. — Нормальные ребята. Год назад и я по вечерам вот так же шатался. А что еще делать? Предки засядут дома, словно кроты в норе, зимой все вечера или перед телевизором торчат, или у соседей в карты играют. Летом после работы до ночи возятся в своем огороде. Умереть можно с тоски. А в компании веселее, на гитаре побренчим, выкурим по сигарете, винчика выпьем. Случалось и прохожих попугать, просто так, шутки ради. А потом как завертелось... Есть у нас тут небольшая речка и лесок. Прошлым летом мы речку перегородили, чтобы хоть окунуться можно было. Как-то смотрим — плотина наша разворочена. Починили. Через несколько дней — снова. Решили проследить. Оказалось, дело рук Кучерявого и его свиты. Драка была что надо. Одному нос перебили, у другого все лицо в крови, мне шею порезали. И вдруг в разгар драки кто-то говорит так насмешливо:

— Оказывается, вы и драться-то по-настоящему не умеете.

Вначале испугались, думали — переодетый милиционер, крышка нам. Тут парень говорит:

— Давайте знакомиться! Роберт Страут.

— Ну и что, что Страут! А я Лапинь, звучит ничуть не хуже, — подначивает Кучерявый.

А свита его знай поддакивает.

— Заткнитесь, — говорит Хронкер. — Бывший чемпион республики в среднем весе?

— Именно, — отвечает Страут, смотрит на наши глупые физиономии и улыбается. — Хотите, я вас научу драться по-настоящему?

Какой же уважающий себя парень не захочет? Словом, Страут помог организовать в нашем районе боксерский клуб «Меткие перчатки». Предки сначала скандал подняли, и так, мол, драк хватает. А теперь молчат. С двойками в клуб не берут. Старшие ребята вместе с дружинниками патрулируют на улицах. Хулиганы притихли — боятся. С компанией Кучерявого у нас особые счеты. Обнаглели совсем — жен-

щин задевают, пьяных обчищают. Хорошо, что главарю их досталось. Знаешь, Байба, наш тренер колоссальный человек, другого такого я не встречал. Ребята за него жизни не пожалеют.

Миновав небольшой парк, они попали совсем в другой мир. Разноцветные окна, утерявшие в тумане четкость очертаний, мерцали, словно стеклянные шары, и башни многоэтажных домов казались Байбе огромными нарядными елками.

В широких витринах открывшегося недавно торгового центра были выставлены самые разные товары. Кинотеатр рекламировал очередной боевик — любовную драму со счастливым концом. «Детям до 16 лет вход воспрещен».

— Мне уже шестнадцать, мне можно смотреть, как двое целуются, а тебе нескольких дней не хватает. Тебя этот фильм может испортить. Очередное ханжество взрослых. Скажешь, нет? Через год по телевизору его посмотрят и первоклассники, — иронизировал Даумант.

Остановка троллейбуса [illegible] кинотеатра.

— Спасибо, что проводил.

— Байба, будь человеком, [illegible] с Зайгой, пусть перед соревнованиями не доносит [illegible]. Понимаешь, предстоит матч с ребятами из спортшколы, нам очень важно доказать, что и мы можем победить. Появится надежда выбить у шефа спортинвентарь.

— Сам не можешь поговорить? Мне казалось, ты храбрее.

— Ваша Зайга — что тот манекен из витрины — красивый, но мертвый, без сердца. От одного ее вида у меня желчь разливается. Боюсь я в очередной раз нагрубить и все испортить, — чистосердечно признался Даумант. — А перед Дане, если она захочет, я могу извиниться. Я не думал, что это так ее заденет.

После долгих дипломатических переговоров Зайга, боготворившая протоколы и вообще всяческие документы, записала в дневнике класса:

«Своим поведением антиобщественный и аполитичный элемент Даумант Петерсон неоднократно позорил доброе имя [illegible]. Чтобы повысить его общественное сознание, общее собрание класса обязало его в течение месяца выполнить следующие поручения:

1) активно участвовать в оформлении классной и школьной стенных газет;

2) помочь учителю физкультуры организовать в школе кружок бокса;

3) в целях повышения политического уровня ученика Даумента Петерсона ему поручено в течение месяца подготовить доклад о важнейших международных событиях.

Контроль за выполнением возложен на Байбу Балтыню».

— И чтоб без фокусов, Петерсон, — добавила Зайга. — Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— Слушаюсь, товарищ прокурор, — Даумант подобострастно шаркнул ногой. Самое главное достигнуто — Роберт Страут не узнает о его поведении в школе.

— Уж мы его обломаем, — ехидно произнесла Зайга. Хорошо, что слов этих не слышал Даумант.

«Что же теперь будет? — записала вечером Байба в своем дневнике. — Класс доверил мне перевоспитывать этого лентяя и драчуна Дауманта. Справлюсь ли я? И что скажут мать и отчим?»

Глава пятая

«БАЙБА, РАДИ ТЕБЯ Я...»

У квартиры номер шесть Даумант остановился. На блестящей медной пластинке вязью была выгравирована незнакомая фамилия «Н. Найковский». Но ведь фамилия Байбы — Балтыня. «Вероятно, коммунальная квартира», — решил Даумант и нажал на кнопку.

Дверь открыл пожилой, в домашней замшевой куртке, мужчина, с острой бородкой и ниточкой усов. Редкие волосы тщательно прикрывали лысину.

«Изобразить эту физиономию проще простого», — мелькнуло у Дауманта.

— Извините, Байба дома?

— Зачем вам Байба? — мужчина подозрительным взглядом окинул парня с головы до ног.

— Ей поручено меня просвещать, — пояснил Даумант.

— Как это понимать? — удивился усатый.

— Очень просто — она будет просвещать меня в области политической, общественной и, кроме того, помогать в учебе, — продолжал Даумант. — Я, видите ли, в нашем восьмом «б» считаюсь отстающим. Так сказать, позорное пятно.

— Нет Байбы дома, — резко сказал мужчина и захлопнул дверь.

Даумант пожал плечами и, прыгая через три ступеньки, счастливый бросился вниз по лестнице.

— Что это за верзила тебя спрашивал? — стал допытываться отчим, когда Байба привела из садика младшего брата.

— И никакой не верзила, это из класса.

— Почему именно ты должна его просвещать?

— Так решил класс. Это моя общественная обязанность.

— Твоя? — удивился отчим. — Нашли кому поручить. Дальше прихожей чтоб носа не совал. И проследи, чтобы ничего не пропало. Знаю я этих длинноволосых.

Отчим закрыл за собою дверь. Байба облегченно вздохнула.

— И чтобы чаще раза в неделю не таскался! — Дверь открылась снова. — Не забудь, что я тебя кормлю и одеваю. Покорми Роланда и готовь ужин.

Утром на классной доске появился портрет мужчины с острой мефистофельской бородкой и тоненькими усиками.

— Я умываю руки, — [illegible] Даумант. — Я [illegible] ровно в пять, как договорились, взял с собой учебники, новейшие газеты, комсомольский устав и всякое такое. А в дверях стоит этот тип и выпроваживает меня. Я весь вечер ужасно переживал, что не выполнил обещания, данного классу. - Даумант сделал вид, что вытирает глаза. — А ночью во сне видел Зайгу в одеянии инквизитора с клещами в руках. Она собиралась вырывать у меня ногти.

Класс давился от хохота.

— Не кривляйся! — разозлилась Зайга. — У нас уже есть один клоун, хочешь быть вторым?

— Прости, что так получилось, — извинилась Байба на переменке. — Я ходила в детский сад за братом. Может быть, лучше, если с тобой будет заниматься кто-то другой, Зайга, например. Она отличница и гораздо умнее меня.

— Спасибо за пирожное, я предпочитаю черный хлеб, — Даумант не на шутку испугался. — Ты хотя бы наполовину нормальная Когда можно зайти? Может быть, сегодня?

— Нет, сегодня нет. Сегодня мне надо стирать. Лучше в четверг, сразу же после уроков. У Пайковского занятия по экономике, и домой он придет поздно.

В четверг Даумант и Байба из школы вышли вместе.

— Может быть, дама желает, чтобы я нес ее портфель и вел под руку, — паясничал по привычке Даумант.

— Как не стыдно! — у Байбы даже слезы навернулись на глаза. Почему именно ей навязали этого лентяя и зубоскала? Почему не Анне, Близнецам или Саните? Они б не позволили над собой издеваться, нашли бы что ответить.

— Не обижайся! — извинился Даумант. — Скажи лучше, что это за тип с бородкой.

— Найковский? Мой отчим.

Даумант присвистнул.

— Отец умер?

— Нет, отец бросил нас с матерью, когда я пошла в первый класс.

— А где он сейчас?

— Не знаю. Мама сказала, женился на другой, умнее и красивее ее, и уехал то ли в Туркмению, то ли в Таджикистан. Во всяком случае, в нашем доме он больше не появлялся.

Прошло немало времени, пока Байба справилась с многочисленными замками.

— У вас как в комиссионном магазине, — осмотрев комнату заявил Даумант. — Пахнет нафталином и прошлым веком.

— Прямо в точку, — засмеялась Байба. — Это мебель предков Найковского. Он утверждает, что ей цены нет. А я эту старую рухлядь до смерти ненавижу. Каждый день мне надо всю эту резьбу щеткой обметать. Чтоб пыли не было. Отчим сам проверяет. Чуть что не так, начинает свои проповеди: я его в могилу сведу, я его объедаю и тому подобное. Пожалуйста, учти это и не очень серди меня, а то я и тебя начну грызть.

И оба весело засмеялись.

— Ты садись сюда, за мой столик, и готовь уроки на завтра, а я пока картошки начищу.

— Номер этот, детка, у тебя не пройдет. Класс поручил тебе что? Просвещать и перевоспитывать меня в духе времени, а не только спрашивать заданное, — пошутил Даумант.

Байба подошла к Дауманту и положила ему на плечо руку.

— Если ты пришел, чтобы паясничать, то сейчас же уходи. Я действительно хочу тебе помочь, только не знаю как.

Даумант не выдержал ясного взгляда девочки и опустил глаза.

— Я сам себя не понимаю, — пробормотал он. — Все вы словно стена передо мной. Один Имант нет. Должен же я был как-то себя показать, хоть в драке или этой злополучной карикатуре, черт бы ее побрал.

— Ты поступил глупо, словно третьеклассник.

— Ну скажи честно, ты бы обиделась, если бы я вместо Даце нарисовал тебя?

Байба задумалась.

— Понимаешь, девочки, как бы тебе сказать, нежнее, чем мальчики. Ты, возможно, так и не думал, но получилось, будто у Даце... — Байба запнулась, — ...была с Петерисом любовь. А я уверена, что они даже не целовались. Теперь ты понимаешь?

Даумант помолчал.

— Ты первая девочка, которая по-товарищески со мной разговаривает. А вообще, иногда я чувствую себя словно бездомная собака.

— Я тоже, — Байба вздохнула.

Этого Даумант не ожидал.

Старомодные стенные часы гулко пробили четыре раза. Байба испугалась.

— Вернутся мама и Найковский, а обеда не будет. Мне пора в кухню.

— Я тебе помогу, — предложил Даумант. К большому удивлению Байбы, он довольно ловко чистил картошку и овощи.

— Предположим, ты не окончательный кретин, — продолжила Байба начатый разговор.

— Предположим, — согласился Даумант.

— Сколько тебе потребуется времени, чтобы исправить отметки?

— Пожалуй, месяц.

— Химию и английский ты знаешь лучше меня, а по остальным предметам я могу тебе помочь.

— Все вы, в том числе мой тренер Роберт Страут, одну песенку поете — учиться, учиться, учиться. — Мальчик вздохнул. — Зачем? Что это мне даст? Хороший мастер зарабатывает вдвое больше любого инженера.

— Но...

— Знаю, что ты скажешь — образование делает людей духовно богаче, культурнее и так далее. Все это мне день в день твердят мама и Кристап, да и в школе. А я хочу быстрее начать зарабатывать деньги и делать то, что мне нравится.

Мать Байбы, вернувшись с работы, застала ребят в кухне — они с усердием готовили обед.

— Так до завтра, — попрощался Даумант. — Чао!

* * *

Свои шефские обязанности Байба старалась выполнять добросовестно. Она даже не возразила, когда ей предложили сесть вместе с Даумантом.

— Мне так начхать, Санита рядом или египетская мумия, — провозгласил Имант. — Выгоднее, конечно, с Зайгой, она, по крайней мере, не такая дура и в случае аварии могла бы подсказать.

— Ну и беги, если он тебе дороже меня! — упрекнула Байбу Санита.

Новый сосед был Саните совсем не по душе. Имант никак не мог понять тех ребят, которые вертелись около девочек, писали им записки, приглашали на свидание. И его глубоко задело, что Даумант, самый сильный, самый стоящий парень в классе, погибал у него на глазах, а он, Имант, ничем не мог помочь.

— Мне казалось, ты железный парень, но стоило какой-то девчонке взмахнуть ресницами, и ты тут же раскис, — бросил он Дауманту.

— Ну, ты, булыжник! Байбу лучше не трожь, иначе узнаешь, что почем! — и он поднес прямо к носу Иманта свой внушительный кулак.

— Ты что, шуток не понимаешь?

* * *

Главную роль в деле перевоспитания Дауманта могла сыграть учительница рисования Майга Эдуардовна Путныня — в этом и Рейнис Карлович, и Байба были просто убеждены. Ребята, проявившие склонность к рисованию, находились под ее особой опекой. Не считаясь со временем, Майга Эдуардовна занималась с ними и до уроков, и после уроков, обучая своих подопечных сверх программы технике рисунка, живописи, графике. И каждый раз, когда ученики Майги Эдуардовны завоевывали первые места на конкурсах, ее доброе круглое лицо с приятными ямочками озарялось улыбкой.

В учительской это увлечение Майги Эдуардовны неоднократно служило поводом для дебатов.

— Не вижу смысла уделять им столько внимания. Думаете, они вам скажут спасибо? — разглагольствовала учительница истории.

— При чем тут «спасибо»? В каждом человеке живет художник, в детях тем более. Мы не имеем права дать угаснуть этой искре.

Победит, кто потеряет,
Кто отдаст, тот получает... —

процитировал Рейнис Карлович Райниса.

— А ваше собственное творчество? Когда-то вас считали способной портретисткой. — Историчка не обратила внимания на замечание Кадикиса.

— В школе моя отдача больше, чем в мастерской, где я буду писать посредственные портреты. Когда собираются мои бывшие ученики, теперь известные художники, и показывают свои работы, у меня такое чувство, словно в каждой из них есть частица меня.

— Вы, коллега, идеалистка, — с иронией произнесла учительница истории. Сама она не задерживалась в школе ни на минуту сверх положенного. Историчка отрабатывала обязательные три года после окончания университета. Шел последний год. Обязанности свои она выполняла, и большего, по ее мнению, не имел права требовать никто.

— Оказывается, в нашей школе собралась целая компания идеалистов — Антон Антонович, Мара Петровна, Рейнис Карлович, и меня тоже можно к ним причислить, — засмеялась Нева Александровна Лице.

— Это уж ваше личное дело, — не сдавалась историчка. — Я считаю, что учитель имеет право на личную жизнь тоже. Всего хорошего, до завтра!

* * *

На одной из перемен восьмой «б» развеселила карикатура Дауманта на учительницу английского языка Марджорию Робертовну Шип. Клав, подражая ее жестам и выговору, дополнял представление. Никто не заметил, что за ними наблюдает учительница рисования.

— Колобок, ребята! Сматывайся!

Восьмиклассники с шумом бросились к двери. Даумант поспешно стал стирать с доски. Байба в испуге опустилась на парту.

— Ты рисовал? — спросила учительница.

Даумант кивнул.

— А меня нарисуешь?

— Пожалуйста, но за последствия не отвечаю. — Даумант с минуту изучал объект, а затем быстро и уверенно изобразил на доске округлую фигуру.

Ребята, вошедшие в класс со звонком, не знали, как реагировать на рисунок.

— Здорово! — громко засмеялась Майга Эдуардовна. — После уроков зайди в кабинет рисования.

— Это еще что за фокусы? — рассердился Рейнис Карлович, взглянув на доску. — Сейчас же сотри!

— Майга Эдуардовна сама велела, — встала Байба на защиту своего подопечного. — Она была очень довольна портретом.

— Пусть катится твой Колобок, никуда я не пойду! — прошептал Даумант Байбе.

— Еще как пойдешь. И не забудь, что ты обязан оформлять стенную газету.

— Заставит еще заниматься в своей «студии талантов»!

— Вот было бы замечательно! А постараешься, осенью в художественную школу Розенталя поступишь.

— Рисовать бородатые гипсы? Благодарю покорно. Слава художника меня не влечет.

— А что же тебя влечет?

— Я уже сказал, что.

— Ты круглый дурак.

— Благодарю! Это мне день в день твердят.

В кабинет рисования Байба притащила Дауманта чуть ли не силой. Человек десять ребят, среди них и Даце Эргле из их класса, старательно

висали натюрморт. На столе стоял коричневый глиняный кувшин, рядом лежали два красных яблока. Лучи солнца отражались в блестящей глазури.

— Кувшин не просто коричневый. Посмотрите внимательно: на нем алые отблески от яблок, зеленые — от скатерти, белые и голубоватые — от солнца и оконного стекла, — объясняла Майга Эдуардовна.

Даумант с интересом рассматривал акварели. А он сумел бы? Надо будет дома попробовать. Вдруг из него действительно получится когда-нибудь знаменитый художник? Как Уldис Земзарис, Элгар Илтнер или Гунар Кроллис. Вот был бы номер! Раз-два — и он бы переплюнул своего выдающегося брата. Выставки, награды, почетные звания. Статьи в газетах — молодой способный график, нет, лучше живописец Даумант Петерсон... Выставка талантливого художника Петерсона в Варшаве, Софии, Праге...

А почему бы и нет?

— У тебя цепкий глаз, ты схватываешь суть, это важно. А как у тебя с цветом? — обратилась к нему Майга Эдуардовна.

Даумант молчал. Его способности карикатуриста раскрылись совсем недавно, когда тренер Роберт Страут попросил оформить сатирическую газету «Чертополох».

— У тебя не сохранились твои старые рисунки?

— Все в печке.

— Жаль. Я попрошу твои рисунки у учителя рисования из старой школы. Как его звать?

— Не надо, я вас очень прошу, пожалуйста. Я принесу рисунки, если они вам так нужны, я нарисую все, что захотите!

Майга Эдуардовна задумчиво смотрела на красивого парня, который от смущения не знал, куда деть свои длинные руки. Он бы охотно удрал, если бы рядом, словно тень, не маячила Байба. Мысленно он посылал девочку ко всем чертям.

— Занятия у нас по понедельникам с утра и по пятницам после шестого урока. Чтоб обязательно явился! — добавила учительница.

— Мы с Даце об этом позаботимся, — пообещала Байба.

В субботу Даумант пришел на тренировку с блокнотом и фломастерами и, как только выдавалась свободная минута, старательно рисовал.

— Вот черт! — восторгался Хроникер. — Конопатый со всеми своими веснушками. И Валдынь. Бьет слева. И тренер. И Рыжий со

скакалкой. У тебя, Даумант, глаз-алмаз. Чистый художник, хоть на выставку.

— Да бросьте вы, — смутился Даумант. — Училка заставила.

* * *

В воскресенье после обеда сестра попросила Дауманта посидеть с маленьким Андрисом. В блокноте рядом с боксерами появились изображения малыша — вот он пытается засунуть в рот ножку, вот смеется своим беззубым ротиком, рассматривает погремушку, плачет.

— Что это? Очередное увлечение? — спросил заглянувший в комнату Кристап.

— Отвали и закрой дверь с той стороны! — Даумант стеснялся и никому из домашних не показывал своих рисунков.

— Для начала хорошо, я бы даже сказала — очень хорошо! — разложив рисунки на столе, похвалила Дауманта учительница. — Тебе только недостает знания анатомии человеческого тела. У некоторых фигур непропорционально длинные ноги, у других, наоборот, туловище, но все это придет со временем. Конечно, если постараешься.

Даумант твердо не решил еще, стоит стараться или нет. Он чувствовал себя как человек, которого какая-то неведомая сила толкает вперед.

* * *

Через неделю вся школа толпилась у новой стенной газеты. Никто из попавших в газету драчунов, лентяев и прогульщиков не был назван по имени, но узнать можно было всех. Анонимный поэт, подписавшийся «Ученик», каждому посвятил подходящее четверостишие. В курильщике, который боязливо выглядывал из мальчишечьего туалета, все узнали Дауманта Петерсона из восьмого «б». Но кто это так здорово рисует? Восьмой «б» молчал.

В разделе «Обмен опытом» какая-то девочка прятала шпаргалки в кудряшках. Развеселило всех объявление, обведенное красным карандашом: «Внимание! Списывание издали! За консультацией обращаться к И. Я. Там же за небольшое вознаграждение можно взять напрокат морскую подзорную трубу».

Этого Имант долго не мог простить другу. Подзорной трубой он воспользовался один-единственный раз, чтобы списать у Петериса дик-

тант по английскому языку. Этот заковыристый язык, на котором говорят одно, а пишут совсем другое, Имант не переваривал.

Даумант старался изо всех сил, разрешал Байбе спрашивать заданное, один раз на уроке химии удостоился даже похвалы Мары Петровны, что в школе вообще было большой редкостью.

— Без тебя, Байба, я бы пропал, — шутил он. — Ты меня приручила, как Маленький принц Лиса.

А сам считал дни, оставшиеся до решающих соревнований, — все это время надо было держать себя в руках. А там видно будет.

Роберт Страут каждому участнику дал два пригласительных билета.

— Я надеюсь, что мой ангел-хранитель не бросит своего подопечного в столь трудную для него минуту, — слегка покраснев, Даумант протянул Байбе билет. Второй он вручил Иманту.

* * *

Соревнования проходили в зале спортшколы.

— Байба, моя гувернантка, — познакомил Даумант.

Хроникер, Рыжий и другие ребята в недоумении таращили глаза.

— Чему удивляетесь? У меня теперь, как у отпрыска миллионера, имеется нянька, изящным языком выражаясь — гувернантка.

Ребята загоготали. Байба обиделась.

— Уж и пошутить нельзя? — пытался исправить положение Даумант. — Я буду в четвертой паре. Держите кулаки!

У столика толпились судьи. В раздевалке для спортсменов Роберт Страут еще раз собрал своих воспитанников и предупредил — бороться честно, как подобает настоящим спортсменам.

Первым направился на ринг Рыжий. Даумант надел боксерские ботинки, голубые трусы, желтую майку и тщательно забинтовал кисти эластичным бинтом. Помогал ему Имант. Под ложечкой неприятно посасывало.

— Займись самовнушением, — советовал Имант. — Повторяй: я выиграю, я выиграю, я сильнее своего соперника. Как древние йоги.

Даумант боксировал уже с тенью, когда раздались аплодисменты и в раздевалку влетел Рыжий, пунцовый от возбуждения. Победа!

— Во втором раунде я его нокаутировал! Левой. Здорово иногда быть левшой.

— На ринг приглашаются Даумант Петерсон и Валдис Заринь, — произнес голос в репродукторе.

Дауманту показалось, что сердце его распалось на множество частиц и бьется теперь и в горле, и в висках, и в ладонях, и даже в носу. Рыжий, его секундант, приподнял канат и снял с плеча махровое полотенце.

— Натри подошвы! Что с тобой? Очнись!

Вынув из стакана с водой капу, Рыжий засунул ее Дауманту в рот.

Соперник Дауманта Валдис Заринь весело смеялся, шутил со своими болельщиками, занявшими первые ряды. Он был уверен в своей победе.

— Боксеры, на середину! — пригласил судья на ринге.

Соперники поприветствовали друг друга. Прозвучал гонг. Валдис наступал, Даумант защищался. Валдис был на полголовы ниже своего неопытного соперника, зато шире в плечах. Руки его работали, словно два молота, чаще, правда, повисая в пустоте, так как Даумант ловко увертывался. «Сначала вымотать, потом атаковать», — подумал Даумант. Волнение прошло. Сильный удар в бровь чуть не свалил его с ног. Даумант взял реванш правой снизу в челюсть противника. Первый раунд закончился вничью.

Рыжий вытер лицо и плечи друга мокрой губкой и стал размахивать полотенцем. Даумант пощупал лоб. Над бровью вскочила солидная шишка.

— Подпортил он тебе физиономию, — приговаривал Рыжий, прикладывая компресс. — Ничего, через пару деньков пройдет. Такова уж боксерская доля.

Неудержимо хотелось убежать с ринга, но он не имел на это права. Даумант прополоскал рот. Его соперник в синем углу выглядел несколько растерянным. Секундант что-то объяснял ему, размахивая руками.

— Ты дождись, когда он расслабится, и бей, — учил Рыжий Дауманта.

— В синем углу ринга — воспитанник спортивной школы Валдис Заринь, второй юношеский разряд. В пятнадцати боях одержал двенадцать побед, — прозвучал голос в репродукторе. — В красном углу ринга — Даумант Петерсон, проводит свой первый бой.

Раздался гонг. Начался второй раунд. Валдис изменил тактику. Не дав Дауманту опомниться, он совершил обманное движение и изо всех

сил нанес удар по незажившему еще носу. Страшная боль обожгла Дауманта. Он упал, как подкошенный.

В зале поднялся шум. Болельщики спортшколы аплодировали. Мальчишки из Задвинья свистели, кричали, топали ногами. Судьи с минуту совещались. Никаких нарушений они не усмотрели.

Даумант, лежа на полу, хватал ртом воздух. «Вероятно, так чувствует себя рыба на суше», — подумал он.

— Раз, два, три... — «Почему так быстро считают?» Даумант приподнялся на руках. Прямо на него смотрели широко раскрытые глаза Байбы. В них он прочел страх. И внезапно понял, что эта серьезная, скромная девочка стала для него самым дорогим человеком на свете, что ради нее он должен собраться с силами и победить.

— ...семь, восемь... — Еще несколько вздохов. На счете «девять» Даумант поднялся. Тошнота и боль утихли. Совсем близко Даумант увидел маленькие, глубоко запавшие глазки Валдиса. В молниеносный удар он вложил всю свою силу. Есть! По залу пронесся вздох — так неожиданно все произошло. Взгляд Валдиса затуманился, и он беспомощно осел на пол. Болельщики Дауманта ликовали. Чистая победа!

В командной борьбе общий счет оказался ничейным.

— Лучше, чем я предполагал, — подвел итог Роберт Страут. — Ну уж теперь хорошие перчатки и остальной инвентарь у нас почти в руках.

* * *

— У меня сердце остановилось, когда ты упал, — призналась Байба, когда они гурьбой шли к троллейбусу. — Никогда больше не пойду на такие соревнования. Это же самое обычное избиение.

— Да ты что! Бокс — самый мужественный вид спорта, единственный, куда не прорвались еще женщины, — запротестовал Даумант.

— Ты глубоко ошибаешься, — прервал его Хроникер. — В Америке существует не только женский бокс, но и женский кетч.

— А что это — кетч? — поинтересовалась Байба.

— Это такой вид борьбы, когда все дозволено — бить под ложечку, рвать одежду, ломать, толкать, кусать, — объяснил Хроникер. — Я как-то видел фильм. Жуткая картина! У нас он, к счастью, запрещен.

Неделю новому чемпиону по боксу пришлось провести в Институте травматологии, пока не зажил сломанный нос.

— Ну что я говорила! — чуть ли не ликовала Зайга, увидев Даумапта с перебинтованной головой. — Снова подрался. И такого мы собираемся принимать в комсомол!

— Не возникай! — оборвал ее Имант.

— Сколько Даумант платит тебе за адвокатство? — спросила Зайга с иронией.

Тогда Имант рассказал о соревнованиях по боксу.

— Класс может гордиться таким спортсменом! — закончил он. Порозовевший от смущения Даумант молчал.

— Враки все это, — не унималась Зайга. — Наверное, вместе сочинили, чтобы оправдаться.

— Я тоже была на соревнованиях и все видела, — подтвердила Байба. — Это был классический нокаут.

Даумант благодарно пожал под партой ее руку.

Глава шестая

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В КВАДРАТЕ

Однажды утром Марга буквально влетела в класс.

— Если меня сегодня вызовут, крышка, — выдохнула она, устраиваясь рядом с подругой. — Вчера маме стало плохо, вызвали «Скорую», и ее тут же отвезли в больницу. Мы с папой всю ночь не спали. Нам страшно хочется преподнести маме какой-нибудь сюрприз. И знаешь, что мы придумали?

Рита тряхнула светлыми кудряшками.

— Отремонтировать квартиру. Папа говорит — теперь у нас начнется новая жизнь вчетвером, и поэтому все старое и некрасивое — вон! Сегодня папа отпросился с работы и ищет мастеров.

— С ума сойти! — возмущалась на другое утро Марга. — Ремонтная контора обещает прислать мастеров только через месяц. Папа говорит, что он чуть не на коленях упрашивал, пообещал даже заплатить больше, но они ни в какую. Папа достал книгу «Ремонт квартиры», вчера вечером мы ее от корочки до корочки изучили и сегодня начнем сами. Придешь помочь?

— Обязательно, но... есть одна ценная идея, только я тебе о ней не скажу.

Вскоре по классу уже путешествовало такое объявление:

«Строго секретно!

Не показывать Марге!

В субботу после обеда и в воскресенье у Марги состоится субботник — ремонт квартиры. Участие —

добровольное!

Нужно около десяти человек, желательно имеющих опыт. С собой взять рабочую одежду, кисти, тряпки и т. д.

Запись у Риты. Не опоздайте!»

Текст пестрел комментариями и дополнениями: «Танцы будут? Если нет — не иду. Моя хата с краю... Что означает «и т. д.»? Стимуляторы, например, сухач? Мне лично больше по вкусу молоко. Приятного аппетита! Честь класса — помочь товарищу в беде! (это, конечно, писала Зайга)».

Рейнис Карлович перехватил объявление у Дауманта.

— Оперативно! — с улыбкой произнес учитель. — А меня примете в свою компанию?

— Что за вопрос! Да это просто здорово!

— Ты придешь? — спросила Санита у Байбы.

— Если мама разрешит — обязательно.

— Я бы тоже пошла, но мои предки, как назло, едут в Шяуляй на толкучку, там можно достать шикарные теплые сапожки, а без примерки, сама знаешь, обувь не покупают.

* * *

— Папа, нельзя ли на субботу и воскресенье одолжить твою кисть и пульверизатор? — обратился Клав вечером к отцу.

— Ты что ж, решил подработать?

Клав рассказал отцу о предстоящем субботнике.

— В субботу не получится, а в воскресенье я охотно помогу, — вызвался мастер. — Конечно, если примете.

— Ты самый лучший отец на свете. — Клав от радости даже порозовел.

— Ну, ну.— Отец смущенно кашлянул. — А может быть у меня свой расчет. Вдруг да удастся кого-нибудь завербовать в мою бригаду учеником? С ремеслом, сам знаешь, не пропадешь.

Клявини жили дружно и весело. Не только Клав, но и все Клявини, начиная с Юста, студента первого курса Академии художеств, и кончая бабушкой, любили шутку. Отца за его веселый и приветливый характер боготворила вся бригада маляров. Несколько лет назад Клав, роясь в старых бумагах и книгах, наткнулся на тщательно упакованную папку с цирковыми афишами и фотографиями. «Отважные воздушные акробаты Мэри и Джон Ерк...» С фотографий смотрели люди, удивительно похожие на его родителей. Что бы это значило?

— Если не хочешь огорчать отца и мать, никогда не спрашивай у них о цирке. — Бабушка на эту тему в длинные беседы не пускалась. — Ничего хорошего это им не принесло, одни только несчастья — у отца плечо выбито, мать хромает.

Друг семьи, старый жонглер и клоун Роберт, рассказал Клаву, что когда-то зрители, затаив дыхание, следили за смелыми прыжками под куполом цирка. А потом случилась беда. Врачи долго боролись за жизнь артистов. Выздоровев, отец обучился профессии маляра, мать работала в том же строительном управлении бухгалтером.

С тех пор Клав и стал мечтать о цирке. Но это была его тайна, о которой знал только жонглер Роберт и кое-кто из близких друзей. Летом, во время каникул, мальчик работал в отцовской бригаде и шутя управлялся с пульверизатором, умел смешивать краски, шпаклевать трещины.

Марга и Рита, натянув старые джинсы, таскали в соседнюю квартиру стулья. Раздался стук в дверь — на пороге стояла незнакомая личность в заляпанном комбинезоне. Глаза были спрятаны за огромными мотоциклетными очками, в одной руке — ведро, во второй — легкая лесенка.

— В домоуправлении сказали, что здесь идет ремонт и требуется опытный маляр. Вот я и явился.

— Да, но... — замялась Марга. Она не почуяла подвоха.

— Пожалуйста, пожалуйста, входите! — пригласила Рита. — Нам так нужен хороший мастер.

— Потолки грязные. — Мастер прошелся по комнатам. — Да и обои не первой свежести. Если постараться, за два дня можно осилить. Обои куплены?

— Да, взгляните, пожалуйста. Мы все тщательно измерили, думаем, хватит.

— А столярный клей?

— Вот.

— Ржаная мука для клейстера?

— Папа сегодня вечером принесет. Ты чего фыркаешь? — Марга сердито глянула на подругу.

— Неужели ты не узнала? Это же наш Клав! — Рита громко засмеялась. — Здорово замаскировался, правда?

— Образец рабочей одежды, — Клав удовлетворенно расхаживал по комнате. — Модель «Ведро с краской и кисть». Можно заказать в ателье «Шей сам».

Еще одиннадцать раз звенел звонок, и каждый был для Марги сюрпризом.

Прорабом единогласно избрали Клава.

— Начнем, — Клав, взобравшись на лестницу, распределял работу. — Прежде всего надо освободить помещение.

Все небольшие вещи — столы, стулья, телевизор, торшер — вынесли к соседям. Сложнее оказалось справиться с массивным трехдверным шкафом — он словно прирос к полу.

— Надо чуть сдвинуть его с места и подложить под каждую ножку картофелину, — посоветовал Даумант. — Мы дома всегда так делаем.

Когда появился отец Марги, скрипач симфонического оркестра, работа уже шла полным ходом. Ребята сдвинули мебель на середину комнаты, девочки тщательно укрыли ее бумагой и старой ненужной одеждой. Паркетный пол посыпали толстым слоем опилок. Клав, стоя на лесенке, мыл потолок. Девочки визжали, когда до них долетали грязные брызги.

— За ночь потолки высохнут. Завтра утром мы с отцом придем пораньше и побелим, — закончив работу, пообещал Клав.

— Вот не знал, что у моей дочери такие славные товарищи, — не мог нарадоваться отец Марги.

— Мы и сами этого не знали, — смеялись восьмиклассники.

Наутро Марга с отцом, разложив на полу пакеты с мелом и плитки столярного клея, изучали книжку «Ремонт квартиры».

— Количество указанного в рецепте клея растворяют в литре воды, — читала Марга.

— Не маловато ли? — усомнился отец. — Лучше возьмем два — смотри, сколько здесь клея.

К счастью, в этот момент появился Клав со своим отцом. Узкая ладонь скрипача потонула в широкой руке маляра.

— Уж в этом оркестре разрешите нам с Клавом играть первую скрипку, — смех Клявиня раскатился по пустым комнатам.

Вскоре клей был готов, краска размешана, и наступил самый ответственный момент — побелка потолков.

— Можно я, папа? — попросил Клав.

— Ну, смотри, мастер, не опозорь фирму.

Клав приступил к делу. Мелкие брызги равномерно покрывали грязный, весь в пятнах потолок.

— Ловко у тебя получается! — восхищались подошедшие к этому времени ребята.

— Наловчился, прошлым летом отлично помог нашей бригаде, — с гордостью произнес отец Клава.

— Дай и нам попробовать! — просили ребята.

— Ничего не получится, — отмахивался Клав. — Напортите еще, а позор-то нам.

Углы и самые грязные места побелил сам мастер.

Работа была в разгаре, когда, всем на удивление, явилась Зайга. На ней был элегантный ярко-красный брючный костюм.

— Заходящее солнце над морем, — объявил Петерис.

— Вырядилась, словно на демонстрацию мод, — Клав с прошлого года не переносил Зайгу. — Посмотрим, во что ты превратишься к вечеру.

Зайга как староста считала своей обязанностью участвовать во всех классных мероприятиях. И нынешнее она собиралась подробно осветить в классном дневнике под заголовком «Так поступают настоящие советские школьники».

— Я сказала родителям, что весь класс в обязательном порядке должен идти на оперу «Чудо святого Маврикия», — сообщила Зайга, гордясь своим подвигом.

— Плохо сделала, — не унимался Клав.

— Почему это?

— Во-первых, хорошие дети не обманывают своих родителей, и, во-вторых, от лжи седеют. Много будешь врать, скоро состаришься.

— Ты, птенчик, отстала от жизни. Сейчас седые девочки в моде. Ой, до чего же у вас грязно! — [illegible] Зайга. — Я, правда, ничего в этом деле не понимаю, но вы меня научите, да?

— Зачем же ты пришла? Сидела бы дома и зубрила. Схватишь еще тройку, мы же и виноваты будем, — приговаривал Клав, небрежно размахивая кистью, отчего брызги летели во все стороны.

— Скажи ему, Марга, чтобы он замолчал! — Зайга готова была заплакать.

— Пойдем на кухню, — успокаивала ее Марга. — Там не так грязно. Картошку чистить, надеюсь, ты умеешь?

— Не так чтобы очень, — призналась Зайга.

Марга вручила Зайге передник, острый кухонный ножик и усадила ее за работу.

Из комнаты доносились смех и шутки. Зайга, вконец разобиженная, со злостью кромсала картошку и глотала слезы. Она пожалела, что пришла вообще, но уходить сейчас было неудобно.

Коль хочет жена,
Чтобы муж не сердился,
Стараться должна,
Чтобы пол не пылился, —

пропел Клав, когда с потолками было покончено. Девочки сняли с мебели бумагу, тряпки, вымели белые мокрые опилки.

— Послушай, Клав, а на маляра трудно выучиться? — поинтересовался Юрис.

— Ты что же, менять профессию собрался?

— Не темни, отвечай по существу.

— Время, конечно, потребуется. Вначале ставят на подсобные работы — смывать старую краску: удовольствие, если честно, ниже среднего, но зато когда доверят красить, даже интересно. В нашей бригаде больше молодые ребята. Каждую квартиру мы сами населяем жильцами. Решаем, например, что в той двухкомнатной квартире будут жить молодожены, радостные, счастливые. Спальню тогда красим в розовый, столовую — в светло-зеленый. В однокомнатной квартире, положим, поселится ученый, страшно серьезный, такому, кроме книг, ничего не надо. Тут красим стены в спокойный серый или бежевый цвет.

— А сколько ты зарабатывал? — снова задал вопрос Юрис.

— Сотню в месяц, а то и больше.

— А что, ребята, повкалываем следующим летом? Работа костей не ломит, как говорит мой предок. Еще и деньжатами разживемся, — Гирт Лея загорелся очередной идеей.

— Лето-то еще вон где! Но кто твердо решит, записывайтесь у меня, — сказал Клав. — Я со своими переговорю.

Отец Клава изучал старые обои.

— Сразу настоящий мастер виден, — похвалил он. — Новые можно прямо на них клеить.

Сварили два ведра клея, и работа развернулась на два фронта. Девочки тщательно мазали обои клеем, мальчики по двое прикладывали полосы к стене, а сам Клявиньш и отец Марги крепко прижимали их щетками, тщательно выравнивая все складочки, выдавливая пузыри воздуха.

— Желаю успеха! — В дверях появился Рейнис Карлович Кадикис с большой сумкой в руках.

— Рейнис Карлович! Чуть-чуть не опоздали, — смеялись восьмиклассники. — Посмотрите, мы уже почти закончили.

— Но ведь главное-то — угощение — от меня не уйдет?

— Не знаю, как другие, а я б сейчас быка съела, — призналась Марга.

— И я. И я.

— Обеденный перерыв! — объявил отец Марги.

— Э, нет, сколько уж здесь осталось! Совсем, можно сказать, ничего! — запротестовал мастер. — Девчата пусть едой займутся, а мы, мужчины, закончим клеить.

Марга и Рита вызвались сварить картошку и приготовить чай, Даце и Анна взялись испечь в духовке охотничьи колбаски

Зайга сражалась с последними картофелинами. Большая кастрюля была полна доверху.

— Ну ты и молодчина! Все, как волки, проголодались. Теперь мы с Маргой здесь похозяйничаем, а ты помоги Байбе вымыть полы, — распорядилась Рита. — Да брюки закатай, а то испачкаешь.

— Я все время думаю о маме, — призналась Марга, когда они с Ритой остались в кухне вдвоем. — Папа тоже все на телефон смотрит. Знакомая докторша из больницы обещала сразу же позвонить, как только что-нибудь станет известно.

Вскоре последняя полоса обоев была наклеена. Из духовки аппетитно пахло запеченными на шампурах колбасками.

Байба и Зайга мыли полы. У Байбы работа спорилась. Зайга же держала мокрую половую тряпку кончиками пальцев и не знала, что с ней делать.

— Ты что, дома не помогаешь? — удивилась Байба.

— Зачем? Дома мама и тетя.

— А что ты сама делаешь?

— Как — что делаю? — брови Зайги поднялись от удивления. — Учусь, конечно, и читаю. Играю на пианино.

— Счастливая! А мне приходится квартиру убирать, а часто еще и обед варить.

— Когда же ты учишься? — удивилась Зайга.

— Вечерами.

— Ты считаешь, что я счастливая? А мне так иной раз кажется, что я свихнулась. Отец решил сделать из нас с братом вундеркиндов. Каждый вечер мы с ним дома отвечаем уроки, как первоклассники. За каждую четверку или тройку нам часами читают мораль. Мама и тетя контролируют каждый мой телефонный разговор, все книги, которые я читаю. В классе меня прозвали зубрилой, а что мне еще остается? Когда мы забастовали и по английскому получили двойки, маму чуть удар не хватил.

— Все готово! — сообщила Даце.

— А где мы будем есть? Ни стола, ни стульев, — Зайга в недоумении пожала плечами.

— Давайте представим, будто мы на Востоке или в Японии. Там все делают сидя на корточках или просто на полу, — предложила Байба.

И вот уже на белой скатерти, расстеленной прямо на полу, дымится миска с рассыпчатой картошкой и тарелка с шипящими колбасками. Работники, скрестив ноги, расселись на чисто вымытом полу.

Рейнис Карлович открыл свою огромную сумку и под ликующие возгласы достал целую гору сдобных булочек

— Опустошил кафе «Золотая осень». Я попросил шестьдесят булочек, продавщица дает мне шесть, решила, видно, что ослышалась. В очереди стали волноваться, обзывать меня спекулянтом...

Громкий телефонный звонок притушил веселый гомон.

— Сын! У меня сын! — Не зная, что делать от счастья, отец Марги схватил скрипку, поднял смычок, и полилась тихая нежная мелодия — так могла бы звучать любовь.

— Что с ним? Короткое замыкание? — не удержался Даумант.

— Тссс! — оборвал его Аллегро.

Длинный нескладный скрипач, одетый в забрызганную мелом пижаму, играл. Восьмиклассники перестали жевать, замерли.

Растаяли последние звуки. Через окно донесся уличный шум. Громко сигналя, промчалась пожарная машина.

— Что это вы играли? — Юрис, казалось, дрожит от волнения.

— Не знаю, — пожал плечами скрипач. — О своей жизни, о жене и о Марге, и о той маленькой жизни, которая только что появилась на свет.

— Вы должны сразу же записать, это что-то необыкновенное, — не унимался Аллегро.

— Не знаю, смогу ли, ведь я простой скрипач. Разрешите, я сбегаю в больницу, ненадолго, вы тут повеселитесь без меня.

— Несчастны те родители,
Что сыновей растят... —

начала Байба.

Остальные, взявшись за руки и раскачиваясь вокруг импровизированного стола, подхватили хором:

— Еще в люльке меня мать
Музыкантом стала звать.

— Байба, откуда у тебя такой красивый голос? Ты даже и в хоре не пела, — восьмиклассники были поражены.

— В Шяуляе на толкучке купила, как Санита импортные сапожки. Вы разве не знаете — там можно купить и продать что угодно! Ну, мне пора.

— Ты соображаешь? Сейчас, когда самое веселье только начинается? — Марга силой снова усадила Байбу. — Завтра в школу не надо, День Конституции. Рейнис Карлович, какая ваша самая любимая песня?

Рейнис Карлович смущенно почесал в затылке. Строгий учитель напоминал сейчас доброго дедушку.

— У нас столько замечательных народных песен, что и назвать как-то сразу не могу. Может быть, «Морю сеть нужна густая»?

— Уважаемые слушатели, начинаем концерт художественной самодеятельности, посвященный рождению гражданина, имя которого пока неизвестно. — Клав, бессменный школьный конферансье, элегантно поклонился.

Янис принес из кухни деревянную ложку и большую миску.

— Когда-то в юности, если вам еще не изменяет память, я был барабанщиком, — напомнил он.

— Марга, где твоя гитара?

— Не надо, Рит!

— Нет, надо!

Рита пошла в спальню и вернулась с гитарой.

— Ты играешь? — удивился Юрис.

— Не я, Марга.

— Феноменально! Что же ты молчишь? Но это же... Старики, это же колоссально! Мы же можем организовать свой биг-битовский ансамбль. Солист есть, барабанщик есть, и пианист, и гитарист. Что еще надо? Жаль только, что гитара не электрическая.

— Это ерунда, переделать — раз плюнуть, — пообещал Янис.

— Попробуем сейчас, а?

— Не балдей, Аллегро!

— А почему бы нет?

И вскоре зазвучала любимая песня учителя, правда, в несколько необычном ритме и необычном сопровождении.

— Звучит совсем неплохо, — не скупились на похвалы и бригадир маляров, и классный руководитель. — Конечно, участвовать в конкурсе, пожалуй, рановато, но сыграетесь, а там — кто знает?

Отец Марги притащил целую сетку с мороженым. Его встретили ликованием.

— Отнес розы, — сообщил он. — Все в порядке. Пять тысяч шестьдесят граммов.

— Настоящий великан, — порадовался отец Клава. — Весь в отца.

На улице совсем стемнело, когда музыканты, наконец, принялись за дело. Девочки рты пораскрывали от удивления, когда Арнис Лицис пригласил Маргу и стал безупречно танцевать шейк. Он заметил всеобщее удивление, и в груди у него защекотало от радости. Не станет же он рассказывать, что прошлым летом учитель танцев два дня бился с ним, пока он не освоил эти па, и все только потому, что того требовал сценарий фильма. Вскоре расшевелились и остальные мальчики.

— Интересно, интересно, когда это вы, мальчики, успели научиться, — недоумевала Анна. — В прошлом году только и знали, что стены подпирать.

— Жизнь, детка, не стоит на месте, а движется вверх по спирали. И называется это диалектикой! Прошу! — Арнис галантно поклонился Анне.

— Этот день войдет в историю восьмого «б», как день рождения в квадрате, — прощаясь, торжественно провозгласил Юрис.

— У тебя, Аллегро, даже от чая в глазах двоится, — съязвила Санита. — Откуда у тебя квадрат взялся?

— А наш ансамбль? Разве он не сегодня родился?

Глава седьмая

КАРНАВАЛ С СЮРПРИЗАМИ

Традиционный новогодний вечер отменили из-за гриппа. Вместо него в начале февраля решили устроить карнавал, но с одним условием: маски обязательно должны быть самодельными.

— Даже лучше, — Юрис был доволен. — Будет больше времени, как следует подготовимся.

В школе только и разговору было, что о костюмах. В восьмом «б» шла переоценка ценностей. Наибольшей популярностью стали пользоваться девочки, которые умели шить. Квартира Даце Эргле по воскресеньям превращалась в настоящую швейную мастерскую. Здесь резали и примеряли, шили и пороли. Мама Даце работала модельером в Рижском Доме моделей, и у нее была целая кипа новейших журналов мод.

— Ну, ты, Даце, и хитрюша, — дулись девочки, перелистывая «Силуэты», «Бурду», «Ладу». — Имеешь такие сокровища и ни гу-гу.

— Никто же не спрашивал, — пожала Даце плечами. — Откуда мне было знать?

Журналы мод в их доме были явлением обычным. Даце и для себя избрала мамину профессию и в будущем году решила поступать в техникум легкой промышленности.

— Для нас, мужчин, в этом женском раю места, кажется, не найдется, — посмеялся старший Эргле и отправился вместе с братьями Даце в лес на лыжах.

— Ну и большая же у вас семья! — удивилась Зайга. — Как твоя мама справляется?

— Почему мама? Мы все дела поделили между собой. В будни приносим обед из заводской столовой, с папиного завода, у нас там абонемент. Завтраки и ужины — это наша с Илмаром обязанность. Близнецы, они учатся в пятом классе, убирают квартиру. А младшие —

Юрис и Марис — моют посуду и накрывают на стол. Когда мама и папа приходят с работы, все уже в порядке. В субботу и в воскресенье мы с мамой сами готовим, балуем наших мужчин.

Анна вспомнила свой дом. Мать, склонившись над чертежной доской, чертит — чтобы заработать побольше, она берет работу домой. Тихо. Скучно. Даже телевизора у них нет. Гости, две старые тетушки, приходят только по праздникам и всякий раз заводят одни и те же разговоры о болезнях, о своей юности, когда люди были лучше, цветы цвели ярче и солнце светило жарче.

— Тебе, Даците, вероятно, никогда не бывает скучно?

— В такой компании? Да ты что? У нас по вечерам знаешь как весело! Но наш самый любимый день — воскресенье, мы тогда все дома, — Даце говорила, а руки ее при этом двигались ловко и быстро. — Летом в походы ходим, фотографируем. Про каждое путешествие у нас есть альбом и цветные диапозитивы. Приходите как-нибудь, покажем!

Когда под вечер, раскрасневшиеся и проголодавшиеся, возвратились из лесу мужчины, их встретили дамы в нарядных длинных ситцевых платьях.

«Вот бы шить научиться, — думала Анна, возвращаясь домой. — Дацина мама права. Не так уж это и трудно. Жалко только, что у нас дома нет швейной машинки. А если заработать денег и купить? Сказала же Дацина мама, что летом у них работают ученицы. Кто половче да посообразительнее, хорошо зарабатывает. Пожалуй, идея Даце стать модельером не так уж плоха».

* * *

Снег падал мягкими крупными хлопьями. Зима вообще в этом году была необычная. В декабре ударил мороз, а в январе полил дождь и стало так тепло, что даже травка зазеленела. Высунулись из земли похожие на острия копий ростки тюльпанов и нарциссов, распустилась верба. А потом повалил снег и шел, не переставая. Вдоль тротуаров высились громадные сугробы, и люди пробирались словно по туннелям.

«Надену в кухне новое платье и только потом покажусь маме. Интересно, что она скажет? Вероятно, не поверит, что я сама сшила».

Анна прибавила шаг. Света в их квартире не было. Странно. Может быть, мама легла спать?

В пустой квартире на столе Анна нашла записку: «Приду поздно, не жди. Еда в подушках».

«Когда подружки приходят посекретничать, сидит в комнате, как приклеенная, а сегодня, когда мне захотелось ее удивить, ушла из дома», — надулась Анна.

Холодные котлеты показались невкусными, каша жидкой и несоленой.

Анна, в новом платье, долго вертелась перед зеркалом, разглядывая себя. Еще в прошлом году была она плоская, как доска, а сейчас уже заметна маленькая грудь. Талия тонкая, не то, что у толстушки Саниты, которую мама откармливает. Анна, довольная собой, улыбнулась, на щеках появились милые ямочки. Забившись в самый уголок дивана, она зажгла бра и взяла «Матильду» Леонхарда Франка. Это была любимая мамина книга. Некоторые места были подчеркнуты. «Страсть, потрясающая до глубины души и человека, и зверя, чувство, которому нет равного на земле, было незнакомо Матильде. Дрожа всем телом, словно ей только что пришлось испытать жгучую боль, она устремила на Уэстона непонимающий, испуганный взгляд... «Толко ты это сделал, любимый. Только ты!.. Я знала. У меня родится девочка».

Вот от такого счастливого мига появилась и она, Анна. И ей захотелось самой испытать эти счастливые мгновения, о которых писали в книгах, хотелось поскорее стать взрослой.

Проснулась Анна от громкого смеха в прихожей. Кто это так заразительно смеется? Не мама же!

— Не наградишь ли меня за помощь чашечкой кофе? — пророкотал мужской голос.

— Тише, не шуми, разбудишь дочку.

— Не мешало бы и твоей дочке посмотреть, как за долгий и безупречный труд чествовали ее мать.

— У нее другие интересы — школа, подруги.

Анна открыла дверь. В тесной прихожей с охапкой цветов в руках стояла мать, рядом с ней седой стройный мужчина.

На матери вместо вылинявшего старого домашнего платья было новое, нарядное, гладкие волосы красиво зачесаны.

«Мама совсем еще не старая, — впервые подумала Анна. — А что это за провожатый?»

— Боже, до чего вы похожи — словно две сестры, старшая и младшая! — воскликнул мужчина.

— [illegible]ите, пожалуйста! — встрепенулась Анна. — Я сварю кофе.

— Сегодня я была по-настоящему счастлива, — услышала девочка голос матери. — Жаль, что все хорошее так быстро проходит.

— Это во многом зависит от нас самих, — ответил незнакомец. — Желаю тебе оставаться всегда такой, какая ты сейчас.

Когда Анна вынесла чашки с дымящимся кофе, незнакомца уже не было.

С минуту обе молча пили кофе.

— Мама, — спросила Анна, — кто был мой отец?

Радость, так удивительно изменившая лицо матери, так молодившая ее, внезапно погасла.

— Сегодня ты не должна была об этом спрашивать, сегодня нет.

— Прости, пожалуйста!

— Я не хочу тебе лгать, но не знаю, достатачно ли ты взрослая, чтобы правильно меня понять,— и мать, словно оценивая, взглянула на дочь. — Мне было уже тридцать, и я была одинока, словно дерево в чистом поле. И вот в институте я случайно встретила твоего отца. Он приехал в командировку. Мне поручили позаботиться о нем. Тогда было трудно с гостиницами, и он поселился у меня. Мы сблизились.

— А где он сейчас?

— Вскоре после нашего знакомства его направили в Африку, проектировать крупную электростанцию, и там он погиб.

Мать встала и вынула из ящика какую-то папку.

— Несколько писем и эта фотография — вот все, что у меня осталось от твоего отца. — Она протянула дочери небольшой снимок. Анна вглядывалась в лицо улыбающегося мужчины с прищуренными на солнце глазами и искала сходства с собой, но безуспешно.

— Я была счастлива, когда ты появилась на свет, — тихо сказала мать и задумчиво уставилась в чашку, словно видела в ней минувшие дни. — Ты заполнила всю мою жизнь. Твои маленькие детские радости стали и моими радостями, твое горе — моим горем. Я надеялась, что, когда ты вырастешь, мы с тобой станем подругами, — мать вздохнула.

Анна промолчала.

— Уже поздно, пора спать.

Мать медленно сняла новое, недавно купленное платье и повесила его в шкаф. И Анна стала стягивать свой карнавальный костюм. Молнию на спине заело.

— Помоги, пожалуйста! — она подошла к матери.

— Откуда у тебя этот странный наряд?

— У других девочек тоже такие, мы сами сшили, — резко ответила Анна, юркнула в постель и отвернулась к стене.

От световой рекламы с дома напротив по полу протянулась цветная дорожка. «Остановите музыку!» — доносилось из-за стены. Часы пробили двенадцать.

«Вот и кончился мой праздник. Столько добрых слов, дружеских пожеланий, а дочь даже не спросила, что у меня за юбилей. Неужели между нами возникло отчуждение?» — думала мать, безуспешно пытаясь заснуть.

Анна тоже лежала с открытыми глазами.

«Мне с тобой скучно, мама, — хотелось ей воскликнуть. — Ты утверждаешь, что я уже большая, а разговариваешь со мной, как с маленькой. Стоит мне прийти домой чуть позже, тотчас начинаются расспросы и слезы. Чего ты боишься? [illegible], что мальчики пишут мне записки, приглашают [illegible] в кино. [illegible] Я же не виновата, что [illegible], чем [illegible] Банба. Даце так вместе с [illegible], а мы [illegible] летом по воскресеньям в Юрма[illegible] [illegible] спать, а она [illegible] в одном глазу. Вероятно, это ко[illegible] [illegible] спрашивать про папу. Лучше было думать, что я его когда-нибудь встречу... А может быть, он [illegible], мама просто не знает или не хочет говорить мне правду?»

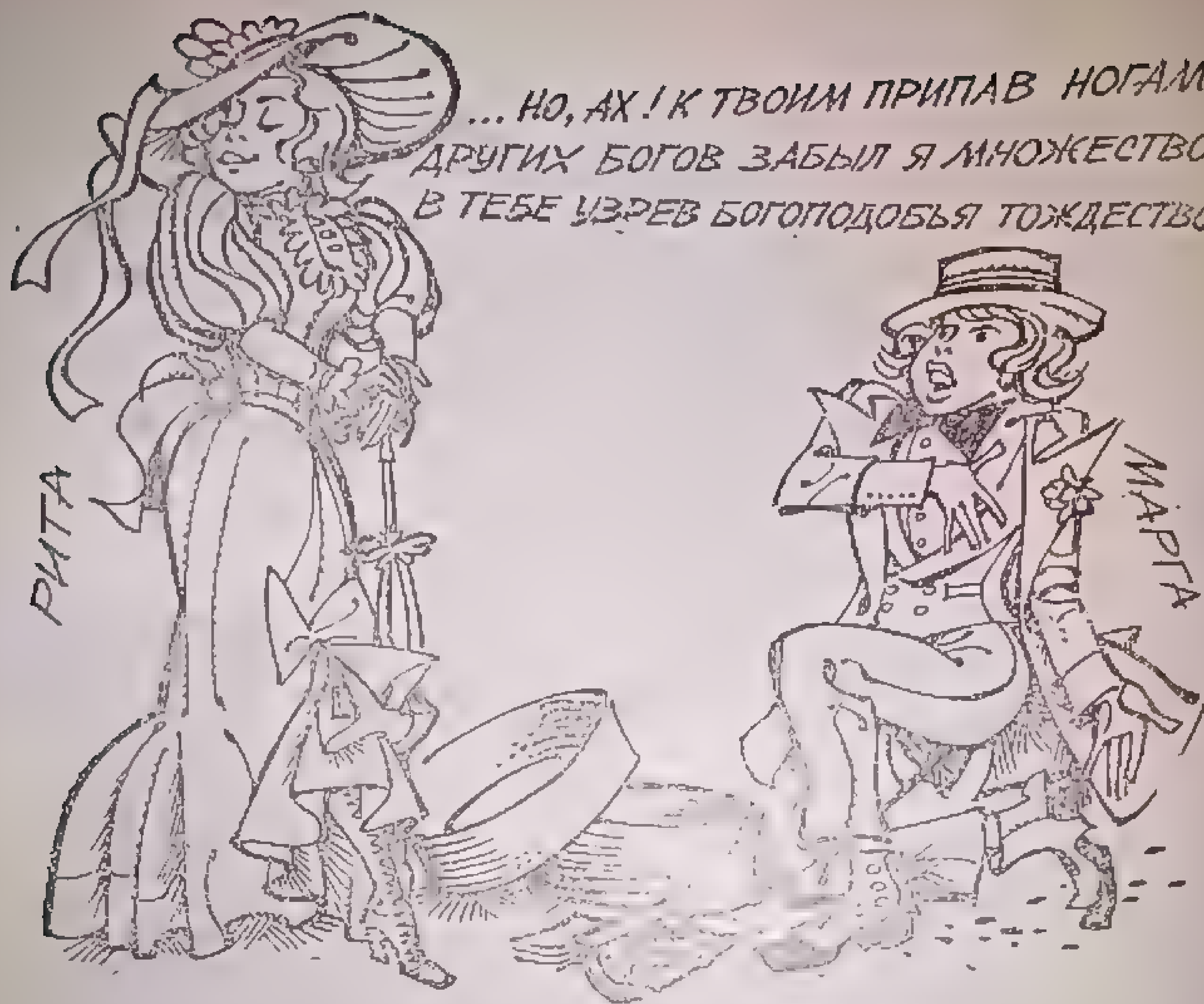
К запаху роз примешивался нежный, тонкий аромат фрезий.

«С чего бы это вдруг маме надарили столько цветов? День рождения у нее летом. И кто этот стройный седой мужчина? Похож на актера Карлиса Себриса. Такая же добрая улыбка. Может быть, мама влюбилась и собирается замуж второй раз? Но ведь она и первый раз не регистрировалась. Выходит, я внебрачный ребенок. Ну и пусть, разве я хуже других? Мать говорит — дитя любви... Ужас, забыла выучить географию! На большой переменке попрошу Даце, чтобы рассказала — это ее любимый предмет».

Мать тихо встала и накрыла дочь соскользнувшим одеялом.

* * *

О карнавальных костюмах думали и две неразлучные подруги — Марга и Рита. Рита своими заботами поделилась с бабушкой.

— На чердаке посмотрите. Может, в старом сундуке, где хранилось приданое, отыщется что-нибудь подходящее, — посоветовала бабушка

И вот в то самое воскресенье, когда другие девочки в поте лица шили у Даце дома, Рита и Марга сделали ревизию чердака. Им показалось, что они попали в заколдованное царство, где жизнь давным-давно остановилась. Привязанная к стропилам, мерно покачивалась на ветру колыбель, украшенная деревянной резьбой.

— Ты в ней спала, когда была совсем маленькой? — почему-то шепотом спросила Марга.

— Да, — так же шепотом ответила Рита. — И мой папа, и его братья и сестры, и, кажется, даже дедушка.

— Ай-я, жу-жу, медвежата,
Косолапые ребята, —

Марга качнула колыбель. — О-ой, ужас! Ребенок! — Она метнулась к лестнице.

— Ну и трусиха! Это же принцесса Гундега — моя самая любимая кукла, — рассмеялась Рита.

Голуби, вспугнутые шумом, сердито гукая, вспорхнули и стали летать над головами девочек.

— Ой, как я испугалась! — Марга прижала обе руки к готовому выскочить сердцу.

— Плюнь три раза через левое плечо!

В старом кресле-качалке лежал игрушечный медвежонок. Одна нога у него была оторвана, из прорехи высыпались опилки. Рита опустилась в кресло. Раздался жалобный скрип.

— Мама по вечерам любила в нем сидеть. Когда я была маленькой, я забиралась к ней на колени, и мы раскачивались вдвоем. Нам было так хорошо. Не может быть, чтобы человек исчезал бесследно. А вдруг дедушка и мамочка тайком от нас приходят сюда, на чердак, и садятся на плюшевый диван, как когда-то, когда были живы?

— Не фантазируй! — прервала ее Марга. — Учительница биологии сказала, кто умер — тот умер.

— А индейцы, например, верят, что человек живет и после своей смерти, только он переселяется в разных животных, — не сдавалась Рита.

Высокие старомодные этажерки с точеными набалдашниками были до отказа забиты старыми книгами и журналами.

— Рита, иди быстрей сюда! Вот это номер! — Марга держала в руках изгрызанную мышами книгу без обложки. — «Наиновейший и наиполнейший язык почтовых марок в стихах и прозе. Составил Веселый Амур». Потрясающе! Слушай!

Письма узорная строка — кратчайшая дорога
К любви — святыне сокровенной,
Которой держатся так много, много
Паломников в надежде затаенной,
Но блудятся в тропе — строке своей недлинной.

Знаешь, что значит, когда почтовая марка наклеена косо? «Вы ведете себя столь вызывающе, что все начинают над вами смеяться. Ваш поступок стал для меня причиной серьезных неприятностей».

— Погляди, что дальше: «Искусство нравиться юношам». Именно это нам сейчас и требуется. «Искусство нравиться девушкам». Это пригодится мальчикам. Возьмем в школу, то-то будет сенсация.

Бабушкин сундук отыскался между двухдверным шкафом с выдавленным зеркалом и круглым, украшенным инкрустацией столиком.

Рита смела с крышки сундука толстый слой пыли. На девочек смотрели два петуха с пышными пестрыми хвостами и красными гребешками. Над петушиными головами, обрамленное венком из роз, красовалось число «1863».

Тяжелая крышка поднялась со скрипом, словно бы нехотя. В воздухе запахло багульником. На самом верху в круглой коробке девочки нашли бабушкин свадебный наряд — венок невесты с засохшей миртовой веточкой, длинное белое платье, шелковые чулки и белые атласные туфельки. На дне коробки лежала пачка писем, перевязанная красной лентой.

— Риточка, миленькая, надень платье!

— Хорошо, только бабушке не говори!

И через минуту девочка в джинсах превратилась в юную невесту, одетую в длинное белое платье с кружевной фатой на голове.

— Риточка, до чего же ты красива!

— Бабушке было семнадцать, когда они с дедушкой поженились.

— И нам скоро семнадцать, — задумчиво произнесла Марга. — Мы тоже сможем выйти замуж. Меня прямо в жар бросает, как подумаю, что после свадьбы чужой мужчина сможет делать со мной все... Рита! Только не смейся, пожалуйста! Тебя кто-нибудь из мальчиков целовал?

Рита помотала светлыми кудряшками и густо покраснела.

— И меня нет, — вздохнула Марга. — Анна говорила, что ничего особенного в этом нет, скорее неприятно.

— Анна — красавица, старшеклассники за ней толпами ходят, — с еле заметной завистью в голосе произнесла Рита. — Если бы меня кто-нибудь поцеловал, я бы со стыда сквозь землю провалилась.

— А для меня мальчишки — что есть, что нет, руки распускают, а дашь сдачи, обзывают недотрогой и монашкой. Даумант получил раз в ухо, так сразу завопил, что я, мол, в старых девах останусь. Знаешь, Рита, мама мне рассказала о мальчиках такие вещи... Наши, ну, мальчишки из нашего класса, сейчас в таком возрасте, когда их возбуждает наша близость, им хочется до нас дотронуться, обнять, поцеловать.

— Не всем, — возразила Рита. — Имант, например, видит только свои камни.

— Знаешь, что еще мама сказала? Ласки и поцелуи рано или поздно приводят... — мгновение она, словно горячую картошку, катала во рту какое-то слово, а потом выпалила: — ...к половой близости.

— Взрослых иногда просто не поймешь, — Рита тяжело вздохнула. — А если, ну, просто очень хочется испытать? Помоги мне расстегнуть пуговицы на спине.

Она тщательно сложила бабушкин свадебный наряд и спрятала его обратно в коробку.

— Письма я снесу вниз, может быть, бабушка захочет почитать.

Сундук оказался настоящим хранилищем сокровищ. Здесь нашлось длинное полотняное платье с кружевной отделкой и миллионом пуговок на спине, модные когда-то, шнурованные сапожки, юбка с воланами, атласная блузка, даже клетчатые мужские брюки и жилет, соломенная шляпа и элегантная камышовая тросточка.

— Давай переоденемся и удивим твоих, — предложила Марга. — Ты будешь дама, а я твой кавалер.

Весь вечер девочки изображали влюбленных начала века, цитировали благочестивые советы и читали стихи из «Письмовника о любви». Отец Риты и бабушка смеялись от души.

— [illegible] разным я богам,
Не [illegible] тайны божества
Но, [illegible] к Твоим припав ногам,
Других богов забыл я множество.
В тебе узрев богоподобья тождество, —

декламировала Марга, опустившись перед Ритой на одно колено и играя тросточкой. Шляпа скрывала волосы, и издали девочка напоминала знаменитого французского эстрадного певца Мориса Шевалье, которого бабушка когда-то видела в Париже.

Рита, приподняв длинную юбку, так что стали видны шнурованные ботинки, громко нюхала бумажную розу и произносила в ответ:

— Время расстелется, боли уймет,
Ведь время — целитель недуга,
Ненастье страданий собой изживет,
И мы позабудем друг друга
В том дне, что за этими днями придет.

— Неужели когда-то объяснялись в любви такими словами? — удивлялась бабушка, утирая выступившие от смеха слезы.

Вечером, когда Рита зашла к бабушке сказать «спокойной ночи», старушка читала старые письма.

— Это дедушкины?

— Да, детка.

— И он о любви пишет такими же словами, как в этой старой книге?

— Нет, детка. Подлинная любовь находит свои слова — настоящие, единственные.

— Сколько тебе, бабушка, было, когда ты в первый раз влюбилась?

— Шестнадцать. Шла война. Оказались мы среди беженцев, в Москве. Я затерялась в толпе, отстала от родителей и осталась одна, без денег, без еды. Стою на вокзале, плачу. И тут подходит ко мне парень. «Невеста уже, а нюни распустила, — посмеялся он надо мной. — Я тоже один, а разве плачу?» Вместе мы разыскали моих родителей через комитет беженцев, а через год сыграли свадьбу. Твой дед был латышский стрелок. На другой день после свадьбы пошли на штурм Кремля. Было это в дни Октября.

— И ты тоже?

— И я тоже, с винтовкой в руках, рядом с мужем.

— Значит, это была большая любовь. А как узнать, по-настоящему любишь или просто так, понарошку? — Рита забралась к бабушке под теплое одеяло.

— Нелегкий это вопрос, детка. Многие не могут отличить настоящую любовь от минутного увлечения и дорого за это расплачиваются — несчастной жизнью, подорванным здоровьем, страдают дети, которые растут без отца. Настоящая любовь бескорыстна, она думает о том, чтобы другому было хорошо, радостно, чтобы другой был счастлив. Таким был мой муж и твой дедушка.

Рита порывисто вздохнула.

— Что гнетет тебя, почему так тяжко вздыхаешь?

— Знаешь, бабушка, я наверное влюбилась. Только ты никому-никому не говори, даже Марге. Мне нравится один мальчик из нашего класса — Петерис. Он всегда такой вежливый, стеснительный, пишет стихи и самые хорошие сочинения. Но ему нравится Даце. Такие, как я, ни одному мальчику не нравятся.

— Чем же ты не хороша? — удивилась бабушка.

— Почему я не умею петь так, как Байба? Или не так красива, как Анна? Даже на пианино толком не получается, тренканье какое-то выходит. Если бы ты слышала, как Аллегро играет! Я такая несчастная! — Рита уткнулась в подушку и горько зарыдала.

— Твоя любовь еще на вершине березки качается. Придет парень, стройный, как тополь, положит ее тебе на ладонь, и засветишься ты вся, запоешь. Сумей только дождаться настоящей.

* * *

— У моей мамы в театре блат, — похвасталась Санита в понедельник утром. — Ей пообещали любой костюм на выбор. Я еще не решила, что лучше — наряд королевы или маркизы. Мама считает, что в наряде королевы я буду слишком выделяться. А как по-вашему?

— Валяй, напяливай, — бросил Клав, проходивший мимо. — Гордиться-то тебе больше нечем, только тряпками и остается.

— С придурками не разговариваю, — отрезала Санита.

Близнецы, как обычно, ходили в обнимку и таинственно молчали.

— Какой интерес, если все маски будут заранее известны, — отбивалась Рита от любопытных. — Аллегро, оставь для нас в программе небольшой номер.

— Я умираю! — Юрис расслабленно опустился на парту. — Это уже третья заявка.

— А что еще?

— Получил записку от какой-то цыганки. Просит подготовить номер из «Кармен» Бизе. Объявился фокусник. Ему подавай легкую приглушенную музыку. Надеюсь, вы-то обойдетесь без сопровождения?

— И не надейся! — осчастливила его Марга иронической улыбкой. — Для нас, пожалуйста, дуэт из оперетты Кальмана «Сильва».

* * *

Со смотрительницей, следившей за порядком в залах средних веков Музея истории, в один из январских дней едва не случился инфаркт. Посетителей, как обычно в будни, было мало. Удобно устроившись в кресле, она вязала внуку свитер и, чтобы не спутать сложный узор, вполголоса считала петли: три направо, две налево, две снять. Внезапно через открытую дверь она заметила, как в соседнем зале средневековый рыцарь, годами недвижно стоявший в углу, начал поднимать руки и крутить головой. Вязанье выпало у нее из рук. Она пронзительно вскрикнула и без чувств обмякла в кресле. Немногочисленные посетители и служители из других залов поспешили к ней. Кто-то принес стакан холодной воды и брызнул в лицо. Она открыла глаза и рассказала о случившемся. Но выяснилось, что, кроме нее, никто ничего не заметил.

— Ты задремала, вот тебе и приснилось, — успокаивали ее товарки.

— Да вы что! Я на работе никогда не сплю. И ты ничего не заметил? — обратилась она к долговязому длинноволосому парню с блокнотом в руке. — Крутишься тут третий день вокруг этого страшилища, рисуешь что-то, измеряешь.

— Я из исторического кружка Дворца пионеров, — пояснил парень. — Готовлю доклад о средневековых модах.

Внешне парень был просто вылитый Даумант из восьмого «б».

* * *

Все хлопоты о праздничной программе взяла на себя учительница пения Нева Александровна. По школе ходили слухи, что программа должна быть суперколоссальной, но сами исполнители таинственно молчали и у них ничего нельзя было [illegible]. Учительница рисования Майга Николаевна вместе [illegible] — лучшими художниками школы — готовила декорации. Ре[illegible] и по школе в старой одежде, с красками и кист[illegible] [illegible] какие-то рамы и рулоны бумаги. Первую скрипку во всем этом и[illegible] безусловно, Даумант.

— Не представляю, что бы я делала без Петерсона, — сказала как-то Майга Николаевна Рейнису Кар[illegible]у. — С красками и кистью он обращается так виртуозно, словно всю жизнь только этим и занимался. Талант!

Заместитель директора по хозяйственным вопросам Валентин Кристапович Рушко, издали завидев учительницу рисования, пустился наутек, однако Майга Николаевна, несмотря на свою полноту, оказалась проворнее.

— Нам потребуется еще пять метров полотна, десять листов картона, килограмм светло-зеленой краски. — На щеках ее появились милые ямочки.

— Я всегда относился к вам с уважением, Майга Николаевна, — произнес Рушко. — Но сейчас вы меня вот до чего довели, взгляните! — И он вывернул карманы. — Пусто!

— Найдем! — не уступала Майга Николаевна. — Хотите, первый вальс на карнавале я оставлю для вас?

— Не выношу этот танец, у меня от него кружится голова, — проворчал Рушко. — Давайте ваш список. Но сверх этого ни копейки.

* * *

Когда в праздничный вечер директор вошел в зал, его окружили сказочные существа — красные шапочки и снегурочки, арлекины и клоуны. С потолка свисали огромные разноцветные шары и гирлянды серпантина. Стены были украшены фантастическими рисунками.

— Ну как, нравится?

Директор обернулся. За спиной у него стояла настоящая ведьма с всклокоченными волосами, красным носом, в полосатых чулках и с метлой в руках.

— Майга Николаевна, честь вам и слава! — директор не скупился на похвалы.

Раздался скрипучий мужской смех, и ведьму как ветром сдуло.

— Хотите, погадаю, — предложила неизвестно откуда возникшая цыганка с красной розой в волосах. — На сердце у вас красивая блондинка и двое детей. Старший доставляет вам немало хлопот, но вот эта линия говорит, что все кончится благополучно.

— Откуда вам это [illegible] — [illegible]ректор вырвал ладонь из руки цыганки.

— Мне все известно, [illegible] профессия. — Цыганка сверкнула белыми зубами и исчезла.

«У кого из наших учительниц такие красивые зубы?» — размышлял директор.

Зазвенел звонок, возвещавший о начале концерта.

На сцену Клав вышел на руках. На ноги он натянул огромные рабочие рукавицы, а руки сунул в старые женские сапоги. Фрак на нем был по крайней мере номера на два больше, чем положено, и фалды его волочились по земле, а брюки, натянутые до подбородка, собрались в гармошку. Голову украшал цилиндр. Раздался взрыв хохота.

С минуту Клав ловко жонглировал цилиндром, тросточкой и рукавицами, а потом пригласил на сцену директора и географа. Под восторженный смех зрителей Клав стал вытаскивать из ушей и носа директора разноцветные серпантиновые ленты и обвил его ими так, что директор стал похож на полосатую куколку насекомого. У географа из кармана пиджака он достал несколько яиц и объявил, что яйца это не простые, а особенные, «колумбовы».

Старший брат Клава Юст и его друг Тагил пришли в свою бывшую школу посмотреть, как справится «малыш». Они знали, что Клав

мечтает поступить в Московское эстрадно-цирковое училище и тайком занимается с бывшим клоуном и жонглером Робертом

— А хватка у малыша есть! — оценил Тагил первое публичное выступление Клава. — Конкурс в Москве чертовски труден.

— Да, туда валом валят со всего Союза, и из самодеятельности, и эстрадники, и дрессировщики, — добавил Юст. — А у малыша с русским не ахти как.

Новый ансамбль бит-бита из восьмого «б» переживал первое боевое крещение.

Байба, белая как мел, прислонилась к стене.

— Мне нехорошо, я не смогу петь, — прошептала она.

Юрис не на шутку испугался. Ведь их номер через пять минут.

— Марга, нет у тебя какой-нибудь микстуры? — спросил он.

Марга порылась в сумочке и протянула каждому по таблетке.

— Стащила у мамы на всякий случай, — пояснила она.

— Я не пойду, ни за что, — Байба села на табуретку и вцепилась в нее руками.

— Ну, так мы тебя отнесем. Ребята, взяли! — крикнул Юрис.

Занавес открылся раньше положенного. Зрители с минуту недоуменно наблюдали за барахтающейся на табуретке девочкой, которую ребята несли к пианино. Потом раздался смех.

— Не вижу ничего смешного. Когда человек впервые выходит на сцену, ноги делаются ватными, — спас положение Клав.

Низкое бархатное меццо-сопрано полетело в зал.

— Даю голову на отсечение, если это не наша Рыжая! — воскликнул Арнис.

— Эта прическа ей подходит больше, чем доисторические косы, — безапелляционно произнесла Анна.

— А в длинном платье не видны худые ноги, — ужалила Санита.

— Настоящая красавица! — не мог оправиться от потрясения Арнис.

— Намазаться, так каждая красавицей станет!

— Курносый нос, сколько ни мажься, курносым и останется. А что, ребята, не избрать ли нам новую «мисс восьмой «б»?

— Заткнись! — прошипела Анна.

Песня Байбы так всем понравилась, что ей пришлось петь еще.

Когда Клав объявил следующий номер — музыкальную постановку «Он и она, или Краткое наставление в любви в пределах программы средней школы», завуч на глазах у всех обеими руками схватилась за

…ену и сердито посмотрела на Неву Александровну, которая отвечала …программу. Рейнис Карлович машинально нащупал в кармане таблетки нитроглицерина.

— Научно доказано, что в каменном веке путь к любви лежал через желудок, — произнес Клав. Янис что было силы ударил в новый барабан. На сцену, в звериной шкуре, босиком, выбежало существо с кудрявой шапкой волос, напоминавшее женщину. За ним следовало худосочное костлявое создание с огромной картонной костью в руке. Бросившись на колени, оно протянуло кость своей даме, которая тщательно осмотрела подарок, обнюхала его, приставила ко лбу палец, выразительно повертела им и в конце концов стукнула костью своего поклонника. Тот бросился бежать, но через минуту вернулся с огромным куском ветчины и, распластавшись на животе, протянул его даме своего сердца. По очереди они стали грызть угощение, удовлетворенно хлопая друг друга по плечу.

Вторая картина «Платоническая любовь».

На сцену вышли двое из [illegible] в хитонах из белых простынь, головы обоих были украшены [illegible] венками. Юноша держал в руке арфу из деревянных реек. Опустившись перед своей возлюбленной на одно колено, он стал декламировать под звуки трубы и барабана:

— Вот уж левкои цветут. Распускается любящий влагу
  Нежный нарцисс, по горам лилий белеют цветы,
И, создана для любви, расцвела Зенофила, роскошный
  Между цветами цветок, чудная роза Пифо.
Что вы смеетесь, луга? Что кичитесь весенним убором?
  Краше подруга моя всех ароматных венков.[1]

— В средние века все решали шпага и ловкость, — объявил Клав следующий номер.

На сцену выпорхнуло прелестное создание в длинном платье и остроконечном головном уборе, с которого свисала вуаль, закрывавшая лицо. За дамой следовали два кавалера, одетые в рыцарские доспехи — один высокий, другой пониже. Картонные доспехи, оклеенные серебристой фольгой, сверкали, как настоящие. Круглые металлические подносы, позаимствованные в школьной столовой, превратились в щиты, шампуры для жарки шашлыков — в шпаги.

— Вполне сносно, постаралась мелкота, — шепнул Юст.

[1] Мелеагр — древнегреческий поэт.

6*

Начался рыцарский турнир. Соперники, забыв о том, что доспехи на них картонные, вошли в раж. Тот, что пониже, оказался более ловким и гонял соперника по всей сцене. Дама обмахивалась платочком и с интересом наблюдала за поединком.

— Идиот, ты перебил мне завязки! — раздался отчаянный вопль. Все рыцарское снаряжение длинного грохнулось на землю, и он остался в коротких спортивных трусах. Зал взорвался хохотом.

— Ложись! — зашипел короткий. Придавив ногой грудь повергнутого противника, он поскреб шампуром по подносу и направился к даме сердца. Она накинула на шампур платок.

Победитель скандировал:

— Любимая, пусть бог
Благословит твой каждый час.
Когда б сильней сказать я мог,
Сказал бы, верь мне, сотни раз.
Но что сказать, сильней, чем то,
Что весь я твой, что так любить тебя
Не будет уж никто.

— Так вот почему Петерис вдруг стал интересоваться немецким поэтом средневековья Вальтером фон дер Фогельвейде, — улыбнулся Рейнис Карлович. — А дама сердца, конечно, Даце, кто ж еще!

Под звуки стремительной хабанеры на сцену с розой в зубах выбежала та самая таинственная цыганка, которая так точно поведала директору о его прошлом. И не только директору.

— Любовь всесильна, мир чарует, —

пела цыганка.

— Кошмар, кошмар! — тихонько стонала заведующая учебной частью. — Если об этом узнают в районо, выговор обеспечен. А о том, что узнают, никаких сомнений, кто-нибудь да не вытерпит, доложит.

— Кто эта великолепная Кармен? — спросил географ, наклонившись к Иеве Александровне.

— Не имею понятия. Этот номер вне программы.

После блестящей хабанеры парочка из прошлого столетия в исполнении Марги и Риты выглядела несколько бледновато, но Близнецов это не огорчило — карьера актрис их не привлекала.

По давней традиции танцы открывались вальсом. Клоуны и хиппи, крестьянки и герцогини толпились вдоль стен. Никто не осмеливался

...ать первым под взглядами сотен критических глаз. Как ни старался знаменитый учитель танцев Каулинь, вальс среди школьников был и остался не популярным, допотопным танцем. То ли дело современная трясучка — тут особого умения не требуется, дергайся себе в ритме музыки, и все дела.

— Девочки, видите тех двоих у дверей? Вот с ними бы станцевать! — не произнесла — выдохнула Санита. — Настоящие мужчины, не то, что наш детский сад. Особенно тот, в черном бархатном пиджаке. Спорим, это актер или поэт.

— Прошу вас, Мара! — Цауне галантно поклонился учительнице химии. — Покажем пример.

Через весь зал Тагил направился в угол, где толпились девочки из восьмого «б».

— Он идет сюда, прямо к нам! Я умираю! — встрепенулась Санита. Ее платье в цветных блестках, самое красивое в зале, переливалось и сверкало в свете прожекторов. Если глаза у этого парня на месте и есть хоть капля сообразительности, он не сможет пройти мимо такой красоты.

Анна встряхнула кудряшками и торжествующе улыбнулась.

— Извините! — Тагил довольно бесцеремонно отодвинул первую красавицу класса и поклонился стоявшей за ее спиной Байбе.

— И что он в этой рыжей команде нашел? — Анна раздраженно пожала плечами.

— Завидно, что не тебя пригласили, — съязвила Марга. — Пойдем, Рита, пока наши мальчики очухаются, твоим кавалером буду я.

Байба на кончиках пальцев скользила по гладкому паркету. Слегка кружилась голова, и было такое ощущение, словно она находится в состоянии невесомости, парит между небом и землей. Впервые она танцевала с мужчиной. Иманта, ее партнера во время урока танцев, приходилось толкать, поворачивать; легче было танцевать с деревянной чуркой, чем с ним. Имант, пока хоть чуть-чуть наловчился, оттоптал Байбе все ноги. И хоть бы раз извинился, да где там, о таких мелочах он и не думал.

Тагил осторожно вел девушку между танцующими.

— Вы хорошо танцуете, — произнес он. — Парите, словно птица.

На него глянули большие мерцающие глаза. Лицо, обрамленное пышными, схваченными лентой волосами, порозовело.

— Обещаете мне следующий танец?

— Хоть все, — вырвалось у Байбы, и она снова залилась краской. Получилось глупо, словно бы она сама навязалась.

Тагил на секунду прижал к себе девушку и кивнул. Байба посмотрела в угол зала, где стоял весь «цвет» восьмого «б» — Санита, Анна, Зайга, и ее охватила огромная радость. Она, вечно сидевшая в углу, считавшаяся в классе Золушкой, танцует, а красавицы Анна и Санита стоят.

— Что вы собираетесь делать после окончания школы? — спросил Тагил, когда танец кончился и оба уселись на составленные вдоль стен скамейки.

— Не знаю еще, мама хочет, чтобы я пошла в профтехучилище и стала ткачихой. Сама она работает ткачихой на «Ригас мануфактуре». Но мне...

— Пойдем на минутку, секретный разговор, — без лишних церемоний Санита схватила Байбу за руку и повлекла к девочкам.

— Ну, рассказывай! — приказала Анна

— Что рассказывать? — удивилась Байба.

— Не корчи из себя Незнайку! Кто он, актер? Или художник?

— Знаешь, Санита, моя бабушка говорила: «Много будешь знать, скоро состаришься», — Байба повернулась и направилась обратно к Тагилу.

— Ты что, тронулась? — крикнула ей вслед Санита.

— От успеха в голове помутилось, — подхватила Анна.

— Медленный вальс, мой любимый танец, — поклонился Тагил. — Разрешите?

Вечер близился к концу.

— А ну, прочь с дороги, другие тоже хотят покататься! — Клав оттолкнул Тагила и потащил Байбу на середину зала.

— Ты только не раскисай, — предупредил он одноклассницу. — Этот из скользких.

— Прости, я не расслышала, что ты сказал, — растерянно улыбнулась Байба.

— Не витай в облаках, детка! Можно упасть и разбиться.

— Ты его знаешь?

— Еще бы! Бывший одноклассник Юста. Изучает композицию в консерватории, играет на трубе и неплохо на фортепиано.

— Ну и дурно же ты воспитан, Клав, — сделала ему выговор

Санита, когда танец кончился и Клав присоединился к ребятам. — Так разговаривать с солидным человеком: «Прочь с дороги».

— Пардон, мадам. «Как умею, так и мычу», — сказал классик латышской литературы Янис Яунсудрабинь.

— Ты давно его знаешь?

— С пеленок.

— Не ври! Тебя серьезно спрашивают! — обиделась Санита.

— Он принц, единственное чадо маменьки и папеньки. Вырос в роскошном собственном доме, кормлен серебряной ложкой с серебряного блюда. Что еще вас интересует?

— Санита думает, что он актер, а я — что художник, — Анна не могла удержать любопытства.

— Не угадали, — засмеялся Клав. — Пока он туманная личность. Как говорится, бесформенная масса. И неизвестно, кто из него получится — артист или алкоголик. Жаль, Санита, тебе еще лет маловато. А то бы Тагил был для тебя подходящей парой — у предков денег куры не клюют, сам на колесах.

— Почему для Саниты, а не для меня? — удивилась Анна.

— Потому что у тебя хоть капля ума есть, а у Саниты в голове одни только импортные шмутки. Хотите докажу? — Клав наклонился над Санитой и под общий смех вытащил [illegible] из носа три пачки жвачки с надписью «Made in U.S.A.». Угостив одноклассников, он направился в раздевалку.

В зале звучал последний танец.

* * *

Легкий мороз приятно пощипывал разгоряченное лицо Байбы. Под светом прожекторов серебрились покрывшиеся изморозью ивы, росшие вдоль канала. Где-то рядом проносились машины, спешили поздние прохожие, а здесь, в парке, они были одни.

«Словно в волшебном царстве», — подумала Байба. И весь этот вечер был похож на сказку. Аплодисменты после выступления. Танцы. Тагил. И, наконец, эта ночь. Байбе казалось, что она видит прекрасный сон, и так не хочется просыпаться.

Оба сначала шли молча.

— Я, безусловно, не имею никакого права давать вам советы, — начал Тагил. — Но стать ткачихой, владея таким голосом, это большая оплошность.

— Мама и отчим считают, что через несколько лет я смогу хорошо зарабатывать и помогать семье.

— У вас такая большая семья?

— Нет, мать, братишка и отчим. Но отчим... — Байба замолчала. — В общем, это вам неинтересно.

— Я хочу знать все, что касается вас, — Тагил легко сжал руку Байбы.

Девочка всегда мечтала о подруге, которой можно было бы довериться во всем. Отчим запрещал водить в дом одноклассниц или ходить к ним. Байба росла замкнутой. И вдруг появился парень, красивый, словно принц из сказки, и хочет все о ней знать!

Возле управления газификации высилась одинокая и заброшенная в эту пору ледяная горка. Похожие на снеговиков ребятишки, целыми днями осаждавшие горку, разошлись по домам и давным-давно спали.

— Идем! — Тагил за руку втащил Байбу на горку. Со смехом оба скатились вниз. Байба зацепилась ногой за бортик и вывалилась в сугроб, увлекая за собой Тагила. Что-то горячее прикоснулось к ее губам. По телу прошла теплая волна. Девушка вскочила и бросилась бежать.

— Подожди, дурочка, куда же ты? — послышался сзади прерывающийся голос и быстрые шаги. Раздался милицейский свисток. Байба выбежала на улицу. Редкие прохожие недоуменно смотрели вслед бегущей девушке, за которой никто не гнался.

…лестнице своего дома она, наконец, перевела дух. Сердце бешено …билось.

«Что я наделала? Убежала как последняя дура? Зачем? Но это же … мой первый поцелуй!» Холодными пальцами Байба прикоснулась … все еще пылавшим губам. «Зачем он это сделал? Ведь так хорошо …ло, взявшись за руки, ходить по заснеженному парку, по нетронутому, только что выпавшему снегу, по которому еще никто не ступал. А если его задержала милиция?» По телу пробежали мурашки.

Девочка вышла на улицу. Часы в Старом городе пробили два раза. Посреди улицы, бренча на гитаре, прошла ватага ребят.

— Не печалься, девушка,
Не грусти, —

пропел кто-то.

В окнах Байбиной квар[illegible] света не было. В испуге она взлетела вверх по лестнице и о[illegible] двер. Никто не открывал. Байба позвонила [illegible] отчима.

— Это я.

— Переночуешь на лестнице, потас[illegible].

Байба села на ступеньку и тихо за[illegible]

Она не исполнила завет Лаймы — [illegible]сь домой до полуночи. И вот за это теперь наказана.

Из квартиры выше этажом [illegible] шумная компания и стала спускаться вниз.

— Что стряслось, девочка?

— Я забыла ключи от квартиры.

Открылась дверь, и отчим рывком втащил Байбу в коридор.

— Позоришь порядочную семью на весь дом, — прошипел он. — Марш спать!

Глава восьмая

«ПРЕСТО» — ЗНАЧИТ БЫСТРО

— Байба, пляши! — громко крикнул Клав, вбегая в понедельник утром в класс, и вытащил из портфеля большой конверт. — Гляньте-ка, по образу и подобию Ритиного письмовника. Надушено. Даже сердце, пронзенное стрелой и истекающее кровью, и то есть.

— От кого? — Сашта загорелась любопытством.

— Об этом уж спроси у Байбы. Письмо было приколото к дверям класса.

— И кому охота дурачиться? — рассердилась Байба.

Даумант с явным интересом следил, как она вскрывает конверт. В нем оказался конверт поменьше. Байба прочитала, вся зарделась и быстро спрятала письмо в нагрудный карман.

— Тебе что же, так дорога эта бумажка, что ты ее у сердца прячешь? — не выдержал Даумант.

Байба промолчала.

В школе она всегда отдыхала, и про себя жалела, что уроки проходят так быстро. Но сегодня время тянулось, словно черепаха. Историчке пришлось трижды повторить ее фамилию.

— Очнись! — Даумант толкнул в бок соседку по парте.

— Балтыня, что с вами сегодня? Расскажите о Сен-Симоне — представителе французского утопического социализма.

— Французский утопический социалист Клод Анри де Сен-Симон родился... — неуверенно начала Байба.

Даумант открыл сто сорок восьмую страницу учебника «Новой истории» и положил его перед Байбой. Дальше все шло как по маслу.

Вера Александровна Зариня была близорука, но очков не носила. Откровенно говоря, с историчкой у восьмого «б» никаких недоразумений не было. Вера Александровна разрешала отвечать с места, а прочесть по книге мог любой. На первых партах, к счастью, сидели самые сознательные — Зайга, Марга, Рита, Профессор, которые аккуратно готовили все уроки, в том числе историю.

Домой Байба чуть ли не бежала. Спрятанное на груди письмо обжигало.

«Милая Байба!

Не могу забыть этот чудесный вечер в моей старой школе, который я провел вместе с Вами. У Вас редкостный голос, надо только развивать его. Не делайте глупость, не ходите на фабрику. В ткацком цехе шумно и пыльно, это может все испортить. Я тут кое-что придумал, что может заинтересовать и Вас. Может быть, мы могли бы встретиться? Мой телефон 377977.

С дружеским приветом
Тагил».

Он не сердится! Он простил ей это глупое бегство. Он думает о ней — некрасивой, плохо одетой, неловкой. Что же теперь делать? Может быть, сразу же позвонить? Нет, нет, надо все как следует обдумать.

В квартире Найковского Байбе принадлежал крошечный уголок в так называемой гостиной — маленький столик, за которым она готовила уроки, и старомодный просиженный диван с высокой спинкой, украшенный овальным тусклым зеркалом, на котором она спала. Мама как-то заговорила о том, чтобы выбросить эту рухлядь и вместо нее купить модную тахту, но Найковский поднял страшный шум — что за глупости, это память о его покойной мамочке и все в том же духе. Мама и сдалась.

Забыв о сломанных пружинах, Байба с размаху бросилась на диван. От счастья ей хотелось петь.

— Что раскричалась как ненормальная! — недовольно произнесла мать, выходя из своей комнаты. Лицо у нее было заспанное, на голове бигуди. Из-под халата торчала [illegible] рубашка. — Всю ночь работаешь, и дома не отдохнуть.

— Извини, пожалуйста.

— Поставь вариться щи! Мясо в кладовке!

Байба впервые с чисто жен[illegible] смотрела на свою мать. Та всеми силами боролась со старостью — подкрашивала седеющие волосы, раз в неделю делала маску, соблюдала диету. Потеряв одного мужа, мать теперь дрожала над вторым. Найковский это знал и часто обращался с женой свысока, даже унижал ее. Байба с досадой смотрела на мать, которая выклянчивала у мужа любовь. Найковский без конца напоминал о своем благородном происхождении — его предки были польскими панами. Больше всего в отчиме Байба ненавидела лицемерие, жадность, жестокость и зазнайство. Девочку он терпел только потому, что она много работала и мало ела.

Байба обязана была отчитываться за каждую копейку, за каждый час, который проводила вне дома. Дважды Найковский не повторял. Ремень, годами висевший возле кухонной двери, мать убрала совсем недавно.

За ужином отчим с наслаждением пересказывал неизвестно где услышанные сплетни о распутных девчонках, которые пьют, курят, путаются с мужчинами и в конце концов попадают или в колонию, или в больницу.

— Современная молодежь окончательно распустилась. Девчонку в этом возрасте надо держать в ежовых рукавицах. — Это были его обычные рассуждения.

В дневнике, который Байба прятала в диване, она однажды записала: «Я его так ненавижу, что была бы счастлива, если бы он умер или ушел от нас». Матери было далеко за тридцать, когда родился братишка. Малыш тотчас стал главным в доме. Роландик жил в самой солнечной комнате. Роландику доставались самые вкусные кусочки, у Роландика были самые красивые игрушки. Маленький принц очень скоро сообразил, что всю вину за шалости удобно сваливать на сестренку.

Из-за разбитой братом старинной фарфоровой вазы девочка целую неделю не могла ни сесть, ни лечь на спину. Даже мать, отдирая от кровоточившей Байбиной спины рубашку, упрекнула мужа в жестокости.

— Спина заживет, а кто мне вернет сокровище моей бабушки пани Зоси? — крикнул в ответ Найковский. — Пусть скажет спасибо, что так отделалась. А то еще достанется!

— Достанется, достанется, достанется! — повторял Роланд, прыгая на одной ножке.

А ну их, эти мрачные мысли. Теперь все переменится. Она, конечно, как и раньше, станет все делать по дому, но в душе будет счастлива. А сегодня ей даже предстоит позвонить по телефону.

«Алло!» — раздастся в трубке голос Тагила. — «Добрый день, — скажет она. — Вы знаете, кто звонит?» — «Конечно. Ваш голос я узнаю из тысячи других».

Надо поставить вариться суп, и тогда можно будет сбегать на угол, в автомат. С соседского телефона вести такие разговоры опасно, может узнать Найковский.

Дрожащими руками Байба бросила в автомат две копейки. Раздался недовольный женский голос.

— Скажите, пожалуйста, Тагил дома?

— Не знаю, посмотрю. А кто спрашивает?

Байба растерялась:

— Однокурсница.

В трубке были слышны удаляющиеся шаги.

— Тагил у телефона. В чем дело? — внезапно услышала она.

— Это Байба.

— Какая Байба? А, помню, из моей бывшей школы, — голос потеплел. — Нам надо встретиться. Может быть, в баре «Рига»? Хотя нет, туда таких маленьких девочек не пускают. Вот что, махнем-ка в «Престо». Вы завтра свободны? Скажем, в шесть?

В шесть она никак не могла, надо было идти в детский сад за братишкой.

— Лучше в семь, — произнесла она несмело.

— Договорились. Встретимся у входа. Чао! — Тагил положил трубку.

У Байбы дрожали коленки. «Престо», вероятно, шикарное кафе, там все очень дорого. А ей на школьных обедах удалось сэкономить всего один-единственный рубль.

Надо спросить у Саниты, где находится это кафе. А что надеть? В форме неудобно, стыдно перед Тагилом. Он такой элегантный, как с картинки, а она — невзрачная школьница с допотопной косой.

Байба позвонила в квартиру [illegible]

— Ты как по заказу, — [illegible] Санита. — Я никак не решу задачку по алгебре. Пошли в мою комнату.

Самтыни жили намного состо[illegible], чем Пайковский и мать Байбы. В углу электрический камин. На [illegible]альном столике цветной телевизор. На полу — дорогие ковры, на стенах картины. Импортный столовый гарнитур блестел стеклянными витринами и полированными боками. Одна комната встроенной книжной полкой была разгорожена на две части, так, что брат и сестра имели каждый свой уголок.

— Ты была в кафе «Престо»? — словно бы невзначай спросила Байба.

— Конечно. Обед у нас в доме не готовят. Мама дает мне деньги, и я каждый день хожу в какое-нибудь кафе. Мы с Анкой знаем все лучшие кафе, только по вечерам опасно, на учителей можно нарваться. Неужели же ты ни разу не была в кафе?

Байба покраснела и отрицательно помотала головой.

— Ну и цирк с тобой! Во сколько у тебя свидание?

— В семь.

— Только не вздумай идти в школьной форме, — предупредила Санита. — И прическу смастери помоднее, а то выглядишь, как детсадовка. Могут и не пустить.

— Ты не одолжишь мне два рубля и свой полосатый джемпер на завтрашний вечер?

— Конечно. И брюки, если хочешь.

Санита по натуре не была жадной. Она сразу же поняла, что необычные вопросы Байбы вызваны таинственным письмом. Но как ни старалась она выведать, кто писал, Байба не призналась. Как только одноклассница ушла, Санита принялась названивать Анне.

— У Байбы завтра в семь свидание в кафе «Престо».

— У этой тетехи? — не поверила Анна. — И с кем же?

— Вот это нам и предстоит узнать. Мы тоже пойдем.

* * *

Весь вечер Байба сидела в своем углу и, обложившись книгами, делала вид, что усердно занимается. Отчим, мать и Роландик весело смеялись — по телевизору шла старая, как мир, кинокомедия «Веселые ребята».

«Маминой помадой чуть-чуть подкрашу губы, — мечтала Байба. — А может быть, позвонить Тагилу и сказать, что я не пойду в кафе? Это лучше всего. Можно ведь погулять [illegible] канала или съездить в Межапарк. Нет, туда нет, там по вечер[illegible]но. А если Тагил поймет, что я в первый раз в кафе и начнет [illegible] подтрунивать? Да что теперь, договорились, значит договорились».

* * *

Байба чуть ли не бежала — так боялась опоздать. У Больших часов она остановилась перевести дух. В запасе было еще несколько минут.

Тагил подъехал на элегантных темно-красных «Жигулях».

— Извините, я быстро! Только поставлю машину у гостиницы и тут же вернусь.

Санита и Анна стояли на другой стороне около магазина, спрятавшись за колонной.

— Так ей и надо, пусть не воображает, — обрадовались они, когда Тагил уехал. — Но почему она не уходит?

Байба разглядывала выставленные в витринах модели одежды. До чего ей хочется иметь вот это сшитое из мягкой ткани пальто с пушистым лисьим воротником! Темно-коричневая бархатная юбка и кружевная блузка подошли бы для торжественного случая! — Байба горестно вздохнула.

— Идем? — Тагил взял девушку под руку и повел в кафе. Анна и Санита двинулись за ними.

— Мест нет! — швейцар в галунах, похожий на опереточного героя, грубо оттолкнул девочек.

— Ничего, мы подождем! — заупрямилась Санита.

— Вечером детям вход запрещен. — Швейцар захлопнул двери прямо перед их носом.

— Никакие мы не дети. И кафе это молодежное.

На улице было зябко. У Анны в ее легких сапожках совсем закоченели ноги, и она прыгала то на одной, то на другой, пытаясь согреться.

Вместе с теплой волной воздуха из кафе высыпала шумная ватага. Девочки юркнули в кафе, и швейцар махнул на них рукой.

За столиками было полно молодежи. Инструментальный ансамбль, расположившийся на небольшом возвышении, с помощью микрофонов создавал такой шум, что приходилось кричать, чтобы тебя услышали. Никого это не волновало — все безмятежно потягивали коктейли, громко переговаривались, смеялись. Несколько пар, забыв обо всем на свете, танцевали на свободной площадке перед оркестром.

Тагил был здесь, очевидно, своим человеком.

— Чао, восходящее светило! Как сочиняется? Обещанная песня готова? Давай к старым холостякам! — неслось со всех сторон.

— Спасибо, на сей раз мы вдвоем.

Официантка, снисходительно оглядев Байбу, указала на крайний столик, убрав предварительно надпись «Занято».

— Что закажем? — спросила официантка.

— Выбирает дама. — Тагил повернулся к Байбе.

— Я... мне... — смутилась Байба. — Мне стакан чаю, пожалуйста, и кусочек торта, если можно.

Официантка фыркнула.

— Два «До-ре-ми», двести «Экспресса», сливки, печенье с сыром, — перечислил Тагил.

Мгновение — и заказ был на столе.

Сладкий крепкий напиток с тертым шоколадом и орехами оказался удивительно вкусным.

Анна и Санита долго разыскивали подружку в накуренном мрачноватом помещении, пока, наконец, не увидели ее в углу, за пышной пальмой. Девочкам повезло. Через два столика как раз освобождались места.

— Два черных кофе и мороженое «Эдельвейс», — заказала Санита.

— «Эдельвейса» нет, есть только фирменное мороженое «Престо». Это все? — раздраженно спросила официантка. Нечего расточать улыбки и любезничать с просиживающими часами за чашкой кофе девчонками без гроша за душой.

— И два коктейля «Петух», — произнес сосед по столу, изрядно подвыпивший мужчина, изображая благодетеля. — У таких девчушек с деньгами туговато, особенно если еще мама строгая.

— Так что с коктейлями делать? — сердито произнесла официантка.

— Неси сюда, пташечка, как-нибудь втроем одолеем.

* * *

— Клав, вероятно, тебе говорил, что я занимаюсь в консерватории по классу композиции. Сам я тоже кое-что сочиняю, в основном для эстрады, — рассказывал Тагил. — Есть у меня небольшой ансамбль биг-бита при клубе «Рассвет», ребята что надо. В музыку по уши влюблены. Пробуй! Не бойся, абсолютно безвредный напиток, настроение улучшает, больше ничего. Вот только с солисткой нам не повезло. Та, что сейчас поет, — настоящий Гаргантюа, да еще с мрачным, пропитым голосом.

Тагил очертил в воздухе размеры нынешней солистки, Байба громко засмеялась. Ей было легко и весело, словно она знала Тагила тысячу лет.

— Почему бы тебе не попробовать с нами?

Байба испугалась. Она вспомнила, как волновалась, как ей стало плохо перед выходом на сцену. Второй раз подобное переживать не хотелось.

— В клубе есть консультант — бывший оперный певец, он мог бы тебе поставить голос, — соблазнял Тагил. — Есть у нас и преподавательница танцев, она научит тебя свободно двигаться по сцене. А то в школе ты была похожа на загипнотизированного кролика. Ну, выпьем! За дружбу и музыку!

Сидевшие за столом Анна и Санита не спускали с одноклассницы глаз.

— Он чего-то от нее добивается! Жаль, ничего не слышно. У меня в голове звенит от этого дикого шума.

Официантка принесла кофе, мороженое и коктейли. Анна демонстра-

тивно пододвинула коктейли соседу по столу, который, подперев голову руками, затуманенными глазами уставился в пространство

Какое-то время девочки были поглощены кофе и мороженым.

— Супер, правда? — произнесла Санита.

— М-мм!

* * *

— Потанцуем? — предложил Тагил.

Байба незаметно глянула на свои стоптанные фетровые ботинки и ужаснулась.

— Нет, нет!

— Так как же наш союз? — не забывая о своем, Тагил взял Байбины ладони в свои и крепко сжал их. От прикосновения его пальцев горячая волна прошла по рукам Байбы и разлилась по всему телу. Тагил впился взглядом в лицо Байбы.

— Хотела бы я сейчас очутиться на месте Байбы, — вздохнула Санита. —Красавец мужчина! Чуть не Ален Делон.

— Круглая ты дура, — рассердилась Анна. — Ты что же, в самом деле не видишь, что этот подлец пытается подпоить нашу тетеху? Ну уж этого мы не допустим!

Байбу словно загипнотизировали, она боялась шевельнуться. С ней творилось что-то непонятное. То ей хотелось плакать, то смеяться. В голове было до странного пусто и не было страха — даже перед отчимом.

— Скажи — да! — настаивал Тагил.

— Да, да, да, — почти пропела Байба.

— Выпьем! За здоровье будущей эстрадной звезды!

Внезапно Байба почувствовала, что к горлу подступает тошнота Она побледнела.

— Уже поздно, мне надо домой.

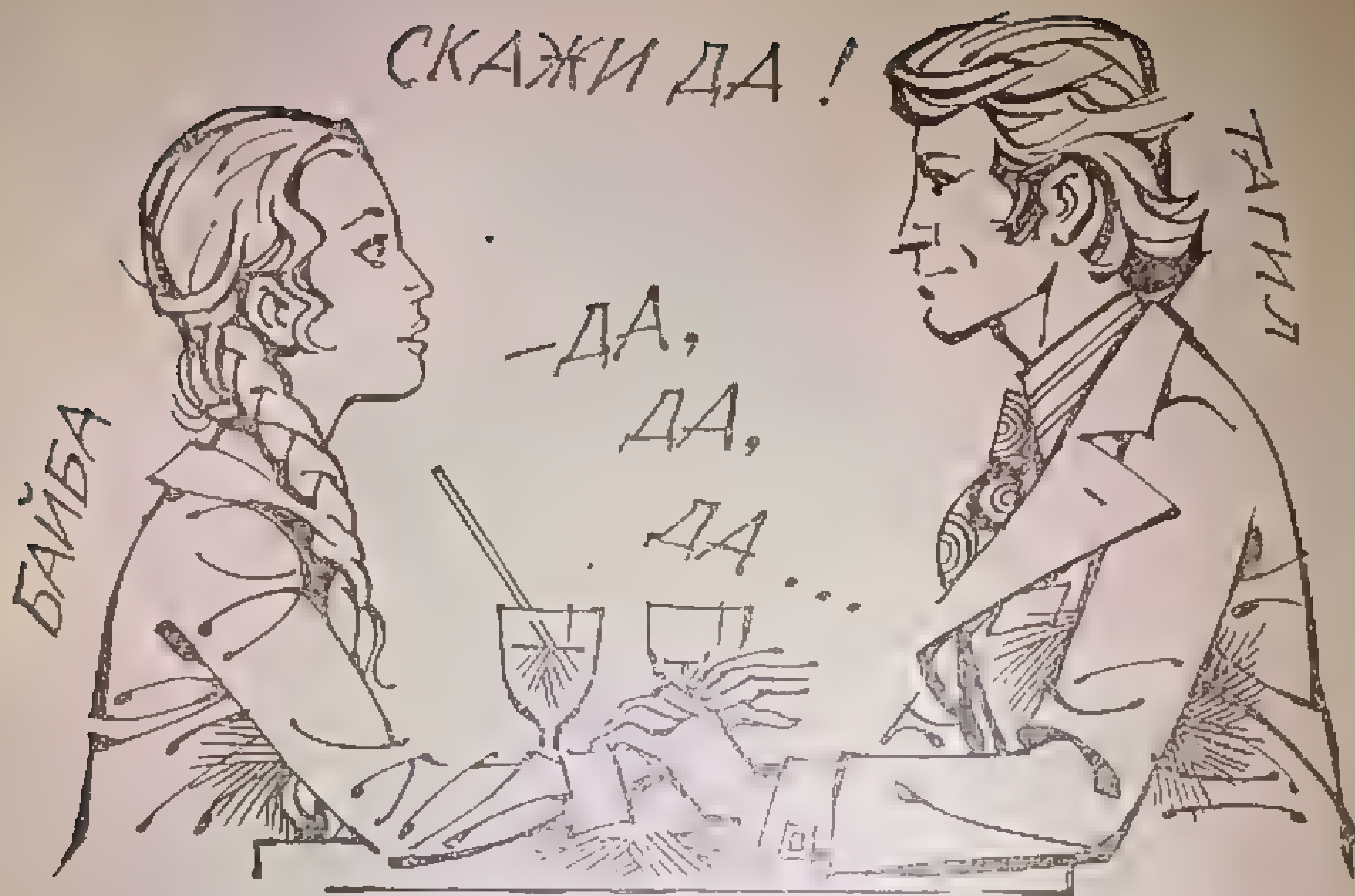
Тагил кивнул официантке.

— Сейчас он посадит эту простофилю в свою машину, отвезет к себе домой и обесчестит, — прошептала Анна, — А ну, пошли!

Санита не успела опомниться, как Анна уже повелительно спрашивала у Байбы: — Где твой номерок?

— А вас кто звал?! — опешил Тагил.

Санита, как зачарованная, смотрела на Тагила и глупо улыбалась. Байба чувствовала, что у нее дрожат коленки.

— Я пойду с подружками, — пр[illegible] она, уцепившись за Аннин локоть.

— Смотри сама! — Тагил и не пытался ее отговаривать. Своего он добился. И подавая Байбе пальто, шепнул: — Не забудь про наш уговор. В воскресенье в двенадцать я жду тебя у гостиницы «Рига». Мою машину ты теперь знаешь. Чао!

И не удостоив ни Анну, ни Саниту даже взглядом, Тагил вышел из кафе. Санита вздохнула.

— Ты не знаешь, где здесь туалет? — прошептала Байба, собрав последние силы.

На свежем воздухе Байбе стало легче.

— В жизни не возьму в рот ни капли спиртного, — поклялась она сама себе. — В первый и последний раз.

Высоко над головой, в хороводе мерцающих звезд, сияла круглая луна. Снег поскрипывал под ногами, когда девочки шли через парк. После накуренного кафе колючий воздух освежал, словно мороженое.

— Он приглашал тебя к себе домой? — не утерпела Санита. — Клав клянется, что у него не дом, а настоящий дворец.

Байба отрицательно помотала головой.

— Не успел, мы вовремя [illegible] поосторожней! — предупредила Анна.

Чем ближе они подходили к дому, тем беспокойнее становилось на душе у Байбы. Выручила Санита.

— Зайдем ко мне, возьмешь в рот мятную конфету, не будет пахнуть коньяком, — поучала она. — А потом я тебя провожу.

— Байба была у меня, мы вместе решали алгебру, — пояснила Найковскому Санита.

Отчим сердито посмотрел на девочку, но промолчал. С Самтыиями имело смысл поддерживать добрые отношения. Работников торговли он оценивал высоко.

— Странная девушка эта Байба, и не ребенок, и не женщина, — делился своими впечатлениями с Юстом Таппа, когда они поздно вечером попивали кофе. — Стоит мне пристально на нее взглянуть, она тут же бледнеет и краснеет. Другая бы до потолка прыгала от радости, а эта и не думает. А сколько труда стоило ее уломать! И уверенности никакой, что не передумает. Не знаю, как и вести себя с нею.

— Как дедушке с внучкой, — подтрунивал Юст. — Самое надежное.

* * *

Из дневника Байбы:

«Первое свидание в моей жизни. Он был очень красив, предельно вежлив и чрезвычайно остроумен. Девочки из класса в восторге от кафе, а мне не нравится, шумно, накурено. И люди паясничают, женщины громко смеются и кривляются.

Мне, конечно, хочется научиться петь, как поют Нора Бумбиере или Маргарита Вилцане. Но ведь у меня не такой хороший голос. Надо поговорить с учительницей пения Иевой Александровной».

* * *

— Самое разумное для тебя — закончить среднюю школу, а по вечерам заниматься в музыкальной, — посоветовала Иева Александровна. — Пение, как любой вид искусства, надо осваивать с самых азов. Не слушай тех, кто станет утверждать, что ты уже эстрадная звезда, и не забывай, что голос [illegible], можно сорвать его и лишиться навсегда. А клубом «Ра[illegible]» надо поинтерессоваться. Подожди меня здесь, я сейчас позвоню.

Иева Александровна имела обыкновение делать все тут же, не откладывая на завтра.

— Все ясно, — возвратившись, сказала она. — Консультантом там работает бывший оперный тенор Ирбе. Если у тебя есть время, смело можешь с ним заниматься. И передай, пожалуйста, большой привет от меня. Когда-то он был и моим педагогом.

* * *

— Поздравляю с успехом дочери. — В голосе старшей Самтыни сквозила плохо скрытая зависть. Обе соседки случайно столкнулись на лестнице. Мать Байбы удивленно посмотрела на элегантно одетую мать Саниты.

О каких успехах она говорит? Байба об этом даже словом не обмолвилась.

— Будь у моей Саниты такой голос, я от счастья не знала бы, что и делать, — не умолкала Самтыня. — Ничего бы для нее не пожалела. Обидно, конечно, но у Саниты нет никаких талантов к искусству.

наш частный педагог тоже так считает. Она скорее в меня, деловая. Но одно я вам должна сказать, соседка, — о девочке надо больше заботиться. У нее ведь одно-единственное школьное платье, да и то с заштопанными локтями и в груди узковато. На школьный вечер пошла она в Санитином платье, а то ведь стыдно девочке перед другими. Ведь не бедняки же вы. — И мать Саниты скрылась за дверью.

Мать Байбы, глотая слезы оскорбления, стала подниматься дальше.

Байба в старом выцветшем халатике мыла на кухне посуду.

— Это что еще там за успехи? — со злой обидой спросила мать. — Срам просто, узнаю обо всем от чужих, а не от собственной дочери.

Байба смутилась. За последние годы мать ни разу не поинтересовалась ее школьными делами. Двоек и замечаний у нее не было, учителя не жаловались, значит, все в порядке.

«И когда успела так измениться?» — приглядываясь к дочери, думала мать. Ведь вот только что была длинноногим нескладным подростком, вылитый отец, единственный мужчина, которого она самозабвенно любила и ради которого [illegible], не жалея сил, чтобы он смог выучиться на инженера, а потом возненавидела так, как только может возненавидеть брошенная жена. И все эти годы Байба была словно живое напоминание: смотрит на нее глазами первого мужа, улыбается его улыбкой.

— Оставь посуду, живо одевайся! Пойдем! — приказала мать.

— Куда?

— Увидишь.

Темно-синяя юбка, школьная блузка, брючный костюм, кримпленовое выходное платье, изящные туфли — у Байбы от волнения горели щеки. Значит, мама все-таки ее любит, а то бы не стала так тратиться. Она просто не умеет выразить свою любовь, как другие, — нежностью, лаской.

Домой девочка летела, как на крыльях, чтобы все еще раз тщательно примерить.

— Ну, теперь у тебя есть все, что у других? — спросила мать.

— Спасибо! — признательный взгляд дочери был красноречивее слов.

— Не могла до лета дотянуть, когда девчонка сама начнет зарабатывать, — злился Найковский, разглядывая покупки. — Сколько тут уже осталось, можно было и в старом походить. Столько денег выбросить на ветер!

Байба глотала слезы.

— С[illegible] уж и так обговаривают, скрягами обзывают. Са[illegible] т[illegible] прямо в глаза и сказала, — огрызнулась мать. — Никуда не денутся твои «Жигули».

Найковский скрылся в спальне, громко хлопнув дверью.

* * *

Из дневника Байбы:

«Какой сегодня замечательный день! Таких красивых вещей у меня никогда не было. Хорошо, что больше не придется просить у Саниты.

Послезавтра воскресенье. И зачем я пообещала Тагилу? Дадут они мне ноты, заставят петь, а я не смогу. Будет ужасно стыдно. Дойду до [illegible] и скажу Тагилу, чтобы искал себе другую солистку».

* * *

Решение Байбы привело Саниту в ужас.

— Ты что, тронулась? [illegible] колоссальную возможность! Я бы при таком голосище, как [illegible] минуты не сомневалась. Если ты боишься, мне ничего не стоит сказать твоей маме, что нам в воскресенье куда-нибудь надо.

О том, что ее интересует прежде всего Тагил, Санита предусмотрительно промолчала.

Волновалась Байба напрасно. Ребята из ансамбля встретили ее доброжелательно, как свою. Длинный Эгил, игравший на маленьком электрооргане и на гитаре, работал на фабрике музыкальных инструментов и по вечерам учился в музыкальной школе. Барабанщик Гирт учился в десятом классе, а трубач Ивар, по профессии токарь, сам признавался, что музыка для него отдых и радость.

Байба увидела совсем другого Тагила — никаких пожатий рук, никаких пристальных взглядов. Зал предоставляли в их распоряжение всего на два часа, и их надо было использовать максимально.

— Начнем с песенки из Байбиного репертуара. — Тагил сам сел за фортепиано.

Ребятам песня понравилась.

— Еще раз, только раскованней и веселее, — попросил Тагил. — Ты, вероятно, заметила, как непринужденно поет и двигается по сцене

Маргарита Вилцане. Поверь мне, эта легкость — результат серьезного, тяжелого труда. Десятки раз приходится повторять одну и ту же музыкальную фразу, одно и то же движение, пока, наконец, они не войдут в твою кровь и плоть.

Санита, надувшись, сидела в дальнем углу зала. Все о ней забыли, даже Байба, которая еще утром утверждала, что без нее пропадет. И как им не надоест пиликать одно и то же? Словно испорченная пластинка.

Стрелки на часах Саниты ползли медленно, словно улитка, а Байба и не заметила, как пролетело время. Она только-только освоилась, а в зал уже впорхнули маленькие танцовщицы, и занятия пришлось прервать.

— Для первого раза неплохо, — [illegible] Тагил. — Музыкальный слух у тебя [illegible]. [illegible] в неделю будем заниматься у меня дома.

— Мама не пустит, — ужалила Санита.

— Хочешь, поговорю с твоими родителями? — предложил Тагил.

— Найковский спустит тебя с лестницы, как Дауманта из нашего класса, — не унималась Санита.

Байбу от стыда бросило в жар.

А Тагила просто раздражала эта самоуверенная, разодетая по последней моде куколка.

— Ты что, нанялась к Байбе в адвокаты? — спросил он с иронией.

— Я вообще могу молчать, — обиделась Санита. — Байба сама просила, чтобы я ее охраняла.

— Это от кого же?

— От таких охотников за девочками, как вы! — отрезала Санита.

— И что это она? — удивилась Байба, когда Санита ни с кем не попрощавшись, выбежала из зала.

* * *

Из дневника Байбы:

«Тагил подарил мне книгу знаменитой французской певицы Эдит Пиаф «На балу удачи». В детстве ей жилось гораздо хуже, чем мне. Она родилась в Париже прямо на тротуаре улицы Бельвиль. Мать ее бросила, бабушка, чтобы она не плакала, поила вином, разбавленным водой, а отец каждую неделю приводил домой новую мачеху.

Она никогда не ходила в школу, всю жизнь писала с ошибками, не [illegible] нот. Когда ей было восемь лет, она выступала вместе с отцом — [illegible] акробатом — на парижских площадях, в казармах, кабачках. Сейчас у меня одна-единственная мечта — научиться петь».

Глава девятая

ДОСТОИН ТЫ СТАТЬ КОМСОМОЛЬЦЕМ, ДАУМАНТ?

Из дневника Байбы:

«Но день придет, и звезды среди дня
Заблещут в небе только для меня.
Тогда прощайте, серые дожди!
И здравствуй, жизнь, и счастье —
впереди!

До чего хочется, чтобы [illegible] Пиаф сбылись и в моей жизни. Чудная, добрая И[illegible] А[illegible]ровна! Она так долго уговаривала мою маму, что, наконец, победила. Мне разрешили посещать уроки пения в клубе и учиться играть на пианино у Тагила дома. Нейковский ходит злой и со мной почти не разговаривает. Он и слышать не хочет о том, чтобы я кончала среднюю школу. Пятнадцать лет, мол, — тот самый возраст, когда человек может уже сам зарабатывать себе на хлеб. Мама ругается с ним чуть ли не каждый день.

Я работы не боюсь, но так не хочется бросать пение».

* * *

Возле плаката с боксером вот уже несколько дней толпились мальчишки, обсуждали, спорили.

— Это нечестно, — возмущались младшие. — Почему только с тринадцати? Мы тоже хотим.

— Ничего не поделаешь, закон есть закон, — пожал плечами Даумант, добровольно взявший на себя организацию секции бокса. — Еще годика два придется потерпеть. Не вешайте носы! По себе знаю, годы летят, как на крыльях, и...

— Ты нам зубы не заговаривай, — перебил его брат Зайги четвероклассник Угис. — Скажи лучше — нам разрешат хотя бы смотреть, как вы тренируетесь?

Его осенила идея — организовать свой, нелегальный кружок: надо только посмотреть, как тренируются старшие ребята, и тогда уж они покажут.

— Я спрошу у тренера, может быть, он и разрешит, — отделался Даумант от малышей.

Ко всеобщему удивлению, в секцию бокса записались Петерис и Профессор, самые слабые мальчики из восьмого «б».

Петерис не терпел бокса, как и все, что было связано с применением грубой физической силы. Но у него были свои доводы, которыми он поделился только с Даце.

Профессор был убежден, что человек, обладающий сильной волей, может добиться всего. Вместе с отцом они составили режим дня, которого строжайше придерживались, и нарушали его только в чрезвычайных случаях. Мать Я[illegible] отец и сын, после ежедневной пробежки по [illegible], обливались [illegible] водой. По выходным дням они совершали длительные переходы пешком или на лыжах. И волей-неволей мать была вынуждена признать, что не отличавшиеся особым здоровьем сын и муж нынешней зимой даже не кашляли, не говоря уж об ангинах и гриппах.

Познакомившись с биографией трехкратной чемпионки Римской олимпиады американской спортсменки Вильмы Рудольф, Янис решил достичь успеха в нескольких видах спорта, начав с бокса. Не беда, что у него не развиты мышцы. Вильма Рудольф в детстве болела полиомиелитом, с трудом ходила и только благодаря сильной воле и настойчивости стала «черной газелью» — одной из выдающихся спортсменок мира. А наш Валерий Брумель! Рекордсмен мира по прыжкам в высоту! После тяжелейшей аварии, в которую он попал, родные и друзья думали, что он не выживет, а о его возвращении в большой спорт никто и не мечтал. Он раньше срока начал ходить, вторично сломал лодыжку, перенес еще несколько сложных операций, но нашел в себе силы вернуться на спортивную арену.

— Лучше цацкайся со своей химией, там у тебя, по крайней мере, получается, — от души посоветовал Имант Профессору. — С такими, как у тебя, граблями в бокс и соваться нечего.

8 — 978

— Поспорим, через год нокаутирую, — завелся Профессор. Имант отвернулся, не желая больше разговаривать на эту тему.

— Даумант исправился, — рассматривая новый номер стенной газеты, констатировала Зайга.

— Ты только что заметила? — удивилась Байба.

— А вдруг он все это делает для того только, чтобы угодить тебе?

— Почему мне? — не поняла Байба.

— Ну, потому что... — замялась Зайга, — девочки утверждают, что он тебя... что ты...

Байба вспыхнула.

— Помешались вы все окончательно! Сами же поручили с ним заниматься, а теперь насочиняли невесть что, — рассердилась она. — Можете сами с ним нянчиться! С меня хватит!

И, схватив портфель, Байба бросилась по коридору бегом.

— Чего ты психуешь? Постой! — крикнула Зайга вслед.

Несколько дней Даумант ходил недоумевая — никак не мог понять, что стряслось с его соседкой. Байба с ним не разговаривала, отворачивалась, даже не смотрела в его сторону, словно между ними выросла невидимая стена.

* * *

В четверг, как обычно, из школы оба вышли вместе. Был теплый апрельский день.

— Пройдемся по парку! — предложил Даумант.

— Можно, — безучастно согласилась Байба.

Вода в канале серебрилась на солнце. Возвратившиеся домой скворцы раскачивались на ветках и радостно щебетали. Старушки расположились на освещенной солнцем скамейке, кормили крошками голубей и изредка переговаривались. Из земли, словно зеленые острые копья, пробивались ростки тюльпанов.

— Ты заметила, ранней весной у каждого дерева свой оттенок. Березы издали кажутся фиолетовыми, плакучие ивы — зеленовато-серыми, верба — красной и даже оранжевой. — Даумант обладал удивительным чувством цвета. — Каждый человек тоже имеет свой цвет, который выражает его сущность. Санита, например, желтая, Анна — красная, Близнецы — розовые, Даце — зеленая, Профессор и Клав — синие.

— А мой цвет какой?

— Белый.

— Почему? Мой любимый цвет — голубой.

— Потому что в моем восприятии ты белая и чистая, как цветущая яблоня

Байба смутилась. А что если Зайга сказала правду? — не в первый раз подумала она.

— В последние дни ты такая мрачная. У тебя что-нибудь болит? Или дома что-нибудь случилось?

Байба помотала головой.

— Если отчим тебя тронет, только скажи, я ему...

— Даумант, я должна тебе что-то сказать, — замялась Байба. — Мы не сможем больше вместе заниматься

— Почему?

— Видишь ли, по [illegible] время, у меня музыка. Да и особой необходимости бо[illegible]е нет, от[illegible]ки ты исправил. И вообще подтянулся.

Даумант молчал. Те часы, что они [illegible] вместе, он каждую неделю ждал с нетерпением Они были как солнечный день, тепла которого хватало до следующей встречи.

— Почему ты молчишь? — Байба глянула на помрачневшего товарища.

А что ему говорить? Сказать правду? Ни за что И так все ясно Он для Байбы только объект, для которого надо урывать время. Он — всего лишь неприятное общественное поручение, от которого она наконец хочет отделаться.

— Все ясно, — процедил он сквозь зубы. — Что я для тебя — ноль, пустое место по сравнению с этим...

— С кем?

— Не притворяйся, врать ты все равно не умеешь! Все девчонки болтают, что ты из-за этого пижона голову потеряла. Где уж мне с ним равняться! Да я и сам понимаю — слишком прост для будущей эстрадной звезды.

— Не кричи так, люди смотрят! Давай сядем, поговорим. — Байба взяла Дауманта за руку. — Кто это тебе наговорил таких глупостей? Вероятно, Санита?

Даумант молчал и, опустив голову, мрачно глядел в землю. Подскочил воробей, с надеждой посмотрел на них своими блестящими

[illegible]ками, взъерошил перышки и, не дождавшись крошек, поскакал за подачкой к другим.

«Клянчит крошки, так же как я дружбу Байбы», — с издевкой подумал о себе Даумант.

— Ты ведь любишь бокс? А я так же люблю петь, — искренне сказала Байба. — Ты можешь меня понять?

— Тебе что, школьного ансамбля не хватает?

— Не хватает. В клубе занимаются гораздо больше, есть и консультанты по вокалу и движению.

— Тогда другое дело, — Даумант медленно поднялся, словно бы ожидая приглашения посидеть еще минутку. — Я пошел. Чао!

Байба задумчиво смотрела, как мальчик исчезает за поворотом, несчастный, с опущенной головой.

«Что я наделала! Обманула товарища! А все почему? Из-за чьей-то глупой выдумки. Даумант в меня влюблен?! Смешно просто. Зайга сама это придумала. Непонятно, что с девочками стало. Раньше вместе собирались, болтали. А теперь все ходят парочками, шепчутся. Марга с Ритой, Санита с Анной, Даце с И[illegible]. Анна записки от старшеклассников читает теперь только с [illegible]. И Санита хороша, вешается Тагилу на шею. А он ее терпеть не может. Тагил... Отчего у меня горят щеки, когда он на меня смотрит? Разве это любовь? Нет и нет, тысячу раз нет!»

Под порывом ветра качнулись деревья. Черная туча, ослепляя молниями, стремительно затягивала небо.

— Гром на голые деревья — быть голодному лету, — пробормотала старушка на соседней скамейке и засеменила домой.

Посыпались крупные капли. Байба припустила бегом, подняв над головой вместо зонтика портфель.

* * *

Даумант весь вечер пролежал на диване лицом к стене.

— Заниматься не надо? — спросил старший брат.

— К черту все занятия!

— Опять за старое. Показалось было, что ты за ум взялся.

«Какой смысл зубрить, ходить на курсы рисования, если единственному в мире человеку на это наплевать? — размышлял Даумант. — Дружба, любовь! Все пустые слова, писательские фантазии».

* * *

— Принес карикатуры? — спросил на следующий день Петерис, редактор стенной газеты.

— Нет.

— Как нет? — не понял Петерис.

— Очень просто — нет и не будет.

— У тебя что, не все дома?

— Ни одного, если хочешь знать! — Даумант отвернулся от Петериса.

— Я о вас была лучшего мнения, Петерсон, — с упреком сказала учительница химии Мара Петровна, ставя ему двойку.

— Что с тобой? — Байба посмотрела на соседа своими большими ясными глазами.

— А тебе что за дело? — [illegible]нув, отрезал Даумант. — Может быть, я безнадежно влюблен?

«Пусть Зайга и [illegible] думают, что хотят, я не должна его бросать, — решила Байба. — Нужно, чтобы Даумант сдал экзамены и поступил или в школу [illegible], или в прикладное училище».

— Извини меня, если можешь, — подошла она на переменке к Дауманту. — Я тебя обманула, в четверг у меня нет никаких занятий. Девчонки стали болтать, что ты... что мы... Вот я и решила, что вместе мы больше заниматься не будем.

Лицо Дауманта осветилось радостью. Он смущенно молчал.

* * *

Восьмиклассники уже давно готовились к обмену комсомольских билетов, изучали историю своей комсомольской организации, собирали материалы о героях-комсомольцах, перечитывали устав.

На одном из собраний Байба предложила принять в комсомол и Дауманта. Она перечислила общественные обязанности, с которыми он хорошо справлялся, успехи в учебе.

— А двойка по химии? — перебила ее Зайга.

— Это я была виновата, — зарделась Байба. — А потом эта двойка давно уже исправлена.

— Я лично предлагаю воздержаться, — запротестовала Зайга. — От Дауманта Петерсона всего можно ожидать. Между прочим, мы ведь до сих пор не знаем, почему ему пришлось уйти из старой школы?

— Что бы ни было, за это он уже наказан. Дважды за одно преступление не судят, — возразила Байба.

— И все-таки пусть объяснит, — настаивала Зайга.

Даумант нехотя поднялся.

— В моей бывшей школе были два субчика, воровали породистых собак и продавали на Чиекуркалнском рынке. Когда наша хозяйка из-за своей таксы чуть концы не отдала, я решил выяснить, в чем дело. Выследил я этих подонков и врезал, как следует. Один из них, на мою беду, оказался сынком нашего директора школы.

— Ты забыл рассказать, что из-за тебя Альфонс чуть без глаза не остался, — Зайга, оказывается, знала этот случай со всеми подробностями.

— Альфончик твой получил по заслугам, а Даумант, если хочешь, самый колоссальный парень в нашем классе! — встал Имант на защиту друга. — Зайга злится, что он на нее ноль внимания.

— Пожалуйста, без личных выпадов, — предупредила Анна, которая вела собрание.

— Если Зайга думает, что я брошусь перед ней на колени и стану просить прощения, то она глубоко ошибается, — с вызовом произнес Даумант и выбежал из класса.

— Вообще Байба права, Даумант — парень способный, только не очень волевой, — сказал Янис Круминь. — Сейчас он на верном пути И мы, комсомольцы класса, обязаны его поддержать.

— А кто из учителей даст такому рекомендацию? — не унималась Зайга. — Может быть, Мара Петровна, за то, что он тогда чуть не сорвал контрольную по химии?

— Не бойся, поручители найдутся, — оборвала ее Байба. — Я уже говорила Майге Эдуардовне и Рейнису Карловичу. Они согласны. Скажи, что ты имеешь против Дауманта?

Зайга покраснела. Она все еще не могла поверить, что Альфонс, друг детства, с которым она ходит в кино, так обманул ее, наговорив на Дауманта всякие небылицы Деньги у Альфонса были всегда. Так вот они откуда! Такой аккуратный, хорошо одетый, вежливый, и учится хорошо. Единственный, с кем родители разрешали дружить.

* * *

Байба проводила Даумантa до дверей школьного комитета комсомола.

— Буду держать кулаки! — пообещала она.

Присутствие Зайги среди членов комитета комсомола насторожило Даумантa. Но она, как ни странно, молчала.

— Ну, как? — спросила Байба, когда Даумант, красный от волнения, вышел из комнаты.

— Нормально. На все вопросы ответил.

— Поздравляю!

— Подожди еще. Не известно, чем кончится в райкоме.

Но и там все прошло благополучно.

* * *

Даце, член районного комитета комсомола, через неделю сообщила, что комсомольский билет Даумант получит вместе со всеми. Когда Байба передала новость Дауманту, он притворно схватился за голову

— Ну, туши свет! Вместо одной няньки теперь целых тридцать. Прощайте, мои детские шалости! Будущему комсомольцу они не к лицу.

Байба понимала, что за бравадой Даумант прячет свою радость и смущение.

Все три восьмых класса решили, что вручение комсомольских билетов должно стать настоящим праздником.

— И концерт будет. Аллегро, как там твой знаменитый ансамбль?

— В порядке. Разучили новую программу с популярной эстрадной певицей Байбой Балтынь.

— Пригласим родителей, пусть они расскажут о том, как были комсомольцами. — Это предложила Марга.

Восьмиклассники затихли, каждый взвешивал кандидатуры своих родителей.

— Мой отец выступил бы обязательно. С занудным докладом о том, какую роль в нашей жизни играют экономические знания, — вслух размышляла Зайга. — Отец любит говорить, а нам придется зевать от скуки. Его приглашать не надо. А вообще предложение Марги заслуживает внимания.

— Мама Даце могла бы рассказать о последних модах. Ты попроси ее, может быть, можно показать какие-нибудь молодежные модели, особенно для выпускного вечера, — предложила Анна.

— А у Клава отец строитель. Многие ребята собираются в строительный техникум, им интересно будет послушать.

— А у Профессора мать! Она же настоящий профессор, написала целую кучу книг. Говорят, у нее на экзаменах студенты так трясутся, что зуб на зуб не попадает.

Аллегро назвал и отца, и мать. Он был уверен, что они не откажутся. Вот тогда бы ребята узнали, что такое написать хорошую песню, как трудно работать с хором и как радостно и самому, и слушателям, если все получается.

Байба о своих родителях [illegible] упомянула. Отчим ни за что не пойдет, сколько ни проси, а мама, [illegible] ткачиха, постесняется выступить, хотя она и передовая [illegible] целый год висит на заводской Доске почета. [illegible], пригласит, а идти или нет, пусть решает сама.

— Арнис, а ты что молчишь? [illegible] мама самая знаменитая в нашей школе.

— Ничего не выйдет. Мама сейчас в Таджикистане. Снимается в фильме о разведчиках. Играет иностранную шпионку. Пишет, что научилась лазать по скалам как настоящая альпинистка.

— Жалко, — Анна вздохнула. Втайне она давно уже мечтала стать актрисой. Да и не одна она.

— Замечательная идея, — похвалил своих Рейнис Карлович.

— Такое мероприятие потребует немало сил, — засомневалась Марджория Леопольдовна, классная руководительница восьмого «а». — Знаю я наших родителей — готовы целыми вечерами перед телевизором сидеть, а как только в школу сходить — сразу отговорки: времени нет, заняты.

— Я тоже сомневаюсь, что у вас что-нибудь получится, — поддержала Марджорию Леопольдовну осторожная завуч. — Почему бы вам не сделать, как в других школах — пойти в комитет комсомола, получить новые билеты, и все?

— Мы не хотим, как другие, мы хотим торжественно, в школе, — не уступала Даце. — С комитетом комсомола мы уже договорились, сам секретарь обещал вручать билеты.

— Комсомольцы справятся без посторонней помощи? — спросил Рейнис Карлович.

— Справятся! — хором отозвались представители всех трех восьмых.

— На вашу ответственность, Рейнис Карлович, — со скрипом согласилась завуч.

— Что ж, я не возражаю.

— Ваш шеф — колоссальный мужик, — признали «ашники» и «вэшники», когда все вышли из учительской. — Без него ничего бы не получилось.

* * *

— Мама, можно я обрежу волосы? — собираясь на вечер, спросила Байба. — Ну на что это похоже — модный брючный костюм и старомодная коса, точно коровий хвост! Все наши девочки давно уже постриглись, одна я...

— Меня не интересуют другие девочки, — оборвала ее мать, — домой без косы не показывайся.

* * *

Из дневника Байбы:

«Ни у кого из наших девочек нет таких отсталых родителей. Вбили себе в голову, что длинные волосы — какая-то особая красота. Закончу школу, пойду работать и с первой же зарплаты постригусь. Обрежу и покрашусь в черный цвет. Надоел мне этот рыжий. Все обзывают — Рыжая, Рыжая».

* * *

Опасения Марджории Леопольдовны оказались напрасными. Комсомольское мероприятие не только не сорвалось, а, наоборот, всем очень понравилось. Один из инструкторов райкома даже написал о нем в газету, похвалил ребят за инициативу, родителей за активность — знакомить с разными профессиями особенно важно в восьмом классе, когда учащиеся стоят на пороге новой жизни.

Некоторым восьмиклассникам родители приоткрылись с неожиданной стороны. Если дома мать была неразговорчивой, усталой, готовила ужин, что-то чинила, стирала, убирала, отец читал газету, смотрел телевизор, иногда поругивал за плохие отметки, то здесь, на праздничном вечере, нарядно одетые, родители с увлечением говорили о своей работе, о комсомольских делах, и всем было интересно.

В маленькой актерской комнате за сценой царило оживление. Даце, Марга, Рита, Анна и еще несколько девочек примеряли принесенные Дациной мамой платья и готовились выступить в роли манекенщиц.

— Сейчас манекенщицы ходят танцевальным шагом, с подскоком, — тараторила Санита. — Я видела на смотре польской коллекции одежды.

— Дай-ка, я причешу тебя! — Дацина мама ловко расплела Байбину косу и уложила ее в тяжелый узел на затылке. Коротко подрезанные на лбу и на висках волосы завились кольцами.

— Ну-ка, надень это выпускное платье! — Она вручила девочке белое воздушное одеяние.

Байбина мать не сразу узнала в девочке с нарядной прической и в белом красивом платье свою дочь. Первый раз слышала она, как Байба поет. Дома отчим строго-настрого запрещал ей петь. И впервые она подумала, что, безоговорочно уступая требованиям мужа, она не раз обижала дочь. И если в школе Байбу только хвалили, то дома она была на положении служанки.

Юрис Кирсис познакомил мать Байбы со своими родителями.

— У вашей дочери хороший голос, с широким диапазоном и приятным тембром, — высказал свое мнение хоровой дирижер Кирсис. — Это редкий талант, его надо развивать.

— Девочка обязательно должна учиться в музыкальной школе, одной самодеятельности недостаточно, — добавила мать Юриса, известная оперная певица.

Мать Байбы задумалась.

После праздников для восьмиклассников наступил последний, самый ответственный этап. Не за горами были выпускные экзамены.

Глава десятая

НИЧЕГО ЖЕ СТРАШНОГО НЕ ПРОИЗОШЛО!

— Байбы уже четвертый день нет дома, — сообщила Санита в понедельник утром. — Мать боится, как бы она не покончила самоубийством.

Класс застыл. За окном в кроне цветущего каштана свистели дрозды. Громко сигналя, промчалась пожарная машина.

— Неправда! — Даумант схватил Саниту за плечи и стал немилосердно трясти. — Идиотские шутки!

— Чокнутый! Такими вещами не шутят. Ее мать собирается сегодня идти в милицию.

Последнее, что увидел Рейнис Карлович, были глаза его учеников — распахнутые от ужаса Дауманта, недоверчивые Зайги, полные страха Близнецов. Затем все поплыло, затянулось белой пеленой. Учитель безжизненно опустился на стул.

— Во всем виноват этот слизняк Тагил. Я его в порошок сотру собственными руками! — Даумант уже не владел собой.

— Успокойся! Ничего еще неизвестно. — Клав пытался сохранить хладнокровие. — С Байбой определенно ничего не случилось. Она со своим ансамблем, вероятно, уехала выступать

— Я этого п-проходимца добуду живым или мертвым! — Даумант от волнения даже стал заикаться. — Я его...

— Этот псих действительно убьет Тагила! — всполошилась Санита. — Слышишь, Тагил не виноват. Он сам на Байбу страшно зол. Из-за нее в субботу вечером чуть концерт не сорвался в санатории. Что я тебе потом расскажу, Анна! Суперприключение! — Она шепнула что-то подружке на ухо.

— Что же теперь нам делать, Рейнис Карлович? — спросила Даце. — Рейнис Карлович, что с вами?

Первой опомнилась Ма[illegible] и [illegible] в ка[illegible]лярию, где был телефон.

— Мамочка, милая, Р[illegible]. Ты же знаешь, у него больное сердце. Вызови, [illegible] помощ», ту, что со всяким оборудованием. Си[illegible], [illegible] столом. Хорошо, сделаем.

Ребята в это время сбегали за школьной [illegible]цинской сестрой.

Добрая тетя Милда, подняв б[illegible]жизненную руку учителя, долго искала пульс.

— Есть? — прорезал тишину полный страха голос Петериса.

— Не могу нащупать.

Казалось, учитель, положив голову на локоть, просто задремал или глубоко задумался. По руке рассыпалась волна седых вьющихся волос. Для ребят учитель всегда был пожилым, седым человеком, а медсестра помнила молодого, стройного мужчину с шапкой светлых волос. В эту школу оба они пришли сразу же после войны, каждый из своей воинской части. Тридцать лет уже прошло, тридцать лет...

«Для меня было праздником, когда ты иногда заглядывал в медпункт, — мысленно обращалась она к учителю. «У тебя, Милда, как в мирной гавани, тихо, уютно», — говаривал ты. А сам не искал в жизни ни тишины, ни покоя. Когда я еще тебе говорила: бросай ты свое учительство, побереги сердце, отдохни. «Успеется, — шутил ты, — вот буду в земле, тогда и...»

— Грех хоронить человека раньше времени! — опомнилась сестричка.

— Приехали! — сообщил Андрис, выглядывавший время от времени в окно. — Я побегу, дорогу покажу.

В класс торопливо вошел пожилой врач в старомодных очках, за ним два фельдшера и санитар с носилками. Врач долго не мог нащупать пульс в безжизненной руке учителя.

— Кордиамин!

Один из фельдшеров открыл кожаную сумку, достал шприц, набрал лекарство. Врач распорядился сделать укол в вену.

— Носилки!

Медсестра развязала учителю галстук, расстегнула воротничок рубашки. Врач при помощи стетоскопа пытался уловить биение сердца.

— Кофеин! Мезотон! Кислород!

Фельдшеры исполняли приказания молниеносно.

— Хоть бы он выжил, хоть бы он выжил, — как заклинание твердили про себя Марга и Рита, зажав мизинец левой руки.

— Жив! — произнес врач. — Глубокий коллапс. В машину!

Рейниса Карловича унесли.

Инфаркт — дело нешуточное, это одноклассники знали. А что такое коллапс?

— Это когда человек без сознания, — пояснила сестричка. — Не расстраивайтесь, все будет хорошо. Главное, жив. Полежит ваш учитель в больнице немного, глядишь, еще и танцевать на выпускном вечере будет.

* * *

Звонок звонил громко и настойчиво.

Отчим Байбы с ворчаньем поднялся из уютного кресла, стоявшего перед телевизором.

— Что тебе? — Он узнал Дауманта, но даже не подумал пригласить его в дом.

— Надо поговорить о Байбе. — Даумант ловко сунул ногу в дверную щель. Найковский нехотя скинул дверную цепочку и впустил Дауманта в квартиру.

— Где моя дочь? — со слезами в голосе спросила мать Байбы

С заплаканными глазами, с мокрым полотенцем на голове она выглядела старше своих лет.

— Именно это и я хотел спросить у вас. — Даумант старался держать себя в руках.

— Это по какому праву? Ты ей кто, жених? — издевался Найковский.

— Успокойся, Николо, — остановила его мать. — Всюду искали, — повернувшись к Дауманту продолжала она, — и в милиции, и в морге. Все больницы обегала.

— Не плачь, найдется, — успокаивал ее Найковский. — Думаешь, мне не жалко...

— Тебе служанку жалко, а мне — дочь. А если она и в самом деле руки на себя...

— Ерунда! — прервал [illegible] — [illegible] у музыкантов. Давно надо было до [illegible] могла, а не пускать с этими жуликами! [illegible] локти!

— Что вы в пятницу сделали Байбе? — [illegible] взглядом в глаза Найковского, спросил Даумант.

— Ничего.

— Лжете! Санита видела, как Байба, вся в слезах, бежала по улице.

— Ты что, опять ее бил? — дрожащим голосом спросила мать.

— Нет, — солгал Найковский.

— Бил Байбу, бил, — злорадно выкрикнул Роландик. — Такую Байбе влепил пощечину, что только держись!

— И мало! Чтоб ее ноги в моем доме не было!

— Не забывайся, это и мой дом, и Байбы тоже.

— Роланд, а что было после того, как папа ударил Байбу? — присев на корточки перед мальчиком, спросил Даумант.

— А что мне за это будет?

— Хочешь настоящий револьвер, который стреляет?

— Хочу-у. Байба стала плакать и кричать, что она больше не может, что ее держат, как в тюрьме.

— А потом?

— А потом она убежала. Когда ты принесешь револьвер?

— Когда придет Байба. Я ей отдам. А вас, — повернулся Даумант к Найковскому, — если, с Байбой что-нибудь случилось, вас... — он уже не владел собой.

— Это мне ты угрожаешь? Может быть, сам девчонку испортил. А ну-ка, позвони, жена, в милицию, скажи — ворвался убийца, телефон — ноль два.

Даумант, громко хлопнув дверью, выбежал из квартиры Найкозского.

* * *

— Хоть бы у Рейниса Карловича не было ничего серьезного, — переживала Анна, сидя в кафе «Вецрига» и ковыряя пирожное. — Не надо было тебе так кричать про Байбу.

— Думаешь, он из-за этого? — засомневалась Санита. — Чепуха! Полежит в больнице, полечится и выздоровеет. Даже хорошо, может быть, пришлют к нам молоденькую практикантку, не придется так зубрить. Ну вот, а теперь слушай... Только не падай в обморок! В субботу я была у Тагила на даче. И осталась ночевать. Маме сказала, что переночевала у тебя. Только не проболтайся.

Чашка с кофе, которую Анна только-только собралась поднести ко рту, застыла на полпути, глаза распахнулись от удивления.

— Честное-распречестное слово?

— Ы-гы, — подтвердила Санита с полным ртом.

— Байба тоже была?

— Эта Божья коровка? Были ребята из Тагилова ансамбля и... В общем так, слушай с самого начала. В пятницу, уже к вечеру, Байба промчалась по лестнице сама не своя: пальто нараспашку, глаза заплаканные, волосы растрепанные. А потом по улице понеслась, как ненормальная. Я, конечно, за ней. В вестибюле клуба налетаю на Тагила. Он про Байбу спрашивает. Ребята, мол, ждут, генеральная репетиция начинается, завтра выступать, а через полчаса освобождать зал. Ты бы слышала, как он отделал Байбу. Жуть прямо. Ну, а в самом конце — хоть всю жизнь гадай, не отгадаешь — пригласил меня в субботу на маленькую вечеринку. Не хватало одной дамы. Всю ночь я не спала, все обдумывала, что надеть. Кримпленовый брючный костюм уже не в моде, в нем, да еще с кружевами, я выгляжу желторотой первоклассницей. Надела голубое платье с серебристой нитью, которое мама купила на выпускной. Хорошо, что мои потащились в кино, оставила записку.

Машина, представляешь, несется под сто. Я рядом с Тагилом,

ребята — позади, над чем-то смеются, а сердце у меня... так и прыгает от счастья. Я бы так хоть до Северного полюса мчалась. Потрясающе, грандиозно.

Ансамбль выступал в каком-то санатории. Программа всем понравилась, некоторые вещи даже играли на бис. А потом мы поехали к Тагилу на дачу. На самом берегу моря. Блеск, скажу я тебе. За соснами — было слышно — шумело море.

Тагил завел нас в большой холл. Горел камин, а на полу огромный пушистый ковер. Вокруг низенького столика удобные скамеечки на колесах. На стенах большие фотографии. На некоторых Тагил снят еще мальчишкой. Такое, честно, видела я только в иностранных журналах и кинофильмах. Наверх вела лестница, и там были комнаты.

Вдруг раздвинулись [illegible] двери и появились три [illegible] в джинсах и потрепанных [illegible]. Тагил нас познакомил — актриса, художница, пианистка, [illegible], будущие. [illegible] подъехал столик на колесах, а [illegible]! Прямо так и разбежались. Как в сказке, честно. В [illegible], конечно, [illegible] что-то [illegible] жгло в горле. От [illegible] я сначала [illegible], боялась, что [illegible]. Но актриса стала настаивать — надо, мол, со всеми наравне. Тагил включил магнитофон, потрясные вещи, честно. Танцевали до одури, а потом вповалку свалились на ковер перед камином. Смотрели на пылающие угли.

А потом — ну ничего не помню.

Утром просыпаюсь, смотрю — незнакомая комната, колоссальный туалетный столик с тремя зеркалами, широкая кровать, голубое атласное одеяло. Сначала не сообразила, где я. Порядочно, видно, вечером выпила. Смотрю — рядом, закутавшись в одеяло с головой, кто-то спит. Тагил, думаю. Меня аж в жар бросило. Стянула одеяло — жуть! Гирт, этот рыжий барабанщик! Изо рта винным разит, табачищем, противно прямо. Не понимаю, как он рядом оказался.

— А тебе не страшно было, что он... что ты...

— Что ты! Такой молокосос! Он был в стельку пьян. Разбудила его, спустились мы вниз. В комнате невообразимый кавардак. На полу полупустые бутылки, закуски, у камина, завернувшись в ковер, спят будущая актриса и Эгил, ну, тот, что играет на электрооргане. Тагил и все остальные явились где-то к полудню, еле живые. Кое-как очухались, погуляли по берегу, проветрились, а вечером поехали домой. Ну, не колоссально? — хихикнула Санита.

Анна молчала. Но Санита этого даже не заметила.

— Тагил все-таки лучше всех! Как он танцует! А какие анекдоты рассказывает, животики надорвешь, — тараторила она.

— А как же Байба? — перебила ее Анна. — Ты сама сказала, что она смотрит на Тагила влюбленными глазами.

— Ты считаешь, она из-за меня? — притихла Санита. — Но как она могла узнать? Я никому ничего не рассказывала, только тебе.

Анна пожала плечами.

* * *

В то время, когда Даумант объяснялся с Найковским, а Санита расписывала Анне свои приключения, Байба, съежившаяся, маленькая, лежала в кабинете учителя пения Ирбе, укрывшись своим пальто. Большие глаза ее лихорадочно светились, лицо осунулось. Рука, потянувшаяся за стаканом воды, заметно дрожала. Но голова больше не болела, работала четко.

По коридору, громко переговариваясь, пробежали маленькие танцоры. Через минуту раздались звуки [illegible] и над головой затопали.

Постепенно она вспомнила, как оказалась здесь. В пятницу вечером она собиралась на репетицию, но отчим не пускал — заболел Роланд, надо было за ним ухаживать. Она ответила, что вернется через час, что в субботу вечером у них важный концерт и товарищей подводить нельзя.

— Тоже мне примадонна! Каждый вечер шляешься! — взорвался Найковский. — Если уйдешь, домой не возвращайся!

— Но ты же дома, и мама скоро придет, — сдержанно ответила Байба, надевая пальто. И тут отчим подошел к ней и дал пощечину.

Почему отчим меня так ненавидит? Роланда ведь он любит, все шалости ему спускает. Мать он тоже, вероятно, любит, иначе бы не женился.

А что было потом? Голова такая тяжелая.

Вся в слезах побежала она в клуб. В вестибюле глянула на себя в зеркало — ужас что за вид: заплаканная, лохматая, щека красная. Она зашла в туалет привести себя в порядок.

И, стоя здесь, услышала страшный разговор, который запомнит на всю жизнь.

Тагил: — Санита! Где Байба?

ЧЕШЬ СО МНОЙ ПОЕХАТЬ?
…ШЕСТНАДЦАТЬ…
О ЧЕМ РЕЧЬ!?

Санита: — Не знаю.

Тагил: — Вы разве не вместе пришли?

Санита: — Нет, отчим ее не пускает.

Тагил: — Черт возьми! Именно сегодня, накануне концерта! Придется самому за ней ехать.

Санита: — Бесполезно. Она куда-то убежала вся зареванная.

Тагил: — И ты ее не остановила?

Санита: — Я не успела...

Тагил: — А что ты вообще сюда притащилась?

Санита: — Я не могу без тебя, Тагил. Я люблю тебя, Тагил...

Тагил: — На черта мне такая девчонка сдалась?

Санита: — Я буду тебе стирать белье, варить обед...

Тагил: — У нас уже есть домработница. Кончай!

Санита: — Разреши мне хоть издали на тебя смотреть.

Тагил: — Что я тебе, картина?

Санита: — Я знаю, ты в Байбу втрескался.

Тагил: — Не было печали. С [illegible] не связываюсь. Рисковано. Она, вероятно, еще в [illegible].

Санита (рассмеялась): — Н[illegible] видела однажды. Знаешь, как[illegible] у нее в классе про[illegible]

Тагил: — А у тебя какая? Н[illegible]асса? Вообще-то у тебя уже все на месте. Сколько тебе лет?

Санита: — Шестнадцать.

Тагил: — Врешь. Да, ладно, не все ли равно. Завтра вечером у нас маленький сабантуйчик, как раз одной девчонки не хватает. Хочешь со мной?

Санита: — Что за вопрос?!

Тагил: — А теперь быстро разыщи Байбу!

Санита открыла двери туалета, но Байбе удалось спрятаться за дверь. И Санита ее не заметила. Когда в вестибюле стихло, Байба подбежала к кабинету учителя пения, быстро вытащила ключ и закрылась. Плакала. Заснула. Проснулась уже когда стемнело. Вокруг словно все вымерло. Со страхом добралась до туалета, наполнила водой графин. А потом снова впала в какое-то беспамятство. Зачем она очнулась? Как теперь жить? Растоптана ее прекрасная мечта о будущем, которая так окрыляла ее, помогала справляться с неприятностями. Тагил ее не любит! Не будь у нее голоса, он бы на нее и внимания не обратил. Но если человека любят, то любят его всего, а не отдельно

[illegible] глаза, голос. В Тагиле ей нравится все — руки с тонкими [illegible], которые словно летают по клавишам, его милое лицо с тем[illegible] глазами и улыбающимся ртом, его длинные волосы, вьющиеся, как у девушки. Как же теперь жить? Жить — и не петь?

А может быть, Тагил только притворялся, хотел скрыть, что она ему [illegible]? Кто же станет о своей любви кричать на весь свет! Ну, конечно, как же она раньше до этого не додумалась! Дура, разлеглась здесь [illegible] плачет!

Тагилу она никогда не говорила о своих чувствах. Да и как заговорить об этом первой?! Стыдно [illegible]! Но так иногда хочется прислониться к плечу Тагила и [illegible], как тебя обнимают сильные руки, словно [illegible] Разве [illegible] она сейчас с силами, поедет к нему и [illegible] Тагил [illegible] ее, как Саниту? Но она уже не [illegible] Джульетте, когда она полюбила Ромео.

Байба переплела косу, накинула пальто и вышла на улицу. В вестибюле толпились [illegible] какой-то праздник.

Ужасно хотелось есть. Байба пересчитала копейки. В ближайшем кафе она выпила [illegible], села в троллейбус и поехала на вокзал.

Было солнечное майское воскресенье. Люди толпами уезжали за город. Вербы, росшие вдоль придорожных канав, были усыпаны белыми пушистыми комочками. В зеленой траве желтели одуванчики. Среди жизнерадостных прохожих и Байба почувствовала себя веселее.

К даче Тагила вела узкая песчаная улочка. Люди что-то делали в садах, копали землю. Дымились кучи прошлогодних листьев, пахло шашлыками. Жаворонки, словно опьянев от прозрачного воздуха, щедро рассыпали свои трели.

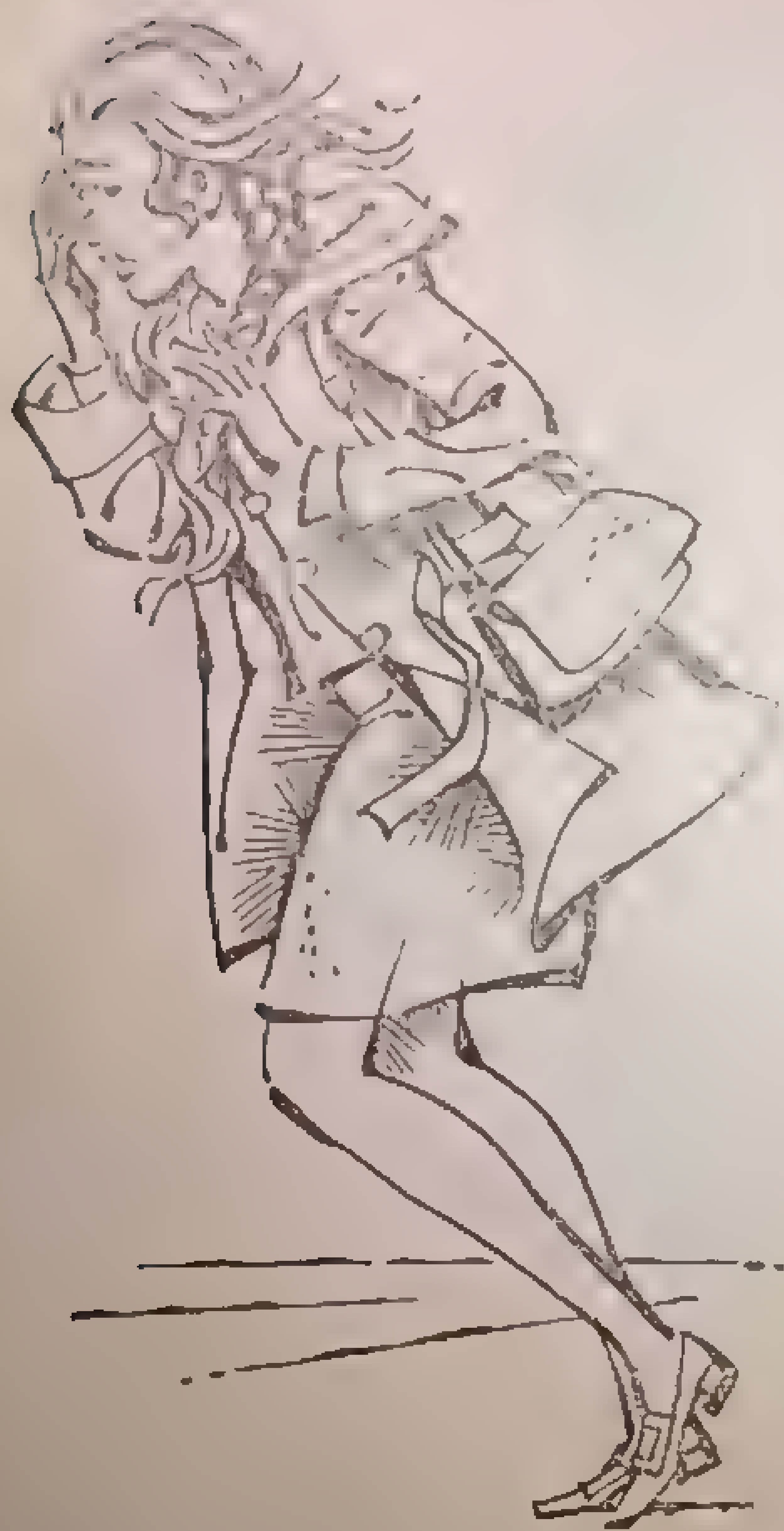
Трясущимися руками Байба открыла калитку. Один раз она приходила сюда за нотами, но деревья тогда были совсем голыми, под кустами лежал снег. Сейчас в саду цвели красные тюльпаны и желтые нарциссы. Молоденькая ива окунула свои нежно-зеленые ветви в небольшой пруд. Куст форзиций, усыпанный мелкими желтыми цветками, укрывал террасу. На ней целовались двое.

— Приходи вечером, — услышала Байба прерывающийся, но такой знакомый мужской голос. — Ты мне нужна, слышишь, нужна.

Тагил!

Девочка метнулась обратно к калитке.

...КТО ТАМ?
ВЕРОЯТНО, ОДНА ИЗ ТВОИХ ПОКЛОННИЦ...

— Кто там? Положди! — крикнул Тагил.

— Вероятно, одна из твоих поклонниц, — раздался женский голос.

Очнулась Байба на пляже. Море переливалось на солнце. На скамейке, прикрыв носы полосками бумаги, загорали три женщины.

— Что с тобой, детка? Почему ты плачешь? — участливо спросил седой мужчина, прогуливавший дога. Пес обнюхал Байбины ноги и дружелюбно помахал обрубком хвоста.

Байба провела ладонью по лицу, оно было мокрым. Улыбнувшись сквозь слезы, она повернулась в сторону моря. Уйти бы по сверкающей солнечной дорожке, вода бы сомкнулась над головой, и ничего больше бы не было — ни ненавистного отчима, ни предательства Тагила, ни ее первой несчастной любви.

Нестерпимо болела голова, ее снова начала бить дрожь.

Надо было идти домой, выпить таблетку аспирина, тепло укутаться. Но у нее нет дома, отчим ее выгнал.

В клубе начинался очередной вечер танцев. Контролеры узнали девочку и пропустили, ничего не спрашивая. Байба снова заперлась в кабинете Зигмунда Донатовича, легла и тотчас же погрузилась в тяжелый сон.

* * *

Как жить дальше? Бросить школу, пойти работать и жить в общежитии? Но у нее и паспорта нет, а таких на работу не особенно-то принимают.

Громкий стук в дверь прервал ее размышления.

— Что ты здесь делаешь? — удивленно спросил Зигмунд Донатович. — Ведь сегодня нет занятий.

Узнав, что девочка, совсем больная, вот уже три дня обитает в клубе, учитель заволновался.

— Сейчас же пойдем со мной! — приказал он.

— Эмма! — обра[illegible] он к [illegible] — Это моя самая лучшая ученица. Предста[illegible] больную из дома. Дай ей лекарство и ул[illegible]

Старая [illegible] на диване и дала девочке терм[illegible]етр

— Тридцать восемь и пять, — она покачала головой. —Выпей чаю с медом и прими [illegible]. [illegible] лучше, вызовем врача.

* * *

Из дневника Байбы:

«Живу у Зигмунда Донатовича и его [illegible]. Старички очень хорошие, добры ко мне. Если завтра не будет температуры, пойду в школу. Петь мне не разрешают, пока не окрепну».

* * *

— Байба? Байбочка! — обрадовался Даумант, увидев стоящую в дверях Байбу. — Как здорово, что ты снова с нами!

Байба грустно улыбнулась. Пережитое за последние дни словно отгородило ее от одноклассников высоким забором. По одну его сторону — беспечные подростки Марга, Рита, Юрис, Янис, Даце, по другую — там, где начинается настоящая взрослая жизнь с ее заботами и ответственностью, — она.

— Где ты пропадала? — теребил ее Даумант. — Мы весь город обегали, тебя искали. Имант даже в морге был, бррр, ну и жутко же там.

— Оставьте человека в покое, — отбивалась за нее Даце. — Не видите разве, человек после болезни.

Из дневника Байбы:

«Вчера приходила мама. Плакала, просила, чтобы я вернулась домой. Найковский жалеет, что ударил меня. Роландик каждый день про меня спрашивает.

Что мне делать? Здесь у З. Д. просто как в сказке — своя комната, делать мне ничего не дают, только учись. В клуб больше не хожу, занимаюсь здесь же. З. Д. предлагает жить у них до окончания школы. Он хочет, чтобы я пошла в среднюю музыкальную школу. Найковский на это, вероятно, никогда не согласится. Вчера позвонил Тагил, зовет на репетицию. Пока не могу его видеть».

Состояние Рейниса Карловича было тяжелым. Ему разрешалось лежать только на спине, разговаривать очень мало. У постели больного было установлено постоянное дежурство.

Каждый день после уроков Близнецы отправлялись в больницу. Врачи отделения уже знали девочек.

— Мы только скажем, что все в порядке, что мы стараемся, готовимся к экзаменам и ждем его возвращения, — упрашивала Марга.

Врач, однако, запретил посещать больного.

— Тогда разрешите на него хоть в щелочку посмотреть, рукой помахать.

Но и этого им не разрешили.

— Что же мне с вами делать? — озабоченно спросила завуч у восьмого «б». — Такому учителю, как Рейнис Карлович, замену не найти.

— Нам не надо заместителя, — от имени всего класса сказала Зайга. — По латышскому языку нам осталось только повторение, а с этим мы справимся сами.

— Может быть, ты и справишься, и еще некоторые, а что будет с лентяями?

— Лентяев не будет. Мы обещали своему классному руководителю, что все закончим школу, и слово свое сдержим.

И они действительно держали слово.

— Такое в моей практике впервые, — не переставала удивляться заведующая учебной частью. — Рядом с доской они повесили большой портрет Рейниса Карловича. Рисовал, вероятно, Петерсон. На учительском столе белые листки бумаги, на обратной стороне — фамилии. Зайга по листку вызывает отвечать, потом все коллективно ставят оценку, причем строгую и объективную.

* * *

Школьная медсестра Милда Яновна каждую свободную минутку старалась проводить у Рейниса Карловича. Она рассказывала о школе, хвалила восьмой «б». Учителя надивиться не могут, как изменились они в лучшую сторону.

— Неужели же мне надо было заболеть, чтобы они стали учиться? — грустно пошутил Рейнис Карлович. — Милда, у меня к тебе просьба. В следующий раз, как придешь, приведи с собой Дауманта Петерсона.

— Этого долговязого с кудряшками?

— Этого самого.

— Ты же знаешь, что тебе строго-настрого запрещено волноваться. А от этого озорника всего можно ожидать

— Приведи завтра же. Все будет хорошо.

— Даумант. Рейнис Карлович хочет тебя видеть, — сообщила на следующий день медсестра, заглянув в класс.

«Хана химии!» — обрадовался мальчик и стремглав бросился из класса.

«Почему учитель позвал именно меня?» — недоумевал Даумант. За последнее время ничего из ряда вон выходящего он не совершил, и отметки нормальные.

— Ты только не рассказывай ничего плохого, только хорошее, одно хорошее, — в который уж раз предупреждала медсестра. — Слышишь? А если он спросит о той девочке, что пропала, скажи, что уже нашлась. Он мне не верит, думает, я его обманываю. Только недолго, слышишь, — предупредила она, впуская мальчика в палату.

Рейнис Карлович лежал, откинувшись на подушки, и слабо улыбнулся Даумангу. У мальчика камень с души свалился. Рейнис Карлович хотел знать про класс абсолютно все. Даумант со всеми подробностями рассказал, как они повторяют латышский язык, как строго ставят отметки, строже даже, чем учитель, что завуч вначале не хотела учитывать эти отметки, а потом сдалась.

— К экзаменам мы ждем вас в школу.

— Я бы и сам не возражал, но врачи сказали, что еще месяца два придется пробыть в больнице. Даумант! Твой отец спас мне когда-то жизнь, но сам при этом потерял руку. Всю жизнь я чувствую себя перед ним в неоплатном долгу. Кто знает, доведется ли с ним еще увидеться. Отцу твоему я уже ничем не могу помочь, но мне ты должен пообещать, нет, поклясться, что сделаешь все для того, чтобы успешно закончить восемь классов и поступить в художественную среднюю школу. — Учитель говорил медленно, время от времени останавливаясь, чтобы собраться с силами.

Дауманта обдало жаром.

— Я клянусь, — чуть слышно произнес он. — Отец шлет вам привет. С тех пор, как вы у нас были, он не пьет и не ругается.

— И еще я хочу тебе сказать... У меня дома, на столе, лежит толстая папка — в ней история нашего партизанского отряда. Мне так и не удалось дописать. Пусть твой отец разыщет командира нашего отряда Берзиня и передаст ему эту папку.

— Зачем, Рейнис Карлович, вы еще сами закончите.

— Милда Яновна мне сказала, что Байба нашлась. Не оставляй ее сейчас одну. Ей очень нужна ваша дружба и поддержка. А теперь иди. Будь счастлив, мой мальчик!

— До свидания! — Даумант заставил себя улыбнуться. Этот мужчина с желтым лицом и глубокими страдальческими морщинами вокруг рта не был больше его учителем, это был кто-то другой, совершенно чужой человек.

* * *

— Рейнису Карловичу плохо, — сообщил на другой день Даумант.

— Я знаю, вы считаете, что это я виновата в его болезни, — тихо произнесла Байба.

— Не мели чепухи! — перебил ее Клав. — Так же и Санита виновата. Влетела в класс и заорет вдруг как сумасшедшая: «Байба пропала. Вероятно, покончила с собой!» Все знали, что у Рейниса Карловича больное сердце, что его нельзя волновать.

* * *

— Четверг — мой день! — Даумант взял у Байбы портфель.

Невидящими глазами Байба посмотрела на своего соседа по парте и, словно устыдясь своих мыслей, покраснела.

— Завернем в парк! — предложил Даумант. Байба молча кивнула.

Цвели каштаны. Перед памятником Блауманису раскинулся настоящий ковер из тюльпанов. Ледяная горка, с которой Байба и Тагил катались в ту сказочную [illegible], стояла никому не нужная, заброшенная.

— Вот и наша [illegible] — [illegible] за собой Байбу.

— Наша?

— Не помнишь? Здесь мы [illegible], когда была первая гроза.

— Мне кажется, это было давным-давно, — произнесла Байба задумчиво. — Мы тогда были совсем детьми.

— И я за это время стал на тысячу лет старше.

— Ты? — Байба внимательно посмотрела на Дауманта. — А ты почему?

— Неужели же ты действительно ничего не понимаешь? — огорченно спросил Даумант. — Я должен тебе об этом сказать...

— Не нужно.

— Ради тебя я готов на все — зубрить, поступать в художественную школу... Смешно, не правда ли?

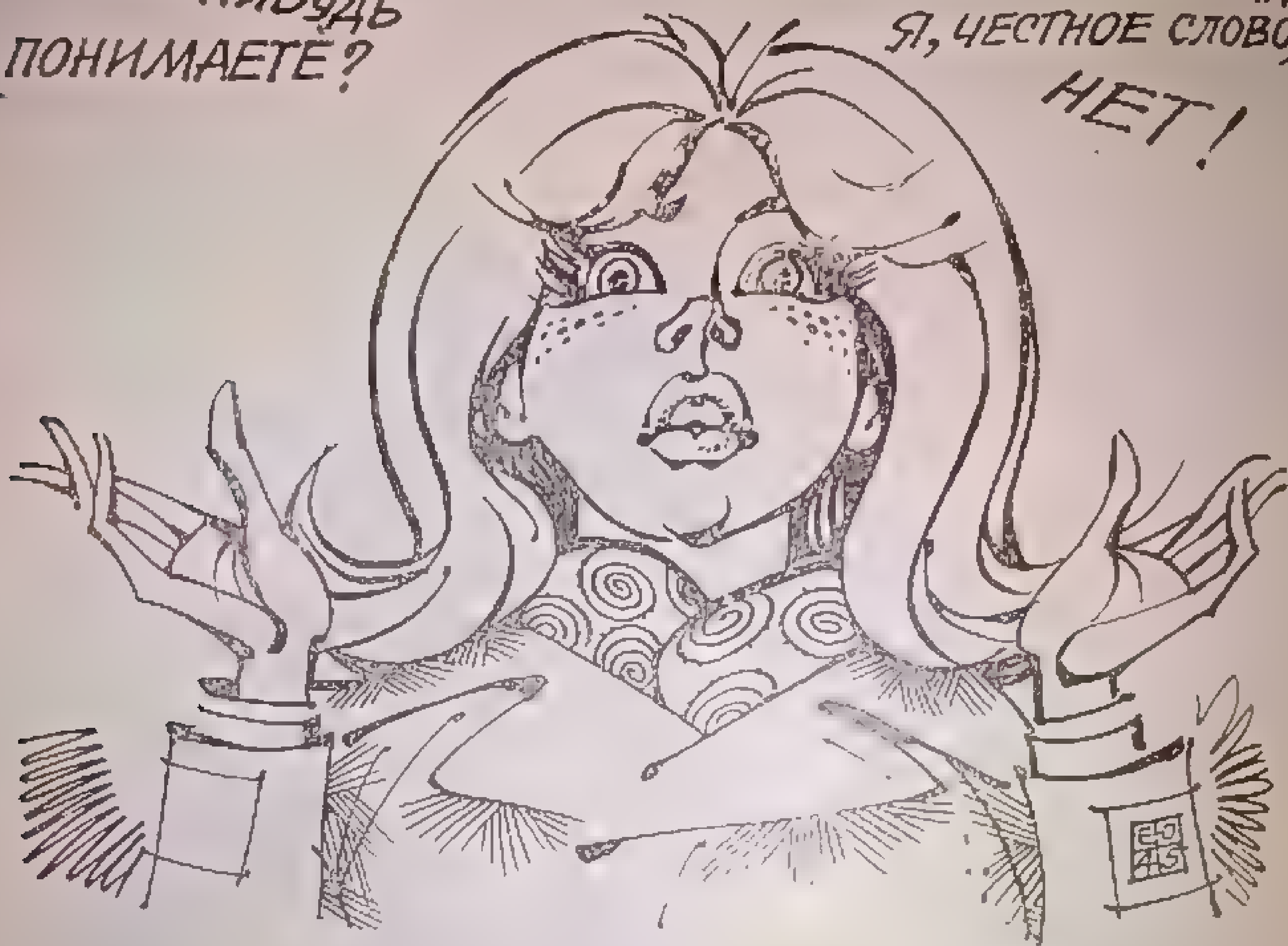
— Не смешно, — тихо произнесла Байба. — Обещаю, что мы навсегда останемся друзьями, что бы в жизни с нами ни случилось. — И она вложила свою узкую ладошку в широкую ладонь Дауманта и почувствовала, как дрожит его рука.

Мальчик крепко сжал Байбину руку и отпустил.

— Спасибо и за это!

«Почему рядом не Тагил», — мелькнуло у Байбы. Сиди он рядом и произнеси эти же слова, была бы она счастлива? После всего, что произошло. Прозрачная слеза скатилась по ее щеке.

9*

— Тебе плохо?

— Нет, — Байба улыбнулась сквозь слезы. — Уже нет.

— Могу ли я тебе чем-нибудь помочь?

— Нет, я должна разобраться во всем сама.

С минуту оба сидели молча и думали каждый о своем.

Кажется, она, наконец, поняла, что это за птица, Тагил, думал Даумант. Как она переживает! До чего же глупо сидеть рядом с дорогим тебе человеком, каждой жилкой чувствовать, как он страдает, и знать, что ты ничем не можешь ему помочь. Даумант сжал кулаки. Может быть, набить этому ловеласу физиономию?

Жизнь — не сказка. Байба тяжело вздохнула. Нет на свете милой доброй Лаймы, которая превратила бы Золушку в прекрасную принцессу. Нет и принца, который бы сделал сироту королевой. Тагил никогда не говорил, что любит ее. Получается, что она сама все выдумала? Для Тагила она была просто музыкальным инструментом, солисткой. От такой мысли Байба на миг даже оторопела — столь неожиданной она показалась.

— Пора домой! — Байба поднялась. — Домой? У меня даже дома нет. — Она с горечью усмехнулась.

— Пойдем, будешь жить у нас, — пригласил Даумант. — У нас, конечно, не апартаменты, но в комнате сестры место найдется.

— Спасибо, Даумант, ты настоящий друг. Но мне у Ирбе действительно неплохо.

* * *

На большой перемене девочки из восьмого «б» сидели во дворе под цветущим кустом черемухи.

— Между нами, девочками, говоря, Байба — ужасная дура, — тараторила Санита. — У Таниса из-за этой божьей коровки все пошло наперекосяк. Он заявил свой ансамбль на конкурс «Лиепайский янтарь», а теперь без Байбы все развалилось. Ведь у меня такой голос... — она чуть не плакала от злости.

— Бодливой корове бог рогов не даст, — незаметно подкрался к ним Арнис Лицис.

— А ну-ка, уноси ноги, да побыстрее, — сердито прикрикнула Анна. — Нечего подслушивать. Расскажи, что там на самом деле произошло?

— Вчера после обеда мне позвонил Танис, чтобы я срочно пришла в клуб. Мне-то что, я пошла. Смотрю, ребята носы повесили. Танис и говорит мне, что я должна поговорить с Байбой, чтобы она вернулась, иначе ансамблю конец.

— Почему же он сам этого не сделал? — поинтересовалась Даце.

— Байба его не хочет ни видеть, ни слышать. Вот так!

— Может быть, этот донжуан обидел ее? — заметила Марга.

— Ну уж чушь! — засмеялась Санита. — Страшно нужны Танису такие овечки! Байба, вероятно, придумала, что Танис в нее влюблен, ну, а когда все открылось, она и распсиховалась.

— А как ты? — не выдержала Анна.

— Это совсем другое дело, — Санита обиженно поджала губы.

— Если из-за любви столько терпеть надо, спасибо за пирожное, без них обойдемся, — сказала Марга.

— Ничего ты, Марга, не понимаешь, — вздохнула Даце.

— Рассказывай, что было дальше, — торопила Саниту Анна.

— Ну, пошла я к Байбе. Она сидела в огромном кресле и делала уроки. Гостиная у Ирбе большая, как зал, там и пианино, и пальмы,

картины по стенам развешаны. Словом, шик-модерн. Байба спросила, не Тагил ли меня послал, и уставилась своими прожекторами. Ребята хотят знать, в чем дело, говорю. И тогда Байба произнесла такое, что я не поверила своим ушам: она, мол, сейчас Тагила не может видеть, он ей, видите ли, кажется грязным. Это Тагил-то, который дважды в день меняет рубашки, грязный! Вы что-нибудь понимаете? Я, честное слово, нет.

— Ты, Санита, сапожищами топчешь чужие сердца и не в состоянии понять, что Тагил совсем не ангел, — перебила ее Даце. — А сейчас замолчи — Байба идет.

* * *

Из дневника Байбы:

«А чувство тает,
Коснись, попробуй,
И исчезает...

(Райнис)».

Конец

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИБ № 4432

Для среднего школьного возраста

Зента Эрнестовна Эргле

МЕЖДУ НАМИ, ДЕВОЧКАМИ, ГОВОРЯ...

Повесть

Редактор Г. Гореловский
Технический редактор А. Зандберг
Художественный редактор В. Шелков
Корректор И. Грузнова

Сдано в набор 30.07.86. Подписано в печать 30.01.87. Формат 70×90/16. Типографская бумага № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. 9,94 усл. печ. л.; 10,52 усл. кр.-отт.; 7,8 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 976-4. Цена 30 коп. Издательство «Лиесма», 226256. Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. № 44(32524)G-178. Отпечатано в типографии «Циня» Государственного комитета Латвийской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 226011. Рига, ул. Блауманя, 38/40. Обложка отпечатана в Рижской Образцовой типографии, 226004 Рига, Вienибас гатве, 11.

Эргле З.

Э 747 Между нами, девочками, говоря...: Повесть/Пер. с латыш. Ж. Эзит; Ил. Э. Озолиньш. — 2-ое изд. — Р.: Лиесма, 1987. — 135 с.: ил.

Повесть популярной латышской писательницы посвящена подросткам и их проблемам. В центре повести талантливая девочка, которая с помощью отзывчивых добрых людей преодолевает трудности, выпавшие на ее долю, и приобретает уверенность в себе и в своем призвании.

Э $\frac{4803010200 — 44}{М 801(11) — 87}$ 231 — 87

84Л7-44

0,30

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190